

У 123
ЗА
СТЕПНОЙ ПОХОДА
1918г
12 5
II V

Родимый край

Б. И. Анол 1967

С українським гаслом "Зарубення"

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донецкое Войсковое Объединение
Association des Cosaques du Don
Art. du Ministre de l'Int. J.O. 50 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Бобровский,
В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин,
И. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

PAÛŞ NATAL

№ 80 - 81. 1969. 10 Ф.
Parait tous les 2 mois.
Directeur: Bogaevsky.

B. BOGAEVSKY
236. Av. de la Division-Lectere
95 Montmorency
France

О Т Р Е Д А К Ц И И " Р О Д И М О Г О К Р А Я " :

Этот двойной № "Родимого Края" (80-81) посвящается Степному Походу, Походному Атаману генералу-от-кавалерии П.Х.Попову и началу казачьих восстаний на Дону.

Если о I-м Кубанском ("Ледяном") Походе Добровольческой Армии существует обширная литература, то о Степном Походе написано очень мало, да и то в виде описаний его отдельных эпизодов, описаний разбросанных по разным казачьим журналам. А Степной Поход - это яркая страница истории Дона, истории гражданской войны на юге России, о которой мы, казаки, находящиеся в свободном мире, должны оставить правдивое свидетельство для будущих историков.

Говоря о Степном Походе, нельзя не писать и о ген. П.Х.Попове, - вся его деятельность тесно связана с тем, что происходило на Дону в ту трагическую эпоху: до Степного Похода, во время него, и после него. Также тесно связаны со Степным Походом и начало казачьих восстаний, и как вполне правильно выразился А.П.Падалкин ("Степной Поход и начало каз. восстаний") вполне возможно, что не будь бы этих восстаний - судьба "Отряда Вольных казаков" могла бы быть иной, и возможно более трагичной. Но также возможно, что если бы не было бы этого Отряда Степняков, то и казачьи восстания были бы обречены на неудачу.

В прошлом году исполнилось сто лет со дня рождения ген. Попова. После его кончины в октябре 1960 г. был проект издать особый сборник посвященный его памяти. Для этого была создана специальная комиссия, но по разным причинам, от нее независимым (отсутствие средств, кончина многих ее членов и т.д.), эта задача не смогла быть выполнена.

Редакция "Родимого Края" просит принять ее искреннюю благодарность всех тех, кто дал ей возможность своими посильными взносами выполнить эту задачу. (Списки жертвователей были опубликованы в "Род. Крае" и "Русской Мысли") Матерьяла об описываемых событиях поступило столько, что выпуск типографским способом, несмотря на все денежные поступления, тоже оказался матерьяльно невозможным, поэтому мы были принуждены издать этот двойной № на ротаторе.

Большое казачье спасибо всем, кто своей помощью и участием позволил нам, помимо регулярного издания журнала, издать и ряд книг о

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

(К произведению Ф. Крюкова "Родимый Край".)

Существует мнение, что известное стихотворение в прозе Федора Дмитриевича Крюкова "Родимый Край" случайно найдено в его бумагах без даты и, следовательно, можно думать, что оно написано им в неопределенное время и вне зависимости от обстановки, имея в виду историческое прошлое Дона. На самом деле это не так.

Происхождение его тесно связано с переживаемыми Россией и Доном днями и поэтому фактическая сторона его появления имеет значение, а она такова:

после захвата власти большевиками в Усть-Медведицком округе во главе с Войсковым старшиной Мироновым (Ф.К.), 21 января 1918 г., Ф.Д. Крюков жил в своей Глазуновской станице, в 39 верстах от Усть-Медведицкой, изредка наезжая в нее повидаться с своими друзьями и навеситить сына, учившегося в реальном училище.

Когда, в конце апреля, в округе началась вооруженная борьба казаков-"кадет" с их противниками казаками-"мироновцами", изгнанный из станицы Усть-Медведицкой "Революционный Совет" Миронова перенес свою резиденцию к железной дороге в слободу Михайловку, откуда и руководил всеми операциями.

Вооруженная борьба разгоралась, переговоры, ведшиеся на происходившем в мае в Михайловке Съезде Делегатов обеих сторон, не приводили ни к чему и явно затягивались Мироновым, ожидавшим отряды красных матросов из Царицына и Борисоглебска, для наступления на Усть-Медведицкую, объявленную контр-революционным гнездом, подлежащим уничтожению.

Шла подготовка и в Усть-Медведицкой, но у казаков-кадет не было оружия, кроме шашек, не было патронов, даже на имевшееся ничтожное число винтовок. Приходившие отряды отдельных станиц, в 3-4 сотни конных и пеших казаков, имели на весь отряд всего каких-нибудь 15-20 винтовок, с 5-8 патронами на винтовку, что, понятно, не могло не отражаться на настроении казаков.

Воодушевленная учащаяся молодежь шла в бой, вооруженная одними палками и доставала себе оружие у красных. Были уже десятками убитых и раненых; в станице не было ни медикаментов, ни перевязочных средств и не было ни копейки денег на самые необходимые расходы по уходу за ранеными и не откуда было достать их.

Тот патриотический подъем, какой царил среди восставших казаков 14 хуторов ст. Усть-Хоперской, - родины Атамана А.М.Каледина, далеко не захватывал станицы и хутора округа. И в то время, когда за Доном уже горели хутора и шайки матросов с орудиями и пулеметами двигались от линии железной дороги на Усть-Медведицкую, расстреливая десятками ни в чем неповинных стариков, и когда безоружная молодежь и казаки восставших отрядов гибли в неравных боях, в это время в станицах и хуторах левого берега Дона шли бесконечные споры, на хуторских сборах, о том: - нужно ли участвовать в борьбе и чью принять сторону.

Некоторые хутора выбрасывали белые флаги, заявляя этим свою "нейтральность", другие делились на две группы "нейтральных" и "восставших" и, наконец, были хутора, делившиеся на резко обособленные три группы: "мироновцев", "кадет" и "нейтральных".

К этой последней группе, скрывавшей в себе и самый "шкурнический" элемент станиц и хуторов, в первые дни принадлежала и родная станица Ф.Д.Крюкова - Глазуновская.

Все эти колебанья казаков, бесконечные споры их на собраниях, начинавшиеся с раннего утра и кончавшиеся поздним вечером, — угнетающе действовали на Федора Дмитриевича, жившего в своей станице и часто вызывавшегося казаками на сбор, — для разъяснения тех или иных вопросов. Для него, приговоренного уже к смерти и чудом спасенного от расстрела, все вопросы были ясны, — он сам ни на минуту ни расставался с своим германским карабином и вопрос: "что делать?" для него разрешался просто: — нужно браться без колебаний за топоры и вилы и очищать родную землю от разбойничьих банд, именовавшихся революционным народом.

Но это мнение не было по душе большинству казаков его станицы, для них более были приемлемы призывы обыкновенных шкурников, скрывавшихся под видом нейтральных и в то время, как большая часть боевых казаков ушла к Миронову, а меньшая сражалась в рядах кадет, шкурники философствовали в станице на тему: "моя хата с краю".

Все убеждения Федора Дмитриевича на сборах, что эта шкурническая позиция не спасет их от расстрелов и грабежей красы и гордости революции — матросов, уж по одному тому, что они казаки, на его станичников не действовали, и только позже они убедились в этом горьким опытом, и Глазуновская станица была впоследствии одной из непоколебимых в своей стойкости в борьбе с красными.

В эти тяжелые первые дни начала борьбы с красными в Усть-Медведицком округе, в дни полной неопределенности, душевного шатания и неуверенности, не только в далеком будущем, но и в завтрашнем дне, в тяжелой общей душевной угнетенности — только учащаяся молодежь местных учебных заведений, с примкнувшими к ней студентами, была бодрой и веселой. Образованный из нее подъесаулом Алексеевым партизанский отряд, с пением своего бодрого марша, ходил за станицу на обучение, резко выделяясь среди общего угнетенного состояния.

А оно питалось фронтом, с которого шли тяжелые вести, — молодые казаки, так называемые фронтовики, сформированных в станицах отрядов держали себя неопределенно, среди них было много колеблющихся, а из хуторов левого берега Дона и прямо сочувствовавших Миронову, — все это создавало неуверенность в отрядах. Отдельные отряды часто митинговали, отказываясь выполнять боевые задания, все еще надеясь на мирное разрешение вопроса: — быть ли в округе большевистским советам или жить казакам по старине?

На поднявшемся восстании Усть-Хоперцев, мужественно дравшихся с большевистскими бандами, сыпались упреки, — в поднятии напрасно оружия.

Знаменитый Казьма Крючков, бывший по обыкновению в первых рядах, жаловался, что ему нельзя слова сказать, как ему сейчас же со злобой говорили: "всемирную славу хочешь и генеральские погоны".

При таком крайне неопределенном настроении казаков, не могло быть уверенности в поднятое ими же самими дело борьбы с большевиками у офицеров, призванных казаками же в свои отряды. Своим жертвенным примером они воодушевляли свои отряды и многие из них гибли при обстановке, исключавшей возможность этого в иных условиях, — так погиб сотник А.И. Емельянов, не поддержанный казаками отряда при команде его "в атаку..."

Но поднятое дело борьбы все же не умирало, напротив, оно росло и ширилось. Один за другим приставали нейтральные хутора к восставшим и высылали свои отряды за Дон на помощь бившимся там казакам.

И целые дни, на вершине Пирамиды, ставшей теперь "исторической" точкой округа, — стояли толпы народа, молча, пристально всматриваясь в даль Задонья, где на широком, многоверстном пространстве горели

отдельные хутора и кое где рвалась над ними шрапнель ... гудели орудия.

А по дорогам зеленеющей майской степи из присоединившихся хуторов, заунывными казачьими песнями, полными грусти, тянулись змейки казачьих отрядов, шедших к Дону на сборный пункт.

Далекой, эпической стариной, обвеянной грустью, веяло от всей этой картины...

На горе часто бывал и Федор Дмитриевич Крюков и Роман Петрович Кумов.

Здесь мало говорили, но само молчание говорило больше всяких слов.

В такой обстановке, между жизнью и смертью, в ст. Усть-Медведицкой был устроен "летучий" концерт для получения средств на первую помощь раненым.

Утром, в день концерта, к уезжавшему в свою Глазуновскую станцию, только что освобожденную от большевиков, повидать родных и свой очаг, обратилась его квартирная хозяйка А.В.Попова, приглашенная участвовать в концерте, написать что-либо для прочтения ею на этом вечере.

Федор Дмитриевич ответил:

- Что же я могу написать Вам, - стихов я не пишу, а стихотворений в прозе писать не умею, а то, что я пишу обычно, не подходит.

Это было за час до его отъезда, а уезжая он вышел из своей комнаты и, передавая ей набросанный "Родимый Край", сказал:

- Подойдет, - прочтите, а нет - выбросьте...

"Родимый Край" был прочитан под акомпанимент-экспромт рояли П. П.Васильева и произвел неопишное впечатление...

В открытые окна переполненного зала реального училища, с далеким видом на Задонье, видно было зарево горевшего в двадцати верстах за Доном хутора Зимовника, - то отряд красных, предводительствуемый матросом, жег дома семей офицеров, ушедших в противные отряды. Изредка слышны были одиночные орудийные выстрелы...

На сцене сидели 17 юношей партизанского отряда, раненых в бою под хутором Шашкиным, где из отряда в сто человек было одних только убитых 26...

Один за одним проходили вокально-музыкальные номера грустных мелодий, невольно отражавших общее настроение и, наконец, вечер заканчивался мелодекламацией А.В.Поповой. С редким, по теплоте чувства, искусством стала она читать это стихотворение, под мелодию казачьих песен, полную тоски и грусти.

Прочитанный несколько раз подряд, "Родимый Край" произвел на присутствующих неизгладимое впечатление...

Его наизусть знала молодежь, в стнях экземпляров его требовали на фронт и со словами из него "за честь отчизны" шли в бой молодые и старые казаки.

Психологическое влияние на казачьи массы этих немногих строк, сочетавших в простых и ясных словах близкие и безгранично дорогие душе и сердцу каждого Донца понятия, - было огромно.

Они, эти немногие строки связывали его настоящее с далеким прошлым истории его Родного края, обвеянной такой поэтической красотой, и в тяжелые, мрачные дни полной неизвестности его настоящего они придавали бодрость и укрепляли веру в будущее. В этих строках казаки своей простой душой глубоко чувствовали, что в их многовековой истории начинается новая страница, и что написанная их слезами и кровью, - она не забудется русским народом.

От Редакции: Незадолго до своей смерти Роман Петрович Кумов, друг Федора Дмитриевича Крюкова, поместил в № 12 "Донской Волны" от 26 августа 1918 г., издававшейся нашим талантливым писателем и журналистом, также безвременно погибшим, Виктором Севским (В.А.Краснушкиным) - трогательные строки, посвященные погибшим героям.

ПАМЯТИ ПОГИБШИМ ГЕРОЯМ.

Пусть позволит мне ваша чистая память возложить к подножью ваших безвременных могил несколько смиренных благодарных благоговейных былинки.

Я не погублю для этого в моем маленьком цветнике ни пышных маков, ни тонкостебельных синеоких васильков - пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живут и дышат в память вашу...

Но я отдам вам то, что мне дороже всех пышных маков, синию васильков и благоухающих левкоев: несколько былинки седой горькой полыни и полевого цветущего чебора. Пусть они напомнят вам, как напоминали когда то мне на чужбине, о прекраснейшей стране под солнцем, где течет единственная в свете по синеве своих вод старая Река и где на пустынных прибережных горах колышится белая подсохшая полынь да сладко курится розовый ладонный чебор.

Пусть расскажут они вам, как рассказывали когда то мне в далеких землях, о нашей тихой станице под высокими горами - Пирамидами, о милых изрытых дождевыми потоками, улицах, о старом задумчивом соборе, на котором чудесно трезвонят ко всеобщей под праздники, о сиреневых палисадниках, о заросших шумящими пахучими левадами и садами Базах и Клинах, с коротеньких переулках к Дону с восхитительными видами на старую синюю богатую воду.

Пусть скажут они вам о ваших оставленных на степной стороне, беленьких домах под лепечущей вишней, о грустных лампадках, зажженных в вечерний час близкой рукой во имя ваше, о родных, о близких людях, - о всем том, что вами, высокими, оставлено ныне беззаветно и бесприкословно, ради долга и высокой чести...

И пусть передадут они вам, что вся великая Донская Степь с седой полынью и розовым чебором, с чистой ромашкой и важными красноглазными татарниками, с холодной мятой и узорчатым тысячелистником, со всяким, всяким полевым разнотравием, ныне клонится перед вами ниц и поет, как под сильнейшим свежим ветром: "слава вам, слава"...

Клонятся ниц полинявшие под солнцем деревянные голубцы при дорогах, возмутились в глубоких тенистых оврагах ключевые воды, возшумели полевые дикие красавцы - боярышники и луговые терны, задымила травяным ароматом дебелая яркая "роза" под подъемным слуховым окном: "слава вам, слава"...

Падают ниц, до самой сырой земли, степные народы, и те, которые пьют воду из старой синей Реки, и те, которые пьют воду из далеких степных жемчужных озер, на белых хуторах: "слава вам, слава".

С Л А В А   В А М ,   С Л А В А .

Роман Кумов.

ГЕН. П.Х. ПОПОВ И ЕГО РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИИ БЕЛОЙ БОРЬБЫ.

Кто в Новочеркасске, особенно среди кадет, не знал Н-ка Новоч. Воен. Уч-ща ген. Попова? Его видели на парадах, его встречали в городе, но... это было знакомство издалека. Весной 1912 г. случай помог нашему выпуску встретиться с ним и оценить его немного ближе. В этот год, по окончании экзаменов, для строевой сотни был введен недельный поход с ночевкой в палатках и довольствием из походной кухни. Ввиду отъезда 6-го и 7-го классов частью в Москву, на открытие памятника Императору Александру III, частью в Петербург, на гимнастический съезд кадетских корпусов, в поход выступили только два отделения 5-го класса, перешедшие в шестой. Среди нас было много музыкантов и, выпросив инструменты, мы сымпровизировали небольшой духовой оркестр. При выступлении от нашей музыки собаки разбежались в разные стороны, но в походе мы быстро сыгрались и имели небольшой репертуар.

Возвращаясь в Новочеркасск со стороны Александрово-Грушевска, мы в сумерках подошли к юнкерскому лагерю и грянули какой-то марш. Из рощи послышались крики, а затем топот ног бегущих к ж.д. платформе юнкеров. Когда мы подошли к ней, раздалась команда "смирно" - то взвод юнкеров отдавал честь донским кадетам. Мы ответили тем же, после чего были приглашены в Училище на ужин.

Ген. Попов встретил нас в столовой, поздоровался и предложил развлечь юнкеров музыкой, пока все приготовят. Когда ужин был подан, он поблагодарил нас за игру и даже поставил в пример своим юнкерам, а потом, обходя столы, беседовал с кадетами, спрашивая, как мы перенесли поход, ночлег в открытом поле и прочее. Вряд ли он думал тогда, что через 6 лет, с такими же юнцами, какими мы были в то время, ему придется проделать гораздо более тяжелый, длительный и героический поход по Сальским степям, в борьбе за честь и вольность Донского Войска.

Ласковое, чисто отеческое отношение ген. Попова к юным кадетам, произвело на нас большое впечатление и, покидая лагерь, мы прокричали в честь Н-ка Уч-ща громкое "ура".

Прошло немного лет и разыгрались грозные события. Началась первая мировая война. Многие из юных кадет и юнкеров, став офицерами, сложили свои головы на поле брани. На пополнение убыли десятков донских полков требовались все время новые офицеры. Их ускоренная подготовка была возложена на ген. Попова, как опытного Начальника Уч-ща, что помешало ему уйти на фронт, и в этой скромной, но ответственной должности, он продолжал оставаться в тени, пока не разразилась революция, сокрушившая вековые устои Российской государственности.

Развернувшиеся в Новочеркасске события сразу вынудили ген. Попова на первый план. Новочеркасское Воен. Уч-ще с первых дней стало оплотом порядка против развивавшейся всюду революционной анархии. Попытка Обл. Исп. Комитета сменить Н-ка Уч-ща не удалась, т.к. юнкера заявили, что если тронут ген. Попова, то они будут защищать его с оружием в руках ("Донская Летопись" № 2).

По мере углубления революции и стихийно развивавшегося "нейтрализма" донских частей, три сотни дисциплинированных и преданных своему Н-ку Уч-ща юнкеров, представляли единственную реальную силу, на которую опиралась донская власть. Юнкерам пришлось выполнять задания самого разнообразного характера, но особенно важной была роль, которую сыграло Училище в деле организации донских партизанских отрядов. Им оказывалась помощь и советом, и инструкторами, и обучением стрельбе из пулеметов. Благодаря этому, сколь велико было общее число ге-

роических защитников Дона в конце января 1918 г., все же их было значительно больше, чем в начале того же месяца, когда по словам Атамана Каледина у него на всех фронтах оставалось 67 штыков. И когда 29-го января прозвучал трагический выстрел и не стало Атамана, те, кто был тогда в Новочеркасске, помнят, какая жуткая и гнетущая атмосфера царила в городе. Если в тот же день не рухнуло все, то только потому, что если не тысячи, то все же сотни донских партизан, истекая кровью, сдерживали напор красной гвардии, позволив вновь организовать атаманскую власть и продолжать борьбу.

В тяжелый и грозный час согласился ген. Назаров стать Донским Атаманом, а ген. Попов принял назначение на пост Походного Атамана. Нужно было глубокое сознание долга, чтобы не уклониться от ответственности. В распоряжении ген. Попова находились только немногочисленные партизанские отряды, да три сотни юнкеров, т.к. остатки еще не разошедшихся по домам строевых частей не исполняли больше никаких боевых приказов. Попытка привлечь к обороне казацки дружины ближайших к Новочеркасску станиц успеха не имела и стало очевидно, что одни партизаны, несмотря на весь их героизм, не смогут долго сопротивляться напору многочисленных и хорошо вооруженных отрядов большевиков. Занятие последними Новочеркасска и установление на Дону советской власти было неизбежно в ближайшем будущем, но формирование партизанских отрядов все же продолжалось. Ген. Попов и некоторые из его сотрудников, зная казаков и их веками сложившийся быт, считали, что они недолго уживутся с новыми пришельцами, ломавшими все старые устои, и конфликт казачества с большевизмом неизбежен. К этому моменту нужно было сохранить организованные вооруженные кадры, на которые можно будет опереться и тогда же был намечен план увода партизанских отрядов в глушь донских степей, где им легче будет продержаться некоторое время в ожидании грядущих событий. С партизанами должен был уйти и последний выборный Донской Атаман ген. Назаров.

После оставления Ростова Добровольческой Армией 9 февраля, донские партизаны продолжали сдерживать напор красных на сев. направлении, но неожиданное прибытие 11 февраля революционного казачьего отряда в ст. Голубова в ст. Кривянскую, создав угрозу с тыла, заставило принять решение о немедленном отходе партизан в степи. 12 (25) февраля 1918 г. Новочеркасск был оставлен и партизанские отряды отошли в ст. Старочеркасскую. Атаман Назаров в последнюю минуту изменил свое решение и остался в Новочеркасске, где в тот же день был арестован и вскоре расстрелян. Красная большевицкая волна захлестнула Дон.

Не склонили головы перед красными захватчиками одни лишь партизаны во главе с Походным Атаманом ген. Поповым, на которого легла тяжелая ответственность за сохранение и наилучшее использование этих стойких бойцов в дальнейшей борьбе за освобождение от большевицкого ига.

Пока добровольцы, оставив Ростов и сосредоточившись в ст. Ольгинской, приводили себя в порядок, руководители Добр. Армии, создав военный совет, обсуждали вопрос о дальнейших действиях. На совете обнаружилось два течения. Ген. Корнилов, поддержанный ген. Луксмским, предлагал двинуться в отдаленный от ж.д. и мало населенный район на стыке Дона, Кубани и Ставропольской губ., где было легче отбиваться от большевиков. Ген. Алексеев и ген. Деникин стояли за движение на Кубань, богатую продовольствием и фуражем, надеясь найти поддержку у кубанских казаков и создать базу в Екатеринодаре, т.к. этот город еще не был во власти большевиков. На втором заседании военного совета

12 февраля, как пишет в своей книге "Первые начавшие" полк. Ряснянский, было решено идти на Кубань. Решение это могло быть только условным, т.к. вожди Добровольческой Армии еще не знали, каковы были намерения Походного Атамана.

13 февраля состоялась встреча ген. Попова с ген. Корниловым в ст. Ольгинской и т.к. их взгляды совпадали, ему удалось убедить ген. Корнилова о совместном движении в район зимовников. Согласно принятого плана Добровольческая Армия двинулась в направлении на Торговую, а отряд Походного Атамана на Великокняжескую. Однако в ст. Егорлыцкой Добровольческая Армия изменила свое решение и 21 февраля повернула на Кубань, послав предложение Походному Атаману присоединиться к ней.

Его отряд в это время уже втянулся в боевые операции и по занятии Великокняжеской, после совещания с нач-ками партизанских отрядов, ген. Попов это предложение отклонил, т.к. донские партизаны имели задачу способствовать освобождению Дона и должны были оставаться на Дону.

Природный донской казак, сын известного на Дону общественного деятеля Х.И.Попова, основателя и хранителя Донского Музея, хорошо знавший историю Дона, нравы и быт казаков, ген. Попов глубоко верил, что пассивность донских казаков временна, что они не снесут долго красное иго, что восстание на Дону неизбежно. ЭТА ВЕРА, А НЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ, в котором неосновательно упрекали его, БЫЛА ПРИЧИНОЙ ЕГО ОТКАЗА СЛЕДОВАТЬ С ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ НА КУБАНЬ. ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ ПОДТВЕРДИЛИ ПРАВИЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЯ ГЕН. ПОПОВА И ЕГО ВЕЛИКУЮ ПРОЗОРЛИВОСТЬ, ОПРОВЕРГНУВ РАСЧЕТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

По этому поводу ген. И.Н.Оприц, в своей книге "Лейб-казаки. 1917-1920", пишет:

"Никто не мог знать, что жизнь решит вопрос по своему и что Добр. Армия, выйдя из ст. Егорлыцкой, ровно два месяца спустя, в поисках прочной базы, вернется в ту же станицу, в свое исходное положение на Дон. Вернется - утратив Корнилова, ряд выдающихся начальников, пережив ряд критических положений, когда только высокий героизм ее состава от рядового до начальника, опасал от полной и конечной гибели.

"Как бы то ни было, но в споре, где на одной стороне были б. Верховный Главнокомандующий всеми Армиями Российского фронта ген. Алексеев и б. Командующий Юго-Западным фронтом ген. Деникин, ПРАВЫМ ОКАЗАЛСЯ, КАК БУДТО, СКРОМНЫЙ НАЧАЛЬНИК НОВОЧЕРКАССКОГО КИРКАССКОГО УЧИЛИЩА, ОБЛАДАВШИЙ ВЕСЬМА НЕБОЛЬШИМ СТРОЕВЫМ ЦЕНЗОМ И ПРИ ТОМ ЛИШЕННЫЙ МАЛЕЙШЕГО БОЕВОГО ОПЫТА ГЕН. П.Х.ПОПОВ. Ген. Попов верил в Дон, коему судьбою было предуказано быть базой всей борьбы с большевиками на Юге России."

Насколько он был прав видно из того, что после неудачи под Екатеринодаром и смерти ген. Корнилова, как пишет полк. Ряснянский ("Первые начавшие"):

"Ген. Деникин решил двинуться на восток, чтобы вырваться из густой сети ж.д., идущих на Екатеринодар и Кавказ, остановиться затем на стыке трех "республик" - Дона, Кубани и Ставрополя, и оттуда, передохнув, в зависимости от обстановки, начать новую операцию против большевиков."

Короче говоря, ген. Деникин направлялся в тот район, куда с самого начала предлагал идти ген. Попов. КАК ВИДИМ ОПЫТ ВОЙНЫ С ВНЕШНИМ ВРАГОМ НЕ ВСЕГДА ПРЕДОПРЕДЕЛЯЛ ПРАВИЛЬНОСТЬ ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЙ В БОРЬБЕ МЕЖДУСОБНОЙ С ЕЕ ОСОБЫМИ ЗАКОНАМИ, В КОТОРОЙ ВСЕ БЫЛИ НОВИЧКИ.

Одним из факторов, ускоривших восстание на Дону, было присутствие на его территории в Сальском округе отряда Пох. Атамана. В то время как связь с Добр. Армией, после ее ухода на Кубань, совершенно оборвалась и о ней ничего не знали, отголоски борьбы партизан степняков проникали в ближайшие донские станицы и оттуда распространялись дальше. Чем больше росло недовольство среди казаков против своеволия и зверств большевиков, тем больше думали они о том, что где то недалеко есть люди непокорившиеся красным и ведущие с ними успешную борьбу. Это укрепляло сознание, что борьба с насильниками возможна, стоит лишь взяться за оружие и что в этой борьбе они будут не одни. С надеждой на помощь росла уверенность в успехе, ускорившая процес брожения и вызвавшая первую вспышку восстания на Дону.

19 марта восстала станица Суворовская, поддержанная ближайшими к ней станицами, немедленно пославшая гонцов к Походному Атаману.

25 марта началось восстание станицы Баклановской и соседних с нею станиц, тоже вошедших в связь с Походным Атаманом. Произошло то, что предвидел и на что надеялся ген. Попов. 30 марта его отряд был уже на Дону в полосе восстания, в то время как Добровольческая Армия истекая кровью, безуспешно штурмовала Екатеринодар.

Насколько это было важно для дальнейшего хода Белой борьбы становится ясным, если сопоставить события, происшедшие в то время.

2 апреля Добровольческая Армия, сняв осаду Екатеринодара, отошла в немецкую колонию Гначбау, где, похоронив Корнилова, переживала острый моральный кризис.

"Гибель вождя, большие потери и усталость, усталость без конца, все сказывалось в этот день. И пошли слухи о необходимости расплыться, куда то бежать и быть может скитаться бездомными бродягами среди большевицкого красного моря", пишет участник похода полковник Ряснянский ("Первые начавшие").

Иначе обстояло дело на Дону. В этот же день (2 апреля) отряд Походного Атамана закончил переправу на правый берег Дона и с приходом его в ст. Нижне-Курмоярскую восстание на Дону стало распространяться с невероятной быстротой. Значение отряда Походного Атамана в деле развития борьбы определялось не количеством бойцов, а тем моральным подъемом, который вызвало его появление среди казаков. Надо было слышать радостные крики и ликующий колокольный звон, которым встречало партизан население прибрежных станиц, при их движении вниз по Дону из Цымлянской в Константиновскую.

Некоторое влияние на развитие восстания имели и сильно преувеличенные народной молвой сведения о численности отряда Походного Атамана. Это учитывали некоторые из организаторов восстания и намеренно их распространяли. Мне вспоминается следующий случай. В станице Мариинской, будучи старшим квартирьером, я, прежде чем двинуться в станицу Константиновскую, вышел немного пройтись и, увидив, что у станичного правления толпились казаки, пошел туда. Пробраться внутрь мне не удалось и я стал прислушиваться у входа. До меня донеслись отрывки фраз: "Изведут наш Тихий Дон... Пропадет казачье семя..."

Голос показался мне знакомым и я решил подождать конца. Скоро казаки стали расходиться и из помещения вышел человек, по внешности типичный заводской рабочий. Кепка, синяя косоворотка, темного цвета штаны с отворотом внизу.

Это был Генерального Штаба полк. Гушин, которого я сразу узнал, несмотря на маскарад, т.к. он был одно время на германском фронте начальником штаба нашей дивизии (2-ой Кубанской). Участником Степного Похода, как ошибочно считают некоторые, он не был, а некоторое

Изменение ген. Л.Г.Корниловым намеченного плана и уход на Кубань Добровольческой Армии, несмотря на уговоры, не подействовал на Походного Атамана П.Х.Попова, и он со своими партизанскими отрядами "Вольных Донских казаков" остался в Сальских степях и уже в конце марта начал объединение разрозненных восстаний донцов в одно организованное действие против тирании коммунистов.

Еще в начале апреля 1918 года будущему Донскому Атаману П.Н.Краснову положение Дона казалось безнадежным, и он категорически отказался возглавить восстание южных станиц Дона.

В середине апреля казалось, что восстание выдыхается, и казаки нескольких станиц настолько заколебались, что оставили свой участок фронта и против них пришлось посылать специальные отряды для разоружения и восстановления нарушенного порядка.

Но систематическая работа штаба Походного Атамана по налаживанию связи и укреплению организации позволила П.Х.Попову 23 апреля занять Новочеркасск. 28 апреля 1918 года начальник 1-ой Отдельной Русской Бригады Добровольцев полк. М.Г.Дроздовский издал в Новочеркасске приказ, в котором он напомнил, что город этот "с первых дней возникновения отряда был нашей целью, целью всех наших надежд и стремлений - обетованной землей". Указав дальше на пройденный отрядом путь и на перенесенные им лишения, полк. Дроздовский призвал всех помнить, "что только смелость и твердая воля творят большие дела, и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы". И дальше: "Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце, приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода".

В Новочеркасске благодаря смелости и твердости воли П.Х.Попова началась подлинная работа по объединению всех казачьих сил с силами Добровольческой Армии ген. Деникина и доблестных Дроздовцев.

Во время 10-летней службы ген. П.Х.Попова в штабе Московского военного округа ему несколько раз приходилось быть руководителем военных игр войсковых соединений округа. Позже ему пришлось в трудных условиях гражданской войны применить этот опыт на практике и блестяще провести то, что ни раньше, ни позже не удалось осуществить ни Корнилову, ни Алексееву, ни Колчаку, ни Деникину, а именно, - впервые получить в свое распоряжение около 50 тысяч бойцов и возможность мобилизацией иногороднего населения, которое находилось на территории подчиненной донским казакам довести количество бойцов в течение месяца до 120 тысяч. Для осуществления намеченного плана уже 29 апреля Походным Атаманом и Кругом спасения Дона было направлено в Киев посольство в составе начальника штаба Походного Атамана ген. В.И.Сидорина, проф. Академии Ген. Штаба полк. Гудина, бывшего помощника наказного Атамана по гражданской части И.Т.Семенова, члена Круга, директора Новочеркасского реального училища М.А.Горчукова.

К несчастью для всего дела борьбы с коммунистами, отъезд этих влиятельных в Новочеркасске лиц позволил нескольким честолюбцам вновь выдвинуть кандидатуру ген. П.Н.Краснова в Донские Атаманы и провести ее значительным большинством.

3 мая 1918 года ген. Краснов был избран, а 5-го Круг спасения Дона, считая свою работу законченной, был закрыт. В тот же день П.Н.Краснов назначил командующим Донской Армией ген. С.В.Денисова и отдал приказ о роспуске партизанских отрядов, а 6 мая был уволен в отставку Походный Атаман П.Х.Попов, только что произведенный постановлением Круга спасения Дона в генерал-лейтенанты.

Добровольческая Армия Деникина и кубанские казаки оказались на положении гостей и союзников Дона. Посольство Походного Атамана П.Х. Попова в Киев было отменено и послано другое во главе с ген. А.В.Черячукиным с другим совсем заданием.

П.Н.Краснов поставил донским казакам невыполнимую задачу стать во главе всех казаков, всего Юга России, не в результате согласования деятельности, а в результате удачно сложившейся обстановки и той позиции в борьбе с коммунистами, которую удалось занять донским казакам, благодаря смелости и твердой воле в проведении намеченного решения П.Х.Попова весной 1918 года. Изменение основной цели в борьбе с коммунистами для данного момента привело к незвольной задержке в вовлечении и развешивании широких народных масс в эту борьбу. Вследствие этого произошла большая задержка с мобилизацией не-казацкого населения Дона, уход Добровольческой Армии и Дроздовцев, которым предназначалась главная роль при этой мобилизации, на Кубань, задержка в направлении главного удара на группу Щаденко-Ворошилова, бывшую в этот момент в центре Дона, а благодаря этому задержка в установлении прочной связи с северными округами Дона и возможность прорыва группы Щаденко-Ворошилова к Царицыну и тем самым увеличение сил коммунистов на фланге, с постоянной угрозой центру Дона.

Вместо объединения разрозненных сил, теперь уже не только всего Великого Войска Донского, а всей России, горевшей в огне борьбы с коммунизмом (в июне, июле 1918 года Самара, Казань, Ярославль были заняты антикоммунистами. Поднялись против коммунистов Сибирь, Урал, Средняя Азия, Прибалтика и Архангельский край) - Всевеликое Войско Донское безуспешно пыталось подчинить себе Добровольческую Армию Деникина, создавало Южную русскую армию Иванова, пыталось с кубанцами, калмыками и горцами восстановить Юго-Восточный союз и, вынуждено было, в сентябре бросить, с таким трудом созданную Молодую Армию на гибель, под Царицын, а позже - Старобельск и, с великим трудом, преодолевать пограничную болезнь. Все это привело к полному разгрому антикоммунистов в их разрозненных, хотя порою и очень успешных действиях.

В результате разгрома Дона в январе 1919 года и требования Круга смены командования, спасти положение опять призван был ген. П.Х.Попов. Со знанием обстановки ген. П.Х.Попов ознакомил ген. А.И. Деникина с положением. Ген. Деникин понял важность момента и, не дожидаясь формального соглашения, немедленно бросил только что закончившие разгром коммунистов на Северном Кавказе и нуждавшиеся в отдыхе и реорганизации силы Добровольческой Армии, кубанцев и терцев на помощь Дону.

Организация партизанских отрядов из учащейся молодежи и выдвижение их на линию реки Донец у Каменской и Белой Калитвы создали возможность необходимой перегруппировки. Новый Атаман Всевеликого Войска Донского ген. А.П.Богаезский, избранный в феврале 1919 года, просит ген. П.Х.Попова возглавить донское Правительство в этих тяжелых обстоятельствах и, как верный сын Тихого Дона, он принял на себя всю тяжесть восстановления и реорганизации тыла и напряжения всех жизненных сил Дона для восстановления Донской Армии, еще так недавно столь мощной, а теперь совершенно дезорганизованной. Потребовалась трехмесячная напряженнейшая работа для того, чтобы не только остановить победоносное движение коммунистов, но и нанести им тяжелое поражение в мае 1919 года.

Заслуга ген. П.Х.Попова в этом деле была признана всеми, и,

только тогда, в апреле 1919 года, Войсковой Круг признал и отметил значение для Дона Степного Похода, - установив знак Степного Похода, статут которого приравнивался к статуту ордена св. Георгия.

Степняк.
("Новое Русское Слово").

:--:--:--:--:--:--:

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛА-ОТ-КАВАЛЕРИИ
ПЕТРА ХАРИТОНОВИЧА ПОПОВА,
К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СТЕПНОГО ПОХОДА И НАЧАЛА АНТИ-
БОЛЬШЕВИЦКИХ ВОССТАНИЙ НА ДОНУ ВЕСНОЙ 1918 Г. ")

"Ушли рыцари вольного Дона, немногие остались в живых...

Когда нибудь придет Гомер казачества и напишет Донскую казачью Иллиаду, вспомнит Каледина, Гогаевского, Чернецова, Назарова и прочих славных...

Но Гомер впереди..."

(Из редакционной статьи журнала "Донская Волна № I за 1918 г.).

I

П.Х.Попов прожил на нашей грешной земле 94 года, из коих 75 его сознательной жизни он отдал служению Дону и России. Служение это как на Родине, так и в изгнании было настолько разнообразно, что осветить все стороны его деятельности в небольшом труде не представляется возможным при отсутствии в эмиграции архивов и когда все его современники ушли в лучший мир. А все архивные материалы освещающие его деятельность находятся в С.С.С.Р., но не большевики же будут писать о нем.

Нам, эмигрантам, знавшим П.Х.Попова необходимо сохранить о нем память для будущих историков, т.к. имя его, особенно в дни тяжелых испытаний для Дона и России, в дни "великой безкровной" Российской революции и гражданской войны на Дону, блестело яркой звездой.

Настоящий труд пишется на основании не только личного знакомства с деятельностью П.Х. с первых дней революции, но использованы и его переписка в эмигрантский период, также как и материалы, изданные как за рубежом, так и в С.С.С.Р., и рассказы его современников и его личные воспоминания.

Родился П.Х. в семье известного донского общественного деятеля, археолога, историка, коператора, журналиста и т.д. Х.И.Попова, в станице Казанской 10 января 1857 года Мать его была дочерью казака священника Мигулинской станицы. У П.Х. было три брата и четыре сестры. Все братья стали священниками и две сестры были также замужем

") - Примечание от Редакции "Род. Края": печатаемый материал взят из книги того же названия, приготовленной к печати А.П.Падалкиным, но за отсутствием достаточных материальных средств не напечатанной.

за священниками.

В доме Харитона Ивановича безраздельно царил культ Донского казачества. Там жили мыслями о нем. Там взрачивалась не вражда к Государству Российскому, а гордость славным прошлым Дона, там жили верой в возрождение на Дону его свободолюбивых демократических принципов в лоне общей матери России. Там собиралось избранное общество любителей Донской старины, бывали известные с мировыми именами археологи, историки, кооператоры и т.д.

В этой атмосфере рос и воспитывался Петр Харитонович. Не одно казачье дело не обходилось без участия Харитона Ивановича, который приучал к тому же и своих детей и особенно своего старшего сына Петю, которого всегда учил думать о пользе и благополучии родного Дона и его граждан. Но в то же время и говорил ему: "на службу не направляйся, а от службы не отказывайся". Этому принципа П.Х. придерживался всю жизнь.

Его раннее детство прошло в станицах Казанской и Мигулинской по очереди то у дедушки по отцовской линии, то у дедушки по материнской линии. Проводя дни в играх с казачатами, вечера проводил в обществе взрослых: в Казанской чаще всего в обществе участников Отечественной войны 1812-1814 г.г., где внимательно прислушивался к воспоминаниям дедов о днях, "где вместе рубились они". Эти воспоминания производили на него большое впечатление, и уже тогда он мечтал сделаться военным. В Мигулинской не раз присутствовал на разговорах на духовные темы и проникся большой преданностью вере православной. Не раз слышал разговоры по казачьим вопросам вообще и о нуждах казаков в частности. Все это он запоминал и не раз говорил дедушкам, что он сделает для казаков, когда будет "большим".

Первые уроки грамоты в Казанской давал ему дьячек местной церкви, а в Мигулинской сам дедушка священник. И когда пришло время поступать в среднее учебное заведение, он уже был хорошо грамотен. Тогда он был взят родителями в Новочеркасск, где и был определен в классическую гимназию, в которой блестяще кончил 6 классов. В каникулярное время он сопровождал отца почти во всех его поездках по донским станицам, что позволило ему уже к окончанию гимназии хорошо знать не только историю Дона, но и казака, его нужды, его жизнь, настроения и психологию.

В 1885 г. желая стать военным, раньше чем поступить в Юнкерское Училище, он поступает вольноопределяющимся в 12-ый Донской казачий полк.

В 1886 г. он поступил в Новочеркасское Казачье Юнкерское Училище, Начальником которого в то время был не-казак Ген. Штаба полк. Шувалов, не понимавший казачьей психологии, а потому нередко бывавший к юнкерам не справедливым. Это дало мысль П.Х. в последствии поступить в Академию Ген. Штаба, чтобы потом добиваться назначения Н-ком Новочеркасского Училища, дабы готовить казачьих офицеров не лишая их казачьей психологии.

В Училище он был лучшим строевиком, лихим наездником и получил несколько призовых жетонов и серебряные часы. Был он вахмистром Училища, что развило в нем чувство ответственности, порядка и заботливости о подчиненных. П.Х. окончил Училище в 1889 г. блестяще, что было отмечено в приказе по Училищу, и был назначен по его желанию в 12-ый Донской казачий полк. В те времена Училище выпускало юнкеров поджунжами. В 1891 г. с уходом полка из Новочеркасска П.Х. был там оставлен для подготовки к специальному офицерскому экзамену, который он сдал блестяще и 1 января 1892 г. был произведен в хорунжие с назначением в 8-ой Донской казачий полк, в Одессу. Там 1 ноября 1895 г.

был произведен в сотники. В 1896 г. поступил в Академию Ген. Штаба, 15 апреля 1898 г. был произведен в подъесаулы. В 1899 г. окончил Академию вторым по I-му разряду с занесением в списки Ген. Штаба и произведен в капитаны со старшинством с 2 января 1899 г. Из общей среды слушателей П.Х. выделяется серьезным отношением к наукам, и к его помощи не раз прибегали другие слушатели того или иного курса.

С 6 мая 1900 г. по 10 мая 1903 г. был адъютантом I-ой Гренадерской дивизии в Москве. Стаж командования эскадрона отбывал в I-м Сумском гусарском полку с 12 октября 1902 г. по 2 ноября 1903 г. Оставив о себе память в полку как отличного строевого офицера и как хорошего администратора, поставившего на большую высоту эскадронное хозяйство. Отлично, "на казачий манер" поставил дело обучения езде, рубке и т.д. и эскадрон долго еще после его ухода назывался "казачьим". С 19 мая 1903 г. по 1 декабря 1904 г. был прикомандирован к Александровскому Военному Училищу штатным преподавателем военной администрации и топографии. Преподавателем он был требовательным, но всегда давал возможность юнкеру, получившему неудовлетворительный балл, исправиться на одной из очередных лекций, за что юнкера его очень любили.

С 1 декабря 1904 г. по 1 января 1909 г. состоял штаб-офицером для поручений Штаба Московского Военного Округа. 28 марта 1904 г. был произведен в подполковники, 13 апреля 1908 г. - в полковники.

После объявления войны Японии П.Х. подал рапорт о командировании его на театр военных действий, но ему в этом было отказано и командующий Округом на его рапорте наложил резолюцию: "Желание ехать на фронт похвально, но хорошие офицеры нужны и в Москве". Во время войны по поручению начальника Штаба Московского Военного Округа П.Х. разбирал и толковал отдельные военные операции на фронте офицерам Округа. Сам командующий Округом очень ценил эти разборы. В 1908 г. П.Х. руководил играми войск Округа.

10 января 1909 г. П.Х. был назначен начальником Новочеркасского Казачьего Военного Училища, в замен полк. П.Л. Гусловского, не-казака, предшественником которого был будущий Донской Атаман ген. А.М. Каледин. Полковник Гусловский внес ряд изменений в порядки Училища, установленные А.М. Калединым, которые ухудшили положение Училища. П.Х. восстановил распорядки установленные А.М. Калединым, которые, по его мнению, улучшали как подготовку юнкеров, так и их быт. (Новоч. Военному Училищу и ген. Попову, как его начальнику, будет посвящена статья в одном из № "Родимого Края").

15 августа 1910 г. П.Х. был произведен в генерал-майоры.

Вскоре после начала войны в 1914 г. П.Х. получил от ген. Каледина предложение занять в его 12-ой кавалерийской дивизии, на выбор, пост начальника штаба дивизии или бригаду. П.Х. писал ген. Каледину: "Предложение принимаю. Выбирать не буду, что дадите, то и приму. С Вами работать рад на любом посту." Одновременно с ответом ген. Каледину он подал рапорт начальнику Военно-Учебного Ведомства об освобождении его от должности начальника Училища. Рапорт остался без ответа. А принятое им предложение ген. Каледина без ведома Главного Штаба испортило его отношения с ним. Не получая ответа от В.-У. Ведомства, П.Х., нарушая существующий порядок, подал рапорт Военному Министру об отчислении его в Действующую Армию. Это тоже вызвало неудовольствие Главного Штаба, а Военное Министерство сухо официально ответило, что ген. Попов состоит по В.-У. Ведомству и в армию может быть откомандирован или этим Ведомством или Высочайшим распоря-

жением. После этого писал П.Х. и в Гл. Управление Казачьих Войск и в Управление Военно-Учебных Заведений, но все было безрезультатно.

5 декабря 1914 г. Новочеркасск посетил Государь. От вокзала до Войскового Собора и дальше до Атаманского Дворца Его сопровождала сотня юнкеров. После парада, "отцы города" и разные военные начальники представлялись Государю в Атаманском Дворце. Государь во время представления ему ген. Попова, сказал: "Спасибо за подготовку юнкеров. Таких молодцов я давно не видел," а потом, положив руку на плечо П.Х. и как бы виновато улыбаясь, добавил - "Вы, вероятно обижены, что не удовлетворена ваша просьба о назначении вас на фронт. Понимаю ваше желание, оно похвально, но в настоящее время армия особенно нуждается в хорошо подготовленных молодых офицерах. Вы - опытный начальник Училища. Оставаясь его начальником, готовя офицеров, вы приносите громадную пользу Родине. Это и заставило неудовлетворить вашу просьбу. Оставайтесь на вашем посту, а Родина и я этого не забудем." Снова подавая руку П.Х. он закончил: "Еще раз спасибо за подготовку юнкеров".

Выслушать это от Императора, при большом количестве свидетелей, было лестно для П.Х., но он продолжал делать все, чтобы попасть на фронт, но избегая подавать ходатайства на Высочайшее имя.

Наконец, в январе 1917 г. получил назначение на должность начальника 45-ой дивизии и был удостоен особой чести внесения его в списки Новочеркасского Училища на все время его существования. Но В.-У. Ведомство задерживало назначение нового начальника Училища и не позволяло сдавать его помощнику начальника. А в феврале 1917 г. началась революция и П.Х. так и остался начальником Училища.

По окончании Степного Похода и освобождения Новочеркаска, Круг Спасения Дона за все труды ген. Попова по спасению Дона от советской власти произвел его в генерал-лейтенанты.

23 апреля 1919 г. Войсковой Атаман А.П.Богаевский, следуя постановлению Большого Войскового Круга, произвел его в генералы-от-кавалерии с оставлением за ним пожизненного звания Походного Атамана.

За время военной службы П.Х. получил следующие награды: орден св. Станислава 4-ой ст. (1901 г.), 3-й ст. (1903 г.), 2-й ст. (1911 г.), орден св. Анны 3-й ст. (1906), 2-й ст. (1908 г.), 1-й ст. (1917 г.), орден св. Владимира 4-й ст. (1913 г.), 3-й ст. (1914 г.), 2-й ст. (1916 г.) и Степной Крест на георгиевской ленте № 1 в апреле 1919 г.

Нужно указать, что еще до революции, помимо службы ему не была чужда общественно-политическая и научная деятельность. Еще состоя в гимназическом кружке "Изучения Донской истории", он нередко там читал лекции, получая материал от своего отца. Сотрудничал и в гимназическом журнале "Танаис".

Во время поездок отца по донским станицам, он его часто сопровождает и знакомится с бытом и нуждами казаков, расспрашивает стариков о старых донских песнях, о преданиях старины, знакомится со станичными архивами и т.д. Эти поездки создали ему обширный круг знакомых во многих станицах. Позднее его любовь к донской старине и знание Дона очень его сближает с донским златоустом М.П.Богаевским.

Будучи вольноопределяющимся, а потом подхорунжим в 12-м Донском казачьем полку, он не только учит казаков грамоте, но организует кружок любителей донской старины и читает лекции по кооперации. Когда

был юнкером, то к нему как к высокому авторитету, обращались за советами и справками по вопросам истории и археологии Дона.

Во время службы в Одессе он организует кружок любителей изучения участия казаков в боях на Кинбургской Косе, у Очакова, Акерманна, Бендер, Измаила, Гирсово. С ними совершает экскурсии к этим историческим местам, рассказывая о происшедших там событиях, развивая у казаков гордость их прошлым. Все свободное время он использует для знакомства с одесскими архивами, делая выписки из всего, что относится к казакам. Пишет ряд статей в местной газете и в "Донских Областных Ведомостях" об участии казаков в войнах России на Азовском и Черноморском побережьях.

Состоя в Академии Генерального Штаба, он знакомится со многими государственными и частными архивами столицы, также и в Москве, где особенно интересуется эпохой Смутного времени и участия в нем донцов.

Тогда же, по его инициативе, в Москве было создано Общество Помощи Донским Студентам, в котором он был вначале членом правления, а потом и его секретарем. Там он проявлял неутомимую деятельность по сбору средств среди друзей и знакомых отца из среды ученого мира и кооператоров, и среди московских купцов-староверов. Благодаря этому Общество имело возможность помочь десяткам донских студентов закончить высшее образование. Его тогдашние знакомства с московскими купцами-старообрядцами помогли и Атаману Каледину после октябрьского переворота получить от них 3 миллиона рублей на борьбу с большевиками.

Во время русско-японской войны он написал в "Русском Слове" около 100 статей о боевых операциях русской армии в манчжурии, из них несколько специально посвященных действиям 4-ой Донской казачьей див. в отряде ген. Мищенко в составе 2-й армии и в Монголии в борьбе с японо-хунгузскими бандами. Писал также и в "Донских Областных Ведомостях", "Донской Старине" и в газете "Донской Край".

Как политическую деятельность в московский период можно отметить его советы командиру 1-го Донского казачьего полка удерживать казаков от слишком немилосердной расправы с восставшими рабочими, в результате чего казачий отряд в ст. Краснушкина при подавлении восстания проявлял большую гуманность. Об этом писал и старый революционер Зензинов. Когда в 1906 г. в "обществе" и Государственной Думе начали обвинять казаков в жестокостях при подавлении революционного движения, П.Х. в "Русском Слове" напечатал ряд статей за подписью "Казак", в которых с цифрами в руках, доказывал необоснованность таких обвинений. Заканчивал статьи приверением исторических справок участия казаков в строительстве России и указывал, что это их участие не только давало им право, но и налагало обязанность бороться с анархией и поддерживать в стране порядок.

В 1906-07 г.г. "Донской казачьей организацией" распространялись по Дону воззвания "Казачьей нужды", в которых требовалось отобрание земель "для удобного пользования их населением", отведенных под частные коневодства, под Провальский конный завод, под майские окружные лагеря, под лагеря Новочеркасского Военного Училища и кадетского корпуса и проводилась мысль о необходимости предоставить казакам право выхода из станичных общин с его паевым наделом земли. П.Х. Попов был, наверно, единственным, кто ответил на это воззвание большими статьями в "Донской Газете" и "Русском Слове", в которых раскритиковал проекты отобрания земли у коневодств и Провальского завода, но считал необходимым пересмотр арендной платы. Что же касается лагерных участков, то он доказывал необходимость сохранения их в распоряжении тех организаций, которые ими владели, т.к. организации эти общепользные войсковые

и земли тоже войсковые. Также он восставал против выхода казаков из станичной общины, т.к. считал, что это разрушит как станичную, так и Войсковую общину, разрушит казачий быт, сложившийся веками, и вызовет разделение между казаками и т.д.

В 1909 г., беспокоясь об интересах Войска, П.Х. в печати доказывает несправедливость того, что Военное Министерство начинает именовать Донской Войсковой капитал общегосударственным и того, что общероссийское правительство забирает в общегосударственную казну 12 миллионов питейного дохода, оставляя Войску только 10% его, что это противоречит вековым привилегиям Войска, которое содержит на Войсковой капитал суды, казармы, все учреждения гражданского управления, военно-учебные заведения, казенные и контрольные палаты и казначейство, выдает большие суммы на содержание Главного Управления Казачьих Войск и Офицерской Школы, уплачивает пенсию донским офицерам и чиновникам, жалование Наказным Атаманам и чинам Войскового Штаба, офицерам на льготе, содержит Управление начальника артиллерии, местные воинские команды, льготные и запасные батареи и пр. и пр. и что в силу этого казачество на Дону обнищало до такой степени, что к 1 июля 1909 г. Войско должно было Войсковому капиталу свыше 3-х миллионов, а станичные общества должны были до полутора миллионов.

В 1912 г. П.Х. написал небольшую книжку, посвященную донским героям Отечественной войны и ряд статей в "Донских Областных Ведомостях" о ген. Бакланове и 1-м донском архиерее, кажется Иоанне.

В 1913 г. П.Х. написал большую статью в газете "Донские Областные Ведомости" в защиту прав собственности Донского Войска на войсковые земли и доказывал несправедливость действия Военного Совета, который без ведома Войска 17 января 1913 г. продлил аренду коневодствам до 1928 г. по невероятно низким ценам. Сотни тысяч десятин земли этим актом были фактически изъяты из распоряжения Войска, что не только нарушало его права, но и мешало возможности "прирезки земли" малоземельным станицам. На защиту казачьей собственности на землю он стал и в 1917 г., когда министр земледения Временного Правительства Чернов заявил, что при разрешении земельного вопроса "казакам придется потесниться". Тогда П.Х. в "Русском Слове" и в "Вольном Дону" написал об исторических данных приобретения Войском этих земель, которыми "по наследству" от своих предков владеют современные казаки и провел параллель между заявлением Чернова и внедрением чужого человека в частную квартиру и предъявившего требования к хозяевам "потесниться", и сделал вывод, что такой акт будет просто разбойничьим.

В конце 1911 г. П.Х. состоит секретарем и фактическим руководителем комиссии по перенесению в Войсковой Собор прахов 7 человек героев Отечественной войны: Атамана Платова, ген. Ефремова и др., а в 1912 г. в связи со 100-летним юбилеем Отечественной войны П.Х. поднял вопрос перед казачьей общественностью о своевременности сооружения в Новочеркасске величественного памятника всем казакам участникам этой войны. Был образован для этого специальный комитет, секретарем которого был П.Х. Было сделано много для осуществления его инициативы, но пока шли переговоры с соответствующими органами власти, пока составлялись проекты, грянула война и дело заглохло.

Был он также секретарем комитета сооружения памятника ген. Бакланову и он же поднял вопрос о перенесении в Войсковой Собор праха ген. Бакланова и первого донского архиерея, что им же было организовано и выполнено.

В 1914 г., незадолго до войны, им была издана книга "Исследования архивных материалов по истории Дона" в 220 стр. и приготовлен

сборник посвященный истории Новочеркасского Военного Училища с его основания.

Будучи начальником Училища, он никогда не чуждался казачьей среды, часто ходил в Новочеркасское станичное правление, где сидя рядом с рядовыми казаками делился своими знаниями и опытом с офицерами, урядниками и казаками выборными станичного общества.

Новочеркасская станица была одной из наиболее мощных и культурных станичных общин. В ее составе были сотни высококультурных казаков с высшим образованием по всем отраслям науки и искусства. Десятки их были почетными членами "стариками" станичного общества. Звание почетного старика и казака до 1914 г. ценилось казаками выше всех высочайших наград. Этого звания удостоивались Войсковые Наказные Атаманы, командующие округами, корпусами, дивизиями. Но мало было в Войске почетных и несменяемых членов станичных правлений. Таким почетным званием Новочеркасской станицы были только удостоены в 1900 г. ген. В.Е.Экк и в 1912 г. ген. П.Х.Попов "за его труды на пользу Войска и общества Новочеркасской станицы".

До 1904 г. Донским Войсковым праздником был день 1 октября - день Покрова Пресвятой Богородицы, как годовщина Азовского сидения. Это был подлинно народный праздник, когда на Монастырском Урочище служились панихиды, бывал народ с массой войск, с участием делегаций от всех станиц, учебных заведений, с массами станичных и хуторских казаков, приезжавших сюда за сотни верст. На Войсковой счет устраивался бесплатный обед на тысячи человек, после него бывали скачки, военные игры и т.д.

С 1904 г. официальным Войсковым праздником был установлен день 6 октября. На Монастырском Урочище была теперь скромная официальная панихида, на которую по наряду Наказного Атамана посылалась одна казачья сотня, а обед устраивался Старочеркасской станицей только для начальствующих лиц.

С назначением П.Х. начальником Училища, по его настоянию, празднование Покрова на Монастырском Урочище организовывалось с прежним торжеством, "чтобы поддерживать у казаков доблесть их предков", а после парада, которым всегда командовал П.Х., он всегда говорил краткое слово, посвященное защите Азова с указанием на то, что современные казаки должны брать пример с защитников Азова. В результате день 6 октября был официальным "табельным" днем, а 1 октября, благодаря энергии П.Х. превратился в народный казачий праздник.

В 1911 г. во время Черноморской экскурсии Новочеркасского Училища, обеда на императорской яхте с Государем, П.Х. не преминул обратить Его внимание на былые подвиги казаков и на трудность многолетней казачьей службы, в силу чего казаки беднеют.

Так во всех случаях, когда была возможность, П.Х. старался напомнить о роли казаков в расширении границ Российского государства и о тяжелом их положении в настоящее время.

Пребывая в должности н-ка Новочеркасского Уч-ща, П.Х. неизменно пользовался доверием и добрым к нему отношением почти всех Наказных Атаманов, а последний, граф М.Н.Граббе, при его назначении проявил к П.Х. особое внимание: по прибытии в Новочеркасск, он, желая "познакомиться и побеседовать" со станичными и хуторскими атаманами, без участия представителей высшей Войсковой власти, собрал их на обед в Новочеркасском Училище, на который из начальствующих лиц пригласил только ген. П.Х.Попова.

К 1919 г. им был приготовлен многотомный труд по истории Дона и в этом же году в Новочеркасске было издано как бы предисловие к

нему в 273 стр. В этом же году им был подготовлен большой труд о борьбе Дона с большевиками с начала революции до 5 мая 1918 г. Часть его в виде очерка была напечатана в журнале "Донская Волна". Но во время новороссийской эвакуации в 1920 г. все эти труды погибли.

В эмиграции он написал большой труд "Борьба за свободу Дона и Донская эмиграция". Выдержки из него были напечатаны в журнале "Огни сторожевые" и в других казачьих изданиях. За отсутствием материальных средств, он своевременно издан не был и погиб в старческом доме, где проживал последние дни П.Х. (погиб при странных обстоятельствах - был сожжен уборщиками дома).

II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕН. П.Х. ПОПОВА С НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИИ ДО СТЕПНОГО ПОХОДА.

Когда 1 марта в Новочеркасске были получены первые сведения о событиях в Петрограде, П.Х. привел Училище в "Боевую готовность" и с разрешения Атамана гр. Граббе послал по городу юнкерские патрули, чтобы сразу пересечь всякого рода выступления, могущие нарушить течение нормальной жизни в городе.

Когда дошли до Дона сведения о революции и когда политические дельцы, ставшие господами положения в столице Дона, постарались стать у кормила новой власти, чтобы ликвидировать господствующее положение казаков во всей Войске, образовали "Областной Исполнительный Комитет" с "Военным Отделом", в котором было засилие солдат запасных полков, то П.Х. послал туда в качестве "наблюдателей" ес. Захарова и Сутулова, дабы быть в курсе дел "Военного Отдела" и своевременно парализовать его вредную деятельность.

В первые же дни образования этого Комитета были произведены многочисленные аресты предателей старой администрации, вплоть до брандмейстера. Видя это, некоторые старшие начальники, занимавшие ответственные посты стали подавать в отставку и уходить от казачьих дел. Но П.Х. оставался на своем посту и силами своих юнкеров старался преграждать путь всякому произволу. Когда Донской Исп. Комитет расположился в Атаманском Дворце как "хозяин Донской земли", а его Военный Отдел в здании Областного Правления, ген. Попов, пригрозив юнкерами, потребовал очистить занятые помещения, что и было выполнено. Однако, Военный Отдел решил арестовать ген. Попова и для этого направил к Училищу батальон солдат с пулеметами. Но когда солдаты подошли к Училищу и потребовали его выдачи, юнкера заявили, что арестовать П.Х. можно только перейдя через их трупы и батальон "не солоно хлебавши" ушел, а П.Х. оставался начальником Училища до смерти ген. Каледина или вернее до оставления Новочеркаска 12 февраля 1918 г.

У Военного Отдела было намерение "разогнать" Войсковой Штаб, атаманскую канцелярию и Донское Областное правление. Тогда П.Х. принял соответствующие меры по охране этих учреждений, а Отделу пригрозил, что если он попытается их "разогнать", то он перевешает его членов. На этом дело и кончилось. Когда в Военном Отделе по адресу казаков стали раздаваться угрозы: "поцарствовали и буде ... теперь наш черед пришел ... мы эти казацкие привольности да угоды - во как зажмем ..." - П.Х. был вероятно единственным человеком настаивающим, что для преграждения проникновения на Дон красных идей и против угроз "В.О." нужно противопоставить мощную казачью организацию. При молчаливом содействии Испол. Коми-

тета солдатская масса, нагледя, стала вмешиваться и в экономическую жизнь Войска: повсюду начали появляться представители армейских комитетов и их комиссары и начали распоряжаться, реквизировать, очуждать и т.д. И П.Х. проявил инициативу в создании Союза Казаков, задачами которого были объединение казаков на "казацкой платформе" путем созыва казацкого съезда для разрешения Войсковых вопросов и выработки правил созыва Войскового Круга. Он прежде всего собрал вокруг себя группу офицеров из Войскового Штаба, Атаманской канцелярии и Областного Правления. В этом ему помогали А.П.Епифанов, А.П.Бондырев, братья Бояриновы, подьес. Сухоруков и др., которыми был создан Офицерский Союз. Пользуясь положением почетного члена Новочеркасского станичного правления П.Х. настоял, чтобы оно приняло активно участие в организации Союза Донских Казаков. Как председатель организационной комиссии П.Х. от имени правления созвал 14 марта собрание казаков станицы, и всех казаков, проживавших в данное время в городе. На нем присутствовали большие группы представлявшие казацки части Новочеркасского гарнизона, группы казацкой молодежи из всех учебных заведений города. А в виде представительства от станиц всего Войска П.Х. командировал на собрание всех юнкеров, свободных от нарядов.

Собрание получилось импозантное во всех отношениях. Единогласно было принято решение о создании "Казацкого Союза". Попытка ес. Голубова и редактора газеты "Вольный Дон" Казмичева сорвать дело организации Союза не удалась, и они получили горячую отповедь от П.Х. и С.И.Бояринова. Председателем организованного "Союза Донских Казаков" усиленно просили быть П.Х., но он отказался в пользу подьес. Сухорукова.

Следующей задачей П.Х. было объединить казачий "Офицерский Союз" с "Союзом Донских Казаков". И это ему удалось. Председателем правления объединенного Союза был избран ес. А.П.Епифанов.

Организация Союза произвела в городе сенсацию и к П.Х. в Военное Уч-ще потянулись делегации с выражением благодарности за объединение казаков в Союз. Официально участия в работах правления Союза П.Х.Попов не принимал, но по свидетельству члена правления Г.И.Карева (журнал "Казацкое Дело", № 4-5) "формально не входя в состав правления, очень близкое участие в делах Союза принимал ген. П.Х.Попов". По его инициативе первым актом правления Союза было обращение к вр. исп. должность Войскового Атамана Е.Волошинову о передаче Союзу, как единственной казацкой общественно-политической организации газеты "Вольный Дон", бывшей в то время официальным донским органом, но находившемся в ведении Доского Исп. Ком., что и было сделано.

Донской Исп. Ком., при помощи ес. Голубова, пытался подчинить Союз себе "как единственной законной революционной власти", но ничего из этого не вышло. Голубов пытался также на эту тему говорить с П.Х. "о важных казацких делах", но ген. Попов его не принял с предупреждением, что если он к нему явится вторично, то он предаст его суду юнкеров.

Союз Донских Казаков был первым островком среди надвигающегося потока большевизма и его организация была оправдана последующими событиями, как на Дону, так и вообще в России. Это большая заслуга ген. Попова перед Войском в дни смутного времени на Руси.

Для того, чтобы легализовать существование Союза была послана телеграмма Военному министру Временного Правительства Гучкову с просьбой утвердить Союз с кратким сообщением об его целях и задачах. После ответной телеграммы Гучкова от 24 марта, утверждавшей Союз и одобрявшей его цели и задачи, Союз стал именоваться "Войсковым Союзом Донских Казаков" и 7 апреля выпустил свое первое "Воззвание к донским казакам",

которое почти полностью было написано П.Х.

Параграф I гласил: "С.Д.К. в лице Временного Правительства и Государственной Думы признает единственную государственную власть и заверяет в готовности защищать эту власть от посягательств с какой бы стороны они не исходили. Союз заранее приветствует тот новый порядок устройства России, который будет установлен Учредительным Собранием."

Параграф 2 - : "С.Д.К. приветствует героическую русскую армию и присоединяется к ее мощному голосу - довести войну до победного конца."

Параграф 3 - : "С.Д.К. шлет глубокий поклон на войну в окопы и на Дон родным станичникам и призывает их к единой работе по устройству своего быта и своей службы на исторических казачьих основаниях широкого самоуправления."

В этом воззвании П.Х., определяя свое отношение к войне и к устройству новой России, проявил максимум лояльности к Временному Прав.

Однако 15 апреля тот же министр Гучков сообщил вр. исп. должность Войскового Атамана (назначенному на эту должность Обл. Исп. Комитетом), председателю Обл. Исп. Комитета (создававшемуся самочинно революционным порядком, фактически без участия организованного казачества) и председателю С.Д.К., что "устройство краевой жизни остается в ведении Обл. Исп. Комитета, а Атаману, как представителю Российского правительства надлежит согласовать свою деятельность с работой этого Комитета." Этим сообщением Гучкова "хозяйном" на Дону делался Обл. Исп. Комитет, а вр. исп. должность Атамана - агентом Временного Правительства.

Ген. Попов на это послал Гучкову письмо указывая на несуразность его сообщения, и что оно может повести не только к разного рода недоразумениям, но и вызвать на Дону междуусобицу в борьбе за власть. Ответа от Гучкова не последовало, а С.Д.К. продолжал намеченную работу по организации Войскового Казачьего Съезда в Новочеркасск. Одновременно им было отправлено воззвание к казакам на фронт с призывом к объединению "в целях выхода казачества на его исторический путь существования - по казачьему "присуду", положившее начало созданию в Действующей Армии особых казачьих комитетов, начиная от дивизий и кончая штабами фронтов, под разными названиями и удержал каков от вхождения в комитеты солдатских депутатов.

На Казачьем Съезде в Новочеркасск П.Х. был делегатом от станиц Новочеркасской и Мигулинской, и от Новочеркасского Военного Уч-ща.

В "Военном Отделе" Обл. Исп. Комитета, в то же время состоялось бурное заседание, на котором прапорщик Арнаутов и ес. Голубов требовали разгона С.Д.К., ареста и предания революционному суду ген. Попова, как инициатора, организатора и вдохновителя этого Союза. Но представители Уч-ща ес. Захаров и Сутулов припугнули Комитет юнкерами и казачьим гарнизоном и все успокоились.

Одновременно П.Х. не терял связей с Петроградом и неоднократно писал членам Государственной Думы Саватееву и Акраканцеву, членам "Донского Куреня" Харламову, Лагунову и др. о необходимости созыва в Петрограде или Москве Общеказачьего Съезда для "выявления казачьего лица, его отношения к революции и обмена мнениями о будущем казачества". "Петроградские" казаки приняли соответствующие меры и в результате 17 марта Волошиновым и ген. Поповым была получена от Саватеева телеграмма о том, что премьер-министр Временного Правительства, кн. Львов, разрешил Казачий Съезд в Петрограде для выяснения "казачьих нужд" и просил Атамана сделать распоряжение о высылке представителей от каждой станицы, что официальное распоряжение по этому поводу де-

дается военным министром Гучковым не только во все казачьи Войска, но и казачьи части Действующей Армии и что Съезд созывается на 23 марта. Действительно такое распоряжение было получено в Новочеркасске и в окружающих станицах 18 марта.

Новочеркасская станица в числе других делегатов выбрала ген. Попова, но он по состоянию здоровья не мог поехать.

Я не буду останавливаться на работах этого Съезда, но не могу не отметить, что П.Х. тихо и скромно, без рекламы и шума, но и здесь приложил свою руку, а какова была польза от Совета Союза Казачьих Войск - общеизвестно. А на открытии Съезда член Государственной Думы Саватеев в своей речи отметил, что инициатива созыва Съезда принадлежит ген. Попову.

На апрельском казачьем Съезде в Новочеркасске П.Х. - член его президиума и делегат от нескольких станиц и от Новочеркасского Военного Уч-ща. На первом, майском Войсковом Круге он делегат от станиц Новочеркасской и Казанской.

Когда поднялся вопрос о кандидатах в Атаманы, имя П.Х. было названо одним из первых. Но он отвечал: "Подождем приезда ген. Каледина. Его знает не только Дон и вся Россия но и заграница. Ему и быть Атаманом, а я пригожусь и на меньших ролях." При приезде ген. Каледина в Новочеркасск, П.Х. одним из первых ему делает визит и после говорит М.П.Богаевскому: "Вы наш Златоуст. Сумейте уговорить А.М.Каледина баллотироваться в Атаманы." 18 июня А.М.Каледин был выбран Войсковым Атаманом. При выборах Кругом начальника Войскового Штаба первым кандидатом был выставлен ген. Попов, но и тут он отказался, говоря, что революция может так обернуться, что у Атамана и Войскового Штаба может не оказаться никакой воинской части кроме Училища, поэтому он предпочитает оставаться во главе его, дабы сохранить надежную воинскую силу.

После выборов Войскового Атамана и Правительства, П.Х. как будто отходит от общественно-политической деятельности, проводя все время в Училище, но это только кажется. Вечерами он или у Атамана Каледина или у его помощника М.П.Богаевского, помогая им советом и делом. Особенно ярко это выразилось в дни "мятежа" ген. Корнилова, когда Вр. Правительство объявило Атамана Каледина мятежником, мобилизовав против Дона Московский и Казанский военные округа и приказав начальнику Ростовского гарнизона ген. Черноярову арестовать Атамана, бывшего в то время в поездке по северным округам Области. М.П.Богаевский объявил "сплох" и обратился за помощью и советом к ген. Попову, чтобы предупредить Атамана об опасности и не допустить его ареста. В хутора и станицы были посланы "летучки" и кроме того П.Х., сговорившись с М.П., посылает 6 юнкерских вооруженных отрядов с задачей разыскать Атамана и доставить его в Новочеркасск. Одна из этих групп, на двух автомобилях, была захвачена красной гвардией на станции Морозовской.

На Войсковом Круге обсуждавшем "мятеж" Каледина П.Х. был одним из первых, считавших необходимым послать Вр. Правительству телеграмму "С Дона выдачи нет", а Атаману Каледину приказать никуда не ездить и попрежнему выполнять обязанности Войскового Атамана, а на случай если А.М.Каледин решил бы ехать в Могилев, П.Х. для его сопровождения и охраны в пути организовал особый юнкерский отряд с пулеметами и ручными гранатами под командой ес. Н.П.Слюсарева.

После захвата власти в Петрограде большевиками, Атаман Каледин вместе с ген. Поповым изучает вопрос - как избежать распространение советской власти и на казачьи земли. П.Х. предлагает создать казаче-

украинский барьер от Оренбурга до Курска, чтобы отрезать большевиков от богатых Юга и Сибири и тем "уморить" их, а ген. Алексееву с его Добровольческой Организацией предоставить в этом "барьере" район Саратов-Камышин. Для установления связи по этому вопросу он послал к Оренбургскому Атаману Дутову письмо от ген. Каледина со своим бывшим юнкером сотн. Дмитриевым.

Атаман консультировал ген. Попова и по многим другим вопросам: когда приезжали к нему представители союзных военных миссий и посольств из Петрограда на предмет обсуждения борьбы с большевиками в целях продолжения борьбы с немцами; когда французское военное представительство в Румынии считало нужным отвести находившуюся на границе катастрофы румынскую армию к границам Дона для реорганизации, и вело по этому поводу переговоры с ген. Калединым, поручившим ген. Попову разработать план расположения румынских войск на границах Дона. Румынский король Фердинанд принял предложение французов, но этуо воспротивился председатель министров Братиано.

Совместно с ген. Алексеевым, ген. Каледин вел переговоры с командованием чехословацких и польских легионов о переброске их к границам Дона. Разработку плана расположения этих войск было тоже поручено П.Х. Однако президент Масарик воспротивился тому, чтобы чешские части вмешивались в "русские внутренние дела". Его примеру последовали и поляки. Отмечаю все это как факты особого доверия Атамана Каледина и как доказательство того, что он высоко ценил способности П.Х.

Атаман Каледин во все ответственные моменты давал начальнику Уч-ща важные поручения. В дни обезоружения запасных полков на хутунке, П.Х. был назначен "как бы" командующим войсками Новочеркаска. И задача эта была блестяще выполнена. В дни "Ростовского похода" Атаман Каледин назначил П.Х. "как бы" своим помощником по военной части для организации похода, и с этой задачей П.Х. справился блестяще, собрав в распоряжение Атамана необходимые воинские силы. П.Х. пользовался безграничным доверием Атамана, который одно время предлагал ему пост Походного Атамана, но П.Х. от этой чести отказался в пользу ген. Назарова, обещая свою помощь советом и делом. И он это выполнил, прежде всего, в организации партизанских отрядов, главной базой организации которых было Училище.

Выполняя все эти важные и много других мелких дел и поручений, ген. Попов не забывал и своего Училища, создавши ему авторитет грозной несокрушимой силы в распоряжении Атамана. Училище являлось хранителем порядка в столице Дона, здесь была сосредоточена решимость борьбы с советами за свободу Дона, здесь была идеологическая и материальная база сказочного донского партизанства, здесь, начиная с Чернецовского отряда, формировались и обучались почти все партизанские отряды, здесь было зарождение Добровольческой Армии и первых своих добровольцев ген. Алексеев принимал от начальника Новочеркасского Военного Училища ген. Попова, искренно благодаря его за прием и ласку, оказанные его добровольцам, которым в Училище вначале представлялись не только крыша и питание, но и обмундирование за счет Училища. А когда не оказалось больше свободных помещений для общежитий, П.Х. отдал для этого свою личную квартиру.

Своих юнкеров он посылал во все концы Дона для перевозки денежных сумм. В Новочеркасске юнкера несли караулы, а когда нужно было "заткнуть дырку" на фронте, они, как отряды "скорой помощи", появлялись где нужно и лихо били большевиков. Когда выяснилось, что "Алексеевская организация", имея юнкеров артиллеристов, не может получить орудий, он, чтобы не раздражать команды донских батарей отобранием у них пушек, посылает своих юнкеров вместе с юнкерами добровольцами под командой ген. Герасимова (помощника нач-ка Уч-ща) в село Лежанку, чтобы там "украсть" орудия в 39-й пехотной дивизии. Задача выполнена блестяще и добровольцы получили нужные

им орудия. Когда в Новочеркасске в январе 1918 г. образовался подпольный Военно-Революционный Комитет, деятельным членом которого был Войскового Штаба ес. Щепкин, ген. Попов, при помощи ес. Чернецова, своими юнкерами разгромил эту организацию, захватив с личным ур. Фомина и члена Круга сотн. Запорожцева.

По настоянию ген. Попова, для поддержания в городе порядка, все донские офицеры проживавшие в Новочеркасске были взяты на учет и сведены в сотни Донского Офицерского Резерва, начальником которого по предложению П.Х. намечался ген. И.Д.Попов, но по настоянию Войскового Штаба им был назначен ген. Груднев, который не оправдал возлагавшихся на него надежд, тогда как ген. И.Д.Попов показал себя в Степном Походе и позднее блестящим организатором и храбрым начальником.

П.Х. председательствовал на собрании офицеров, когда ес. Чернецов призывал их стать на защиту Дона, но когда выяснилось, что записалось для этого всего 27 человек, ген. Попов сказал: "Какой позор! Я бы всех вас согнул в бараний рог и прежде всего лишил бы содержания." А Чернецов заявил собранию, что "при таком положении большевики скоро займут Новочеркасск и в первую очередь будут вешать офицеров"; он будет знать - за что его вешают, "а вы и этого знать не будете." В результате записалось 115 человек, но для отправки на фронт явилось 38.

Атаман Каледин не только не имел достаточно военных сил для борьбы с большевиками, но не имел для этого и достаточных денежных средств. И в этом отношении ген. Попов пришел ему на помощь: в начале января 1918 г., пользуясь не только своими личными связями но и связями своего отца, он собирал в Училище поочередно директоров местных банков, хозяев донских коневодств, директоров горно-заводской промышленности, советы Союза донских дворян и торговых казаков, которым предлагал "тряхнуть мощной" и собрать средства. В результате было собрано около 15 миллионов рублей, но ... было поздно - Атаман Каледин застрелился. Собранные деньги поступили в распоряжение нового Атамана ген. Назарова, который по совету П.Х. сразу же передал из них 6 миллионов ген. Алексееву для Добровольческой Армии.

Когда, по свидетельству ген. Деникина, в высших кругах Добровольческой Армии зародилось неудовольствие Атаманом Калединым за отсутствие у него "дерзания" в борьбе с большевиками, председатель Союза донских дворян Леонов, по полномочию, как он говорил, старейших дворян Донского Войска из военной среды, пришел к П.Х. с предложением "взять в свои руки атаманский пернач, если нужно насильственным путем при помощи юнкеров и поддержке донских дворян", которых якобы поддержит "все донское офицерство", П.Х. просто выгнал Леонова, предупредив, что если он сделает такое предложение комунибудь другому, то будут арестованы и повешены юнкерами все причастные к этой попытке переворота.

Когда до Атамана Каледина стали доходить слухи, что Добровольческая Армия собирается покинуть пределы Дона, то он командировал в Ростов ген. Попова, чтобы он в "личной дружеской беседе выяснил бы планы ген. Корнилова." В Ростове он не застал ген. Корнилова, а в штабе Добровольческой Армии его заверили, что "слухи неверны". Факт командирования П.Х. к ген. Корнилову для "дружеской беседы" с ним, свидетельствует об их взаимной симпатии, и недаром ген. Попов о ген. Корнилове говорил, что "он был не из породы недотеп", а ген. Корнилов при "Ольгинском споре" поддерживал план Походного Атамана Попова.

Когда 29 января 1918 г. в Атаманском Дворце происходило трагическое совещание Атамана с Войсковым Правительством о дальнейшей

борьбе с большевиками, П.Х., предчувствуя "недобрые решения" с раннего утра находился в штабе Походного Атамана, где совещался с н-ком штаба полк. Сидориним "о надвигающейся беде". Когда из Дворца сообщили, что Атаман и Правительство сложили свои полномочия и Атаман приказал Походному Атаману ген. Назарову "прекратить огонь - больше ни одного выстрела", П.Х. первым звонит ген. Каледину, который решительно ответил: "Вопрос решен - другого выхода нет" и сообщил, что в районе хутора Малый Нецветай появился сильный отряд красных с артиллерией и что нечем прикрыть это направление. П.Х. немедленно послал туда для разведки взвод юнкеров.

Когда появившийся в штабе Походного Атамана Войсковой Есаул Янов сообщил подробности трагического заседания и высказал мысль о возможности самоубийства Атамана Каледина и что нужно подумать о спасении Атамана, П.Х. советовал полк. Сидорину вызвать начальника Атаманского отряда полк. Каргальского, отряду которого предлагалось, быть может даже силой, "спасти" Атамана. Узнав, что во Дворце бесспорно решен вопрос о передачи власти Городской Думе, станичному правлению Новочеркасской станицы и Военно-Революционному Комитету, П.Х. на это твердо заявил, что "допустить передачи власти нельзя, что борьба не может быть прекращена, нужно выиграть время, что с уходом Добровольческой Армии из Ростова необходимо отойти от ж.д., может быть уйти в степи, но борьбу так или иначе продолжать." Его поддержал полк. Сидорин. Ген. Назаров по телефону сообщил Атаману Каледину мнения П.Х., Сидорина и свое. Атаман Каледин, не выслушав до конца, раздражительно ответил: "Поступайте как хотите, я уже не Атаман." Не прошло и полчаса, как из Дворца сообщили, что Атаман Каледин застрелился.

Акт о передаче власти подписан не был. П.Х. считал до самой своей смерти, что "покойный Каледин не исчерпал всех средств и сдался преждевременно." На вопросы "что-ж теперь будет?" П.Х. отвечал - "Никому власть не может быть передана. Будет избран новый Атаман и борьба будет продолжаться." И пользуясь положением почетного члена правления Новочеркасской станицы, он поднял в ее правлении "сполох". Когда соборный колокол извещал горожан о смерти Атамана, "сидельцы" станичного правления и юнкера созывали народ для решения вопроса об атаманской власти и о судьбе Дона. По "сполоху" поднятому ген. Поповым громадное здание станичного правления к вечеру было набито битком. Люди сидели на открытых окнах, на деревьях, заполнили тротуары. Неудобный М.И. Бояринов размещает, уплотняет и на вопрос - кто будет Атаманом - отвечал: "Атаманом быть П.Х. Попову." Когда последний появился в зале - со всех сторон крики: "Просим быть Войсковым Атаманом!" Полк. Сидорин сделал краткий доклад о положении, из которого следовало, что оно не так уж плохо, что борьба может продолжаться. После него говорил ген. П.Х. Попов: "Выборы Атамана - прерогатива Круга. Круг собирается только 4 февраля. Войско не может оставаться ни одной минуты без Атамана. Существует принцип приемственности власти, в силу которого власть Войскового Атамана должен взять на себя Походный Атаман ген. Назаров. Вот наш новый Атаман" закончил П.Х., указывая на входящего ген. Назарова и чтобы не смущать собравшихся своим присутствием, передает председательствование полк. Бояринову, а сам уходит на обмывание тела погибшего Атамана.

Ген. Назаров сообщил, что получена телеграмма от ген. Корнилова, что Добровольческая Армия задерживается в Ростове, что это дает возможность продолжать борьбу, но и казаки должны помочь партизанам. Собравшиеся предлагают сейчас же начать запись в "боевую дружину" и

обещают Атаману всестороннюю помощь и поддержку в создании армии для борьбы с большевиками и просят ген. Назарова принять пост Войскового Атамана до Войскового Круга. В.ст. Н.И.Тарарин объявляет, что предварительная запись в "бсевую дружину" уже дала около 200 человек. А.М. Назаров соглашается принять "тяжелый крест" до собрания Войскового Круга и всем записавшимся в дружину предлагает немедленно отправиться в Кадетский Корпус. Затем отправляет офицеров добровольцев в ближайшие станицы поднимать "сплох" для защиты Дона путем организации станичных дружин, направляя их в Новочеркасск. Сам он отправляется в Кадетский Корпус, где вместо записавшихся 200 человек находит ... всего около 30.

В 6 часов утра ген. Назаров вызывает к себе в штаб Походного Атамана ген. П.Х.Попова, которому сообщает: "Собрание казаков просило меня взять на себя обязанности Войскового Атамана. Я согласился. Вы здесь свой человек. Дон в опасности. Прошу мне помочь, и принять пост Походного Атамана." Также кратко П.Х. ему ответил: "Знаю, дорогой Анатолий Михайлович, что Дон в опасности. Не смею отказываться."

Сразу приступили к делу. Первым актом было обращение к Войску, в котором говорилось: "Помогите партизанам! Спасайте честь Родины и старого Дона! Пушки гремят уже под Сулиным..."

Как в первые дни революции, в атмосфере развала, анархии, распада и разнузданности, так и в дни казачьих трагедий, самоубийства Каледина, в момент растерянности, когда казалось, что все потеряно, все рухнуло, борьба проиграна, П.Х. был в творческой роли организатора, советника, духовного руководителя, вдохновителя и борца за интересы и идеалы казачества. И сам он, в эту столь критическую, тяжелую и почти безнадежную минуту при отсутствии воинской силы, при всеобщем упадке духа, когда другие не хотели брать никакой ответственности, он ее не убоился, смело стал во главе горсти партизан, с глубокой верой, что казаки опомнятся и рано или поздно придут на помощь партизанам.

31 января Атаман Назаров поехал в Ростов к ген. Корнилову. Ген. Корнилов просил помощи в 2000 бойцов в течении 10 дней. 1 февраля, в его распоряжение с Новочеркасского фронта направлены отряд полк. Краснянского, Чернецовский отряд под командой ес. Лазарева, отряд сотн. Хоперского, добровольно формируется дружина казаков Гниловской станицы, которая выступает на помощь корниловцам под ст. Хопры. В район армянских поселений в Ростовском направлении направлены отряд ес. Назарова и дружина Александровской станицы. Ольгинская станица выставляет свою дружину в сторону Батайска, станицы Аксайская и Грушевская выставляют свои дружины из "фронтвиков" для защиты юртов своих станиц. Эти же станицы посылают дружины стариков в Новочеркасск, куда идут и дружины из других станиц. Походный Атаман ген. П.Х. Попов лично посещает 7-ой Донской казачий полк и остатки 16-го и 17-го полков. Так как в 7-м полку было много казаков Новочеркасской станицы, он обещает выступить. В 16-м и 17-м полках людей почти нет, но офицеры этих полков ес. Боков, ес. Власов, в.ст. Мартынов, ес. Бобров и подъес. Аврамов формируют свои отряды. Формируются также и новые партизанские батареи.

В ожидании прибытия в Новочеркасск станичных дружин, П.Х. обратился к начальнику Донского Офицерского Резерва ген. Грудневу, с просьбой выделить для формирования этих дружин нужное количество офицеров. Ген. Груднев отказался, указывая, что это не его дело, а дело Войскового Штаба. А Войсковой Штаб, в свою очередь, утверждал, что если дружины составлены из добровольцев, то и командный состав также должен был быть из них. По просьбе П.Х. было созвано собрание

офицеров Резерва, на котором П.Х. произнес большую речь, призывая офицеров организовать офицерские дружины и итти в организуемые станичные дружины. Поговорили и разошлись... Почему? По свидетельству полк. Добрынина "одни из чувства простого самохранения, другие не могли и не хотели этого делать из-за самолюбия, оскорбленного незаслуженным недоверием широких казачьих масс...", а ген. Деникин пишет: "Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркаска уклонялось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую Армию - единицы, а все остальные, связанные кровью, имущественно, земельно с Войском, не решались пойти против ярко выраженного настроения и желания казаков-фронтовиков." И в результате, офицеров для станичных дружин не нашлось. Офицеров на местах в станицах было мало и больше молодых, которые не хотели итти в командиры к старикам, да и старики рассчитывали, что командиры им дадут в Черкасске.

Когда в Новочеркасск стали прибывать станичные дружины, кстати сказать, значительно поредевшие по пути, часть их была помещена в Кадетском Корпусе, в Военном Училище и других учебных заведениях, но главная масса была помещена по частным квартирам. Те, кто попали в Корпус или Училище жили как кадеты и юнкера и также питались, т.е. так, как не всегда питались дома. Большевицкие агитаторы использовали это для пропаганды, говоря, что не напрасно за ними так ухаживают, дружинники им поверили, что "тут не все чисто" и постепенно стали "возвращаться" домой. Те, кто попали в другие учебные заведения, довольствие должны были получать через начальника снабжения, где всякие мелкие чиновники не сочувствовавшие борьбе с большевиками, всячески тормозили дело питания. В обстановке того времени бороться с этим было трудно и эти дружинники также под влиянием большевицкой пропаганды стали возвращаться в свои станицы. Те же, кто оказались размещенными по частным квартирам, оказались не в лучшем положении. Если призывы Атаманов Назарова и Попова всколыхнули станичных казаков сташих возрастов, то они не коснулись многих городских обывателей, которые думали лишь о своем личном благополучии, предоставляя другим подставлять свои груди под пули большевиков, также как кормиться и одеваться за свой счет. Зажиточный городской элемент мог и был обязан поддержать подъем "серой" казачьей массы, но эта масса не только не встретила сочувствия, но подчас чувствовала и вражду за принудительный постой на квартирах и особенно за пользование кухнями. Предоставленные сами себе дружинники эти подверглись усиленной большевицкой пропаганде, стали постепенно "остывать" и распыляться.

Кроме всего этого, при всем желании, особенно в условиях того времени за 2-3 дня из необученной массы нельзя было "сколотить" хотя бы относительно боеспособную часть, а посылать людей просто на "убой" Атаман Назаров и ген. Попов не могли себе позволить. В результате Атаман Назаров не смог выполнить требований Добровольческой Армии оказать ей помощь людьми. Об этом хорошо знали и в штабе Добровольческой Армии, т.к. уже 5 февраля там снова был решен вопрос об оставлении Ростова. Атаман Назаров, узнав об этом случайно, поехал в Ростов 7 февраля и сообщил, что всенародного ополчения не получилось, что он больше того, что уже дал, ничего дать не может и поэтому благодарит Добровольческую Армию за все ею сделанное и больше задерживать ее не может.

В ночь на 9 февраля Добровольческая Армия покинула Ростов, а Юго закончила переправу через Дон, уводя с собой и донские партизанские отряды бывшие на Ростовском фронте. Новочеркасск со стороны Ростова оказался неприкрытым. Походный Атаман ген. Попов перебросил в станицу

Аксайскую 2-ю сотню Новочеркасской дружины, вторую часть Чернецовского отряда под командой ротмистра Курочкина и просил ген. Корнилова задержать в Аксайской отряд полк. Краснянского.

Возвращаясь немного назад. 31 января ген. Назаров сдавал штаб Походного Атамана ген. Попову. Офицеры штаба, также как и офицеры Войскового Штаба, были собраны в одной из комнат штаба Походного Атамана. Атаман Назаров довольно пространно обрисовал картину общего положения, затем закончил словами: "Все вы знаете П.Х., прошу выслушать и его."

Ген. Попов сказал почти дословно: "Вы меня знаете, знаю и я вас всех за отдельными исключениями. Но не все офицеры как Войскового, так и штаба Походного Атамана присутствуют здесь. Это плохая примета. Значит - не все сочувствуют делу борьбы с большевиками и вероятно собьются от нее уклониться. Предупреждаю, что борьба будет продолжаться до полной победы над большевиками и никаких компромиссов. Сил у нас немного, но тож, кто сражается на фронте имеет сильный дух и непреклонную волю к борьбе до победы. Этим мы и победим. Красная гвардия сильна числом своих людей и вооружением, но слаба духом. Красное командование старается привлечь на свою сторону казаков. Если ему удастся это сделать, хотя бы временно - это будет казачьей трагедией. Чтобы не устраивать бои между казаками, быть может нам придется на какое-то время покинуть Новочеркасск. Но этим борьба не будет закончена. Мы уйдем в степи и там переждем исцеления казаков от нейтралитета. Придет весна, казак поймет - где правда и право, и встанет на их защиту."

Дальше призывал не терять веру в то, что казаки не потерпят советского рабства и "мы, офицеры, должны помочь им скорее разобраться в сущности большевизма."

П.Х. уже тогда допускал возможность оставления Новочеркаска и все свои планы строил на выздоровлении казаков от "нейтралитета", и уже тогда думал о задонских степях, как о временном пристанище для тех, кто не желал признавать советской власти и готов был бороться до конца.

По оставлении Ростова естественно вставал вопрос об оставлении Новочеркаска. Поэтому, еще 5 февраля, Атаман Назаров, когда Круг постановил вести борьбу до победы, "на всякий случай" командировал в станицу Константиновскую ген. П.Н.Краснова с задачей приготовить на месте прием войсковых учреждений, партизанских отрядов и Войскового Круга. Круг со своей стороны командировал туда же особую комиссию во главе с полк. С.К.Бородиным. А Походному Атаману было приказано подготовить план эвакуации Новочеркаска.

Войска северной группы ген. Ф.Ф.Абрамова и войска северо-запад. направления ген. А.В.Черячукина в неравных боях, цепляясь за каждую пядь земли, постепенно отходили к Новочеркаску. К 9-у февраля ген. Абрамов подошел к Персиановке, всего в 12 верстах от Новочеркаска, а ген. Черячукин с незначительными силами подошел к ст. Грушевской в 15 верстах от столицы Дона.

По данным разведки штаба Походного Атамана красные Антонова - Овсенко окружавшие Новочеркасск, не считая Ставропольской группы, принявшей участие во взятии Ростова, имели свыше 30 тысяч бойцов, свыше 200 пулеметов, больше 30 легких орудий и 4 тяжелых, несколько броневых автомобилей и 2-3 бронепоезда. Больше половины красных войск было с северной и северо-западной стороны Новочеркаска.

Казачьи революционные полки Голубова, не вступившие еще в бой и находившиеся в районе Александровск Грушевский, в любой момент могли

занять станицу Раздорскую, Мелиховскую и Бесергеновскую и тем отрезать путь партизан на Константиновскую.

Против всей этой массы красных в распоряжении Походного Атамана официально числилось около 3000 человек, находившихся как на боевых участках, так и в Новочеркасске. В это число входили малонадежные: Новочеркасская и Константиновская дружины, 7-й Донской казачий полк, две сотни студенческой дружины, фельдшерские и обще-образовательные курсы; малочисленные и совершенно небоеспособные остатки дружин из стариков Аксайской, Гниловской и других станиц. Все это составляло около 1500 человек. На формировании в Новочеркасске находилось несколько партизанских отрядов, главным образом из учащейся молодежи - около 500 человек. И только около 1000 вполне боеспособных и надежных партизан было на фронте. На вооружении всей этой "армии" было около 10 орудий (3-х дюймовых), около 50 пулеметов и один примитивный бронепоезд.

Положение Новочеркасска стало критическим. В то время в городе возник слух, что Голубов передал кому-то записку с предложением впустить его казаков в город, чем якобы гарантировалась полная безопасность населения от произвола, самосудов, насилий и грабежей. Эти его обещания смутили горожан, и немалую часть офицеров, проживающих в Новочеркасске и весь день 9 февраля Атаман Назаров и штаб Походного Атамана были засыпаны недоуменными вопросами отцов города и офицеров - неужели город может стать ареной кровопролитий, когда Голубов предлагает такие заманчивые условия? Слухи об этом проникли и в Войсковой Круг и нашли здесь сторонников, которые начали сначала осторожно, а потом все смелее, говорить о необходимости послать делегации к красным главковерхам Голубову, Сиверсу и Саблину.

Войсковой и Походный Атаманы, на сколько могли, удерживали Круг от этого, но Круг не внял их голосу и уже 9 февраля послал свои делегации в Ростов в штаб Сиверса и в Александровск Грушевский к Голубову.

В такой обстановке ген. Назаров и ген. Попов должны были подумать как о дальнейшей борьбе, так и о судьбе партизан. Вечером 9 февраля ими были собраны все начальники отрядов, дабы посвятить их в подробности создавшейся обстановки и выработать дальнейший план действий.

Собрание, на которое были приглашены и президиум Круга и некоторые общественно-политические деятели начался с доклада Войскового Атамана. Ген. Назаров обрисовал обстановку, указав, что Круг еще 5 февраля постановил перенести свою работу в Константиновскую. Туда же по мнению ген. Назарова нужно эвакуировать и золотой запас, интендантские склады, войсковые учреждения, госпиталя и т.д. Главной же задачей вооруженных сил - воссоздание Большого Войскового Круга и через него возрождение Войска и его освобождение от советской власти. Ближайшей же задачей, сосредоточив в одном кулаке все силы, разбить красных на северном Персиановском направлении, потом повернуть на Константиновскую для осуществления поставленных задач. Сам ген. Назаров предлагал лично руководить всеми боевыми операциями и даже лично водить войска в атаку. План этот отличался необыкновенной простотой и был полон рыцарского порыва.

Он не встретил почти никаких возражений со стороны начальников отрядов, хотя было очевидно, что он не отвечал создавшейся обстановке. Времени для столь громоздкой эвакуации было мало, да и путь на Константиновскую мог быть отрезан в любой момент (что и случилось уже 11 февраля). Маленькая армия детей-партизан понесла бы такие потери, восстановить которые было бы невозможно. Но молчаливое согласие на-

чальников отрядов, идейных людей, решивших скорее умереть в открытом бою за честь Родного Края, чем искать пощады у врага - было также понятно. Это был все же какой-то выход.

Ген. Попов предложил несколько иной план. Он указал, что решение вопроса должно строго логически вытекать из задания поставленного войскам - воссоздание Большого Войскового Круга и возрождение Дона. Но большевицкая зараза, в создавшейся обстановке, захватывает уже и станицы, и, следовательно, выполнение основного задания - задача будущего, а в данное время нужно больше всего думать о выигрыше времени необходимого станицам и еще уцелевшим полкам для выздоровления от большевицкого угара. Параллельная задача - сохранение хоть маленькой, но реальной силы, на которые станицы могли бы опереться в момент пробуждения Дона для дальнейшего создания мощной Донской Армии, для окончательного очищения Дона от красных. Пробуждение же Дона наступит через полтора-два месяца с наступлением весны и начала полевых работ.

При выполнении же плана ген. Назарова, большевики несомненно попытаются втянуть голубовских казаков в боевые действия, и партизанам придется драться со своими же казаками, которые в скором времени могут превратиться из Савлов в Павлов и тоже выступить против красных.

Отсюда вытекает дальнейший план действий: не подвергая несомненному риску уничтожения в неравном бою крошечной армии партизан, необходимой для будущей борьбы, вывести ее в такое место, где она бы оставалась вне всякой зависимости от станиц, могла бы выждать полтора два месяца, а когда обозначится отрезвление станиц, придти к ним на помощь и приступить к осуществлению основной задачи. Для этого нужно вести партизан не на Персиановку, где они вероятно сложат свои головы, а в задонские степи, в район зимовников, где найдется все необходимое для их существования. А Кругу переехать в Константиновскую, там продолжать свою работу, захватив все ценное и безусловно необходимое, также как и раненых, и поддерживать связь с партизанами. К осуществлению такого плана нужно торопиться, т.к. окружение красными Новочеркаска заканчивается, абсолютно открытым остается лишь направление на Старочеркасскую станицу, которое временно обеспечивается остановкой в Ольгинской Добровольческой Армии. Из Старочеркасской перейти за Дон, откуда можно перейти и в Константиновскую.

Предложение ген. Попова было горячо поддержано всеми начальниками отрядов и ген. Назаровым, сказавшим: "П.Х. прав. Не нужно подвергать армию риску."

Но командующим фронтами ген. Абрамовым и ген. Черячукиным высказалось иное мнение: всякая борьба, если она не поддержана казаками, должна быть прекращена, а партизаны распущены, т.к. надежды на "выздоровление казаков" проблематичны, в степях партизаны могут быть уничтожены. Им может быть предложено или остаться в городе или в одиночном порядке, кто как пожелает, присоединиться к Добровольческой Армии.

На другой день после совещания Походный Атаман, с разрешения Войскового Атамана, заменил ген. Абрамова на посту командующего сев. фронтом полк. Мамонтовым. При оставлении Новочеркаска ген. Абрамов уехал в свою станицу, а ген. Черячукин остался в городе.

Всю подготовку по оставлению Новочеркаска Атаман Назаров возложил на Походного Атамана, т.к. сам должен был все время проводить на непрерывных мучительных заседаниях Круга, который все не мог решить - уходить ли ему из города или оставаться? Но между ген. Назаровым и ген. Поповым было решено оставить город 11-го вечером. Поэтому

ген. Попов уже в ночь на 10 февраля принимал все необходимые меры. И в ночь на 11 февраля приказал с раннего утра начать погрузку золотого запаса, интендантского имущества, продовольствия, огнеприпасов, раненых и т.д.

Всю ночь 11 февраля на Круге шла борьба между сторонниками ухода Круга с партизанами и сторонниками того, чтобы остаться в городе "для защиты населения от кровавой расправы, грабежей и насилия." Главным застрельщиком последнего решения был член Круга Маркин. К наступлению дня Круг решил остаться в Новочеркасске, и в тот же день от него посылается делегация к красному главковерху Ю.Саблину.

Когда шла агония Новочеркаска, в Александровск Грушевске казаки Голубова митинговали. 10 февраля вечером на собрании делегатов от частей ими было принято решение: оказать самую энергичную поддержку советским войскам в борьбе за взятие Новочеркаска. В параграфе 3 по настоянию Голубова было: "Для противодействия агитации Донского Войскового Правительства и занятия более удобного места для военных действий перейти ближе к Новочеркаску и Дону."

Комиссар голубовского отряда Пугачевский, в своих воспоминаниях, пишет, что параграф 3 рассматривался в штабе Саблина как попытка казаков "уйти из под нашего влияния", и что это это вызвало там тревогу, т.к. там "боялись измены казаков". И этим он объясняет свое назначение в отряд Голубова с заданием "следить за поведением и настроением казаков, предотвратить возможную измену и их выступление против советской власти". В последнюю минуту 10 февраля Антонов Овсенко дал ему задачу: "вести казаков в охват Новочеркаска по маршруту Шахты - хутор Ягодин - станица Раздорская". Пугачевский договорился с Голубовым выступить из Шахт в 2 часа дня 11 февраля, но в 12 часов узнал, что Голубов с казаками рано утром ушел из Шахт к Дону. Он бросился в догонку. В Ягодине он встретил красную артиллерию отряда Петрова, от которой узнал, что Голубов в Ягодин не заходил. По дороге в раздорскую догнал обоз Голубова и от обозников узнал, что Голубов пошел прямо на Мелиховскую, не заходя в Раздорскую. Пугачевский помчался туда и через некоторое время увидел: "прекрасное, никогда не виданное, незабываемое зрелище - во всю ширь степи, теряясь в предвечерней мгле и снегах шла донская кавалерия. Сзади пулеметы и артиллерия ... которая неудержимым потоком стремилась к Новочеркаску..." Голубов объяснил комиссару, что он получил из Новочеркаска "добавочные сведения, по которым пришлось ускорить марш". Видимо эти сведения доставила делегация Круга к Голубову, посланная в ночь на 10 февраля. Но об этом он умолчал. Когда Голубов шел в Мелиховскую, чтобы там переночевать, к Ю.Саблину спешила новая делегация Круга.

Прибытие отряда Голубова в Мелиховскую, о чем стало известно в штабе Походного Атамана, в ту же ночь изменило положение Новочеркаска и единственным путем отхода партизан осталось направление на Старочеркасскую.

Когда Круг 11 февраля послал свою делегацию к Саблину, Атаман Назаров приказал Походному Атаману остановить эвакуацию города до его особого распоряжения. И вместе с ген. Поповым продолжал уговаривать Круг уйти из города вместе с партизанами.

Одновременно принимались меры, чтобы из города ушло возможно больше казаков и тем более офицеров. Для этого еще 10 февраля Походный Атаман вызвал ген. Груднева, начальника Донского Офицерского Резерва, и предложил ему подготовить Резерв для оставления города. Ген. Груднев на это ответил, что он ничего "готовить" не будет, но с офицерами "поговорит" и предложит желающим уйти с партизанами. Небольшую

группу он действительно собрал 11-го вечером, сообщил им предложение Походного Атамана но добавил, что лично он остается, а другие пусть поступают как хотят.

В тот же день 10 февраля ген. Попов побывал в правлении Новочеркасской станицы и просил его предложить казакам станицы создать особую дружину для ухода из города; по его же распоряжению в тот же день было создано офицерское собрание в Епархиальном Училище, на котором он призывал офицеров не оставаться на милость победителей, а уходить, записываясь в партизанские отряды. Офицеры поговорили и разошлись, только единицы записались в отряд Гнилорыбова, который нес охрану Атамана, Войскового Круга, Областного правления и Казначейства. Побывал он и на собрании общественных деятелей, представителей разных организаций, учреждений города и т.д. И там говорил о том же.

Им было сообщено и в казачьи воинские части, расположенные в городе о предстоящем уходе, а начальникам частей было предложено поговорить с казаками о желательности их ухода с партизанами.

11 февраля утром по приказанию Походного Атамана было собрано еще одно собрание всех офицеров Новочеркасска. Собралось свыше 3000 человек. Начальник штаба Походного Атамана полк. Сидорин призывал всех покинуть город. Наиболее решительные высказывались за отход всем офицерам сильной вооруженной группой под начальством Походного Атамана, но раздавались и иные голоса - о необходимости вступления в переговоры с Голубовым. Поговорили и разошлись. "Решительных" оказалось мало. Одни из них вошли в состав Штаб-офицерской дружины, а другие, покинув город в одиночку, вошли в состав Конно-офицерского отряда в хуторе Арпачине.

В тот же день когда Круг выбирал делегацию к Саблину, П.Х. уговаривал Круг этого не делать и уходить с партизанами, обещая Кругу "продержаться" в Новочеркасске до вечера 13-го или даже до утра 14-го. Но и это никого не соблазнило.

11-го же по просьбе Походного Атамана было созвано еще одно совещание в Областном правлении из начальников отрядов, президиума Круга, представителей городской Управы, и Новочеркасской станицы, разных общественных и гуманитарных организаций и казачьих воинских частей. Ген. Попов обрисовал положение: хутор Протопоповский Аксайской станицы и станица Александровская заняты большевиками; хутор Каменный Брод Грушевской станицы занят матросами Мокроусова. Красные в непосредственной близости к Новочеркасску, ими заняты Несветайские хутора и они на подступах к Персиановке. Голубов вошел в станицу Мелиховскую. Войсковой Круг вероятно останется в городе - Бог ему судья. Но пусть не задерживает Войскового Атамана. Эвакуация города задержана. Средств для эвакуации раненых нет. Кто о них позаботится здесь? Партизанские отряды уйдут за Дон. Если они задержатся в городе, то нет гарантий, что он не подвергнется бомбардировке. Если на какое-то время город останется без власти, могут быть выступления черни, грабежи и насилия. Кто это преотвратит? Студенческая дружина самораспустилась. Если Круг останется, он должен совместно с разными общественными организациями взять на себя заботу о раненых. Сотни Новочеркасской дружины, которые не собираются покидать города, должны привлечь в свой состав других горожан и совместно с остающимися воинскими частями составить отряды самообороны и принять на себя охрану войсковых складов, учреждений и т.д. Придут большевики - будет расправа. Казаки Голубова от нее не спасут. Все те, кто не хотят быть ее жертвами и кто верит в Дон и его светлое будущее, должны уйти с партизанами.

Говорил ген. Попов более часа при абсолютной тишине. Президиум

Круга заявил, что заботу о раненых партизанах он берет на себя, а представители станицы, дружины и казачьих частей обещали взять на себя караулы и поддержание порядка в городе. В тот же день ген. Попов приказал своему начальнику штаба послать в госпиталь, где находятся раненые и больные партизаны полк. Грузинова для снабжения их на всякий случай деньгами из средств штаба. Распоряжение это было выполнено рано утром 12 февраля.

В ночь на 12 февраля П.Х. снова выступает на Круге все по тому же вопросу оставаться ли Кругу в городе или нет?

Ранним утром 12 февраля Походный Атаман дает распоряжения об охране города со стороны Кривянки отряду ес. Боброва с приданными ему остатками станичных дружин Аксайской, Гниловской и др. "Бронепоезд" ес. Упорникова послать в Персиановку. Сотням 7-го Донского казачьего полка, находившихся у Несветаевских хуторов к 12 ч. дня отойти к Новочеркасску, к Татарской слободке, где и охранять подступы к городу. Отрядам в.ст. Яковлева и ес. Бокова к этому времени выдвинуться к Краснокутской роше и кладбищу с одним орудием батареи ес. Неживова. Для охраны города со стороны ст. Грушевской и хутора Мишкина отряду сотн. Хоперского занять позицию у Новой Тюрмы. Инженерной сотне полк. Макеева у полустанка Александровский взорвать ж.д. полотно и завалить его вагонами. Атаманскому отряду полк. Каргальского со 2-м орудием батареи ес. Неживова перейти за р. Аксай у мельницы Цикунова и наблюдать за дорогой из Кривянской в Старочеркасскую. А т.к. по городу "поползли слухи", что местные большевики готовят выступление, чтобы помешать уходу партизан, то отряды - юнкерский ес. Слюсарева и партизанский ес. Назарова назначены для патрулирования по городу, особенно со стороны Хутунка.

Атаман Назаров, видя, что решения Круга все затягиваются, а обстановка с каждой минутой ухудшается для партизан (разъезды голубовцев уже появились у Кривянской) и что при дальнейшем промедлении не удастся вывести части с Персиановского направления в 8 ч. утра, решил сделать предварительные распоряжения и приготовления к уходу. По прямому проводу было приказано полк. Мамантову в Персиановке: его отряду и отряду в.ст. Мартынова отойти в Новочеркасск и занять позицию в сторону Кривянки у ж.д. вокзала и у мельницы Цикунова, а другие части в Персиановке подготовить к отходу. Ген. Черячукину в ст. Грушевской было приказано: отряду полк. Упорникова и Баклановскому отряду ес. Власова отойти к Новочеркасску, поручив охрану ст. Грушевской местной дружине.

Кроме того с подробными инструкциями отхода, из Новочеркаска были посланы в штаб полк. Мамантова Ген. Штаба кап. Говоров, а в штаб ген. Черячукина - ес. Губарев.

12 февраля с раннего утра, в холодном тумане, непрерывной рекой тек поток беженцев из Новочеркаска в Кривянскую и Старочеркасскую. А у Мелеховской отряд Голубова, развернувшись в боевой порядок, двинулся к Новочеркасску. Скоро его движение стало видно с церковной колокольни и со сторожевого кургана в Александровском саду. К 12 ч. дня голубовцы расположились в Кривянской.

Узнав о движении отряда Голубова, Войсковой Круг послал ему на встречу напросившегося ес. Сиволобова, который должен был договориться с Голубовым о занятии его отрядом Новочеркаска не ранее 5 ч. вечера.

После его посылки, в 12 ч. дня Походный Атаман получил записку от Атамана Назарова об оставлении города партизанами: "Войсковой

Круг выслал делегацию в Бесергеновскую станицу для переговоров с 10-м и 27-м Донскими полками, чтобы возложить на них охрану города. Приказываю сосредоточить войска для отвода их в избранном направлении. Отвод войск должен быть закончен не раньше 5 часов, т.е. так, чтобы до подхода 10-го и 27-го полков город не был бы без прикрытия. 12.2.1918! Только после этого ген. Попов отдал распоряжение отходить на Старочеркасскую по мосту через Аксай у лесного склада Цикунова. Первыми двинулись отряды ес. Боброва, полк. Хорошилова и ес. Назарова. Последнему было приказано прикрывать Старочеркасскую со стороны Богаевской и Семикаракорской.

Во избежание образования "пробок" в городе и на переправе, отрядам были указаны часы отхода и указы направления. Одни должны были отходить по Троицкому спуску - Московской улице - Платовскому проспекту и дальше мимо областной больницы к переправе, другие - по Железнодорожной улице и по Крещенскому спуску мимо вокзала, чтобы в случае надобности при давлении со стороны Кривянки прикрыть переправу. Обозам было приказано закончить переправу не позже 2-х часов, пехоте и артиллерии - к 3-м часам. Отряды Мамонтова и Мартынова должны были оставаться на позиции у вокзала и мельницы Цикунова фронтом на Кривянскую до нового распоряжения. Отряды Бокова, Власова и Яковлева должны были оставаться на своих местах до 4-х, а потом итти к переправе. Конные Семилетовские сотни должны были задержаться до 4-х ч. на окраине города в сторону Персиановки, а потом итти к Аксаю. Сотням 7-го полка оставаться на их участке до 4-х ч., а дальше поступать по своему усмотрению. Кюнкерский отряд ес. Слюсарева получил приказание нести патрульную службу в городе до 4-х часов, а после поступить в личное распоряжение Походного Атамана на переправе через Аксай. Отряд в.ст. Гнилорыбова должен был охранять заседания Войскового Круга и Войскового Атамана, находясь в распоряжении последнего и покинуть город по его распоряжению, т.е. в последнюю минуту (поэтому он именовался "Сотней смерти"). Атаманский отряд полк. Каргальского должен был оставаться на прежнем месте, до его замены кюнкерами Слюсарева, а затем итти в Старочеркасскую. Создававшаяся Штаб-офицерская дружина ген. Базовова должна была немедленно итти в Старочеркасскую. Бронепоезду ес. Упорникова было приказано выдвинуться к Персиановке и беспокоить красных артиллерийским огнем до 4-х ч. дня, а затем отойти к переправе, где испортить орудия и, погрузив пулеметы на подводы, которые будут ждать у переправы, итти туда же. Все отряды бывшие в стадии формирования и Константиновская дружина должны оставить город одновременно с артиллерией. Однако, бронепоезд оставил свою позицию раньше и прибыл в Новочеркасск между 3 и 4 ч. и команда его разошлась. Часть офицеров с ес. Измайловым присоединилась к партизанам, уходящим в Старочеркасскую, а пулеметная команда с ес. С.Н.Красновым с одним пулеметом через ст. Аксайскую пошла в ст. Ольгинскую, остальные разошлись по домам в Новочеркасске.

В этот же день ген. Попов посетил самораспускающиеся сотни Студенческой дружины и призывал студентов временно пополнить сотни Новочеркасской дружины, чтобы составить охрану города до вступления казаков Голубова. А затем советовал студентам разъехаться по станицам для подготовки восстаний против советской власти. С этой же целью он посетил Военно-Фельдшерские курсы и Обще-образовательные курсы урядников и остающиеся в городе сотни Новочеркасской дружины. Последних благодарил за "службу" и просил сменить, т.е. заменить, партизан на караулах, на складах, учреждениях и т.д. до прихода голубовцев. Просьбу эту дружинники выполнили.

А в это же время полк. Сидорин с начальником Особого Отделения (политического) Д.М.Афанасьевым в штабе Походного Атамана инструктировали лиц, оставляемых для секретной работы в Новочеркасске, Ростове и других местах Области, снабжая их деньгами и соответствующими документами. Таких лиц было оставлено в Новочеркасске около 20 человек, главным образом студентов и молодых офицеров. Одни из них погибли, другие блестяще выполнили возложенные на них задания.

К 3-м ч. дня ген. Попов был вызван Атаманом Назаровым, передавшим ему "на всякий случай" наспех наброшенную им точную и определенную задачу, которая в главных чертах сводилась к следующему: увести партизан в задонские степи, где и сохранить их для будущей борьбы; поднять на Дону восстания против советской власти, объединить их и руководить ими; при первой возможности созвать Войсковой Круг для решения вопросов власти на Дону и выборов Войскового Атамана; придя в Старочеркасскую, посетить в Ольгинской ген. Корнилова и договориться с ним о подробностях совместных действий на основе уже рассмотренного им и ген. Корниловым плана дальнейшей борьбы.

Когда шла переправа партизан через Аксай и пока они шли к этой переправе под злобное шипение улюлюканье большевизанствующих, под молчаливую неприязнь умеренных, под насмешки знакомых, называвших уходящих Дон-Кихотами и под слезы матерей - Войсковой Круг во главе с Войсковым Атаманом и председателем Круга в 3 ч. дня отправились в Войсковой Собор отслужить молебен о спасении города и жителей его от грабежей и насилий. Ген. Попов, как бы охраняя Круг и Атамана скромно шел сзади во главе своего штаба. После молебна Владыка Митрофаний благословил Походного Атамана и в его лице и всех партизан на ратный подвиг копией иконы Покрова Пресвятой Богородицы, которая была у казаков во время Азовского Сидения. Служба затянулась почти до 4-х часов.

После, Атаман Назаров с кругом пошли на последнее в этот период и в его жизни столь печальное и трагически закончившееся заседание Круга. Походный Атаман и полк. Сидорин пошли в свой штаб, чтобы по телефону проверить сняты ли все отряды охранения, приказать отряду полк. Мамантова уходить сейчас в Старочеркасскую, а отряду Мартынова в 5 ч. снять офицеров наблюдателей на колокольнях Войскового Собора, Троицкой церкви и пожарной каланчи, также как и дежурного офицера на почтовом телеграфе, сотн. Н.А.Ломакина, который, кстати, доложил полк. Сидорину, что красные заняли Персиановку и что их комендант говорил с ним по аппарату, предлагая скорее "убираться" из города и предупредил, чтобы не чинили сопротивления при входе красных войск в Новочеркасск.

Сейчас же после 4-х ч. со стороны вокзала послышалась ружейная и пулеметная стрельба - то партизанская сотня в.ст. Мартынова встречала огнем наступавших голубовцев. Стрельба была услышена на заседании Круга и Атаман Назаров приказал в.ст. Гнилорыбову снять охрану Круга и уходить в Старочеркасскую, а в отряд Мартынова прискакал член Круга и на словах передал приказание Атамана "прекратить огонь" и тоже уходить туда же. Т.к. Мартынов имел приказ Походного Атамана "сняться с позиции" в 5 ч., а до того охранять город от голубовцев со стороны Кривянской, то он послал своего адъютанта с тем же членом Круга к Походному Атаману, который приказал Мартынову прекратить огонь и отходить к переправе.

К 4 ч 30 в городе не осталось "брошенных" или "забытых" партизан. Ушли все, кто хотел, остались по своей вине одиночки, задержавшиеся дома, куда они "зашли", чтобы проститься с родными. В последнюю минуту из Новочеркаска в Добровольческую Армию выехал ее представитель ген. Складовский и Редактор "Нового Времени" Б.Суворин, а в Старочеркасскую

члены Государственной Думы А.Ф.Аладин и Араканцев, а за ними через Аксайскую и Ольгинскую с группой партизан, бышовец, автор книги "Жертвы вечерние" - ес. Родионов.

Член Круга ес. Сиволобсов, вернувшись от Голубова, доложил Кругу, что Голубов вступит в город в 6 ч. вечера и гарантирует неприкосновенность Атамана и Круга. По мнению другого члена Круга Н.Д.Дувакина "или Голубов обманул Сиволобова, или Сиволобов обманул Круг и Атамана". А комиссар голубовского отряда Пугачевский свидетельствует, что Голубов из Мелиховской "двигался шагом, не спеша", в Кривянской отряд "расположился по квартирам, как будто на ночевку". И что Голубов все время твердил, что "город еще сильно занят противником и что он со своими силами, понеся большие потери, может его не взять". И все время советовал Пугачевскому "не спешить", и что, наконец, в 4 ч. он, сам Пугачевский, без ведома Голубова "поднял" отряд и "повел его сам на Новочеркасск". Догнавший его Голубов вновь советовал "в город не входить в конном строю, т.к. город сильно занят противником". Тут Голубов или обманывает Пугачевского, чтобы сдержать данное Сиволобову обещание, или не зная сил ген. Попова и, даже имея донесение своих дозоров, ведших наблюдение за дорогой на Старочеркасскую и видивших движение туда партизан из Новочеркаска, видимо все же боялся "засады". Возможно Голубов не знал, что Походный Атаман оставляет город без боя потому, что считал этот бой бесполезным для данного момента и вредным для будущего.

Как известно, Голубов, заняв город, ворвался с Пугачевским на заседание Круга, который на его окрик "Сволочь, встать!" встал как один человек, кроме Атамана Назарова, хотя среди членов Круга, кажется было большинство офицеров и в почтенных чинах, хорошо знавших Голубова, как и он знал многих. Все члены Круга не только встали, но никто, кроме нескольких рядовых казаков-стариков не протестовал на грубое обращение и арест Атамана и председателя Круга, а подобострастно спрашивали - что он прикажет делать, и получив ответ "мне некогда возиться с вами, убирайтесь все к черту!" поспешили "убраться".

Новочеркасск оставлен.

Партизаны начали свой легендарный поход.

А.Падалкин.

.....

" "

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла,
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою.

Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где то правее - Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Тоску безисходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тусклого погона
На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали все, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной - за Россию - поход.

Н. Туроверов.

:--:--:--:--:--:--:--:

ДОНСКИМ ПАРТИЗАНАМ.

Ох, мела, мела она, поземка,
Хутор Фролов замела во-зять.
Ох, намерзся в шинелишках тонких,
В половне скрывавшийся отряд.

Ветряки отрезали с налета,
С водокачки вдарил пулемет...
Бились крепко все четыре роты
Но к рассвету начался отход.

Ни сварить, ни закурить ребятам,
Что кроты в полове залегли,
Ночь пришла. По куреням и хатам
Огоньки вечерние зажгли,

Ночью этой пленных нет, не брал
Все, что было здесь не обскажат
К Иловлинской красных провожали
Через Лог вертались ночевать.

Сотня их, парнишек желоторотых,
Из Черкаска, с Чира, с Калитвы.
Против них - четыре красных роты
Коммунистов. Русских. Из Москвы.

.....
Эх, мела, мела она, поземка,
Гимназистик, реалистик и кадет,
Без обувки, в шинелишках тонких
Жертва злобе окаянных лет.

Закурило ночью, запуржило,
Ветер, тучи и темным-темно,
О полночи, или в час от силы,
Занялося крайнее гумно.

Жизни ваши, молодые силы,
Разбросав в сугробах и пыли,
И уйдя в безвестные могилы
Тем вы честь казачью сберегли.

А потом - отцы поднялись ваши.
Эх ты, горе - горькое мое...
.....
Побежденных меж зубцами башен
В старину кидали на копье.

водители этих восстаний, считая, что партизаны это "допинг" для казачьего повстанческого движения и что существование партизанских отрядов было лучшим моральным стимулом для колеблющихся. Так это понимал и Круг Спасения Дона и Большой Войсковой Круг февральской сессии 1919 года, отмечая заслуги степняков и их вождя. Но если бы не было казачьих восстаний, то и судьба партизан могла бы быть печальной. Это отлично понимали руководители Степного Похода, и особенно ген. Попов, который при помощи Особого Отделения своего штаба руководил всей работой по подготовке казачьих восстаний, не жалея никаких средств и не упуская ни одной возможности. Первые результаты сказались уже 4 марта, т.е. через 20 дней после оставления Новочеркаска и скоро началось стихийное народное движение сопротивления советской власти по всей Области. Но чувствовалась невидимая руководящая "рука" Походного Атамана и его штаба, что известно мне лично и что отмечает советская мемуарная и историческая литература, для которой несомненно в советских архивах имеется соответствующая документация. В то время я был скромным чиновником для особых поручений Особого Отдела штаба Походного Атамана. Фигурально выражаясь - маленьким винтиком сложного механизма, его большого ведущего колеса, но был у самого его центра, поэтому мог видеть его работу лучше других, оставшихся в живых. В Походе вел дневник, а после ознакомился с архивом Союза Партизан-Степняков, с литературой, относящейся к Походу и казачьим восстаниям, и собрал богатый материал не только о событиях и военных операциях, но и о настроениях, мыслях, переживаниях, надеждах партизан и восстающих казаков. К сожалению, размер журнала не позволяет останавливаться на этом подробно.

Партизаны двигавшиеся из Новочеркаска в Старочеркасскую видели "маячившие" дозоры голубовцев, наблюдавших за их движением и подхлывших так близко, что они могли перекликаться с партизанами. Но они друг друга не трогали, каждый шел своей дорогой, быть может размышляя, что деление на "кадетов" и "трудовых казаков" - явление временное и поэтому не стоит "обострять отношений".

Ночь на 13 февраля партизаны провели в хорошо их принявшей Старочеркасской станице, а рано утром начали переправу по льду через Дон в Задонье. Из станицы некоторая часть партизан под влиянием пропаганды председателя Союза Донских дворян Леонова ушла в Ольгинскую, в Добровольческую Армию: отряды ес. Бокова, Баклановский отряд ес. Власова, группа "новоиспеченных" партизан полк. Краснянского под командой в.ст. Дударева, группа офицеров казаков и не-казаков покинувших Новочеркасск в одиночном порядке. Частично "самораспустилась" 2-я сотня Новочеркасской дружины, бывшая на "фронте" в Аксайской и пришедшая прямо в Старочеркасскую после последней перестрелки с рабочими Аксайского стеклянного завода Добровольского у Плавного моста через Аксай.

В станице Старочеркасской председателем Союза Донских дворян А.П.Леоновым, очевидно под влиянием сторонников Екатеринодарского направления среди высших чинов Добровольческой Армии, чтобы увести донских партизан в станицу Ольгинскую в распоряжение ген. Корнилова, был задуман "переворот", имевший целью армию Походного Атамана ген. Попова и передачу его власти новому лицу. Таким лицом намечался полк. Мамонтов, которому в хуторе Арпачине и было сделано соответствующее предложение. Полк. Мамонтов отклонил предложение и доложил о нем Походному Атаману. Леонов, зная крутой нрав ген. Попова, уехал в станицу Ольгинскую под крылышко ген. Алексеева.

В хуторе Арпачине была объявлена дневка, для подсчета сил пар-

тизан, производства реорганизации отрядов, установления количества и-
меющихся запасов и количества совершенно небоеспособного элемента -
частных лиц, последовавших за партизанами. Из 16 отрядов, из которых
некоторые имели по 30-40 человек, были организованы более крупные сое-
динения (6 отрядов были лишены самостоятельности), способные на вы-
полнение самостоятельных боевых задач. Все отряды были сведены в "От-
ряд Вольных Донских Казаков", т.е. независимых от советской власти.

В Арпачине тоже был "отлив" и "прилив". Ушла в свою станицу Кон-
стантиновская дружина, а из одиночных офицеров ушедших из Новочеркас-
ска с партизанами была организована Конно-Офицерская сотня полк. Чер-
нушенко. По данным, хранившимся в Союзе Партизан-Степняков, в "Отряд
Вольных Донских Казаков" вошли:

1. Отряд полк. Э.Ф.Семилетова - состоял из 2-х конных и 3-х пеших
сотен, подрывной и пулеметной команд, 2-хорудийной батареи, медицинс-
кого околка и обоза. В основной его отряд вошли отряды: в.ст. Мар-
тынова, сот. Хоперского и остатки Новочеркасской дружины. Помощниками
-заместителями полк. Семилетова были: 1-м полк. Лысенков, командовав-
ший пешими сотнями, 2-м в.ст. Ленинов, командовавший конными сотнями.
Командирами сотен были: конных - 1-й подъес. Галдин, 2-й - подъес.
Зеленков; пешими последовательно командовали: 1-й ес. Пашков (убит у
Казенного Моста), капитан Балихин (убит у Ал. Грушевска) и в.ст. Ре-
тивов; 2-й ес. Тацин, 3-й - в.ст. Мартынов; начальником пулеметной
команды был подъес. Кундрюков, батареи - капитан Шукин, обоза - кап.
Виноградов, комендантом и н-ком комендантской команды - ес. А.В.Губа-
рев. Из хутора Веселого отряд вышел в составе 701 человека, при 13
пулеметах.

2. Отряд сотн. Ф.Д.Назарова - состоял из 2-х конных сотен, подрыв-
ной команды при 3 пулеметах и околка. 252 человека.

3. Отряд полк. Мамонтова - из 2-х пеших сотен, при 4-х пулеметах в
205 человек. В основной его отряд входили отряды: полк. Яковлева
(смешанный) и полк. Хорошилова (детский). Помощником Мамонтова был
полк. Шабанов, который командовал мамонтовским отрядом в тех случаях,
когда сам Мамонтов командовал группой отрядов.

4. Юнкерский конный отряд ес. Н.П.Слюсарева - в 96 человек при 3-х
пулеметах. Помощником Слюсарева был ес. В.С.Крюков.

5. Атаманский конный отряд полк. Г.Д.Каргалского с заместителем в.
ст. Хрипуновым - 92 человека при 3-х пулеметах.

6. Конно-Офицерский отряд полк. Чернушенко с заместителем ес. Ду-
бовсковым - 85 человек при 3-х пулеметах.

7. Штаб-Офицерская пешая дружина ген. Базавова ("песочники" и де-
ти) с заместителем его полк. Ляховым. Сюда входил пеший ученический
отряд ес. Боброва (48 человек), в Великокняжеской переведенный в от-
ряд полк. Семилетова. Всего в отряде было 116 человек при 2-х пулеме-
тах.

8. Офицерская боевая конная дружина в.ст. Гнилорыбова - 106 человек
при 3-х пулеметах.

9. Инженерная сотня ген. Модлера - 36 человек при 1-м пулемете и
одной полевой радио-станцией.

10. 1-я отдельная батарея ес. Неживова - 2 3-х дюймовых орудий и 2
пулемета "Льюис": 38 человек.

11. 2-я Отдельная батарея ес. Кузнецова - 1 орудие и 1 "Льюис": 22
человека.

В хуторе Веселом все отряды были сведены в "Отряд Вольных Донс-
ких Казаков" в 1737 человек боевого состава, из которых 1110 человек

было пехоты, 617 - конницы при 5 орудиях и 39 пулеметах, под общим командованием Походного Атамана ген. Попова.

В Великокняжеской присоединилось около 200 человек учащейся молодежи а позднее, в Восточных коневодствах, Отряд пополнился 4-мя калмыцкими сотнями, в 620 коней при 4-х пулеметах, под общим командованием ген. И.Д.Попова (командиром 1-й сотни был полк. Абраменков, 2-й - в.ст. Кострюков, 3-й - подъес. П.М.Аврамов, 4-й калмык сотн. Яманов), что увеличило общую численность Отряда до 2850 человек.

В нестроевой части Отряда было 251 человек, распределяющихся следующим образом:

штаб Отряда - адъютантом Походного Атамана был полк. Кучеров, офицерами-ординарцами в.ст. Н.И.Тарарин и в.ст. Розов.

Начальником штаба был полк. В.И.Сидорин, его помощником и н-ком оперативного отделения - ес. Сутулов, казначеем Отряда - ес. М.И. Тарарин, н-к хозяйственной части - ес. Платонов, п-к службы связи - полк. Кудинов, обязанности н-ка разведывательного и контр-развед. отделений выполнял н-к военно-следственной комиссии ген. Жерве, обязанности коменданта Отряда - полк. Мамонтов. Всего обслуживающего персонала штаба было 31 человек при 1 пулемете.

Особое место при штабе занимало Особое Отделение Штаба Ростовского Военного Округа под начальством инженера Д.М.Афанасьева, с помощником на должности чиновника для особых поручений А.П.Падалкиным и 16 секретных сотрудников.

Артиллерийское управление и его обоз, возглавляемое начальником Донской Артиллерии ген. Астаховым, с адъютантом управления ес. Е.А. Федоровым, в 36 человек при 1 пулемете. В обозе находилось 200 арт. снарядов, 500000 ружейных патронов, около 1000 ручных гранат, 5 пулеметов, около 500 винтовок и некоторое количество военного снаряжения.

Походный госпиталь - 21 человек обслуживающего персонала кроме сестер милосердия.

Калмыцкая группа членов Донского Войскового Круга и духовенства - 22 человека, очень способствовавших привлечению в Отряд казаков-калмыков.

Группа общественных деятелей во главе с членами Государственной Думы казаком Араканцевым и не-казаким Аладьиным - 18 человек.

В Отряде было рядовыми партизанами, сестрами милосердия и отрядными поварами 78 женщин и девушек.

Наибольший численный состав Отряда к 20 марта доходил до 3000 человек.

С 20 марта по 5 апреля в порядке распыления из отряда ушло около 150 человек и было уволено около 50 (китайцы сотн. Хоперского).

С 5 апреля по 4 мая в Отряд вступило 500 новых добровольцев, в Константиновской присоединился партизанский отряд ес. Дмитриева, из учащих этой станицы - около 100 человек.

Общие кровавые потери с 12 февраля по 25 марта были убитыми и умершими от ран - 81 человек, ранеными - 211.

Каждый отряд имел свой значек: штаб Походного Атамана - русский национальный трехцветный флаг; отряд Семилетова - синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны серебряный Георгиевский крест, с другой - золотая буква С; отряд в.ст. Мартынова, вошедший в Семилетовский, - черное поле с серебряной оторочкой, с одной стороны 4-хконеч-

ный степной крест, с другой - серебряная буква М; Мамантовский отряд - белое поле с золотой оторочкой, с одной стороны 6-тиконечный золотой крест, с другой - золотые буквы О.М.; юнкерский отряд - голубое поле с серебряной оторочкой и серебряные буквы с двух сторон ЮН.ОТ.; Назаровский отряд - синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны золотые лучи восходящего солнца, с другой - золотые буквы О.Н.; Атаманский отряд - значек Л.-Гв. Атаманского полка; Офицерская боевая дружина Гнилорыбова - белое поле с золотой оторочкой, с обеих сторон золотые буквы О.Б.Д.; конно-офицерская сотня Чернушенко - синее поле с серебряной оторочкой, с обеих сторон серебряные буквы М.О.С.; инженерная сотня - белое поле с красной оторочкой и серебряные буквы, с одной стороны ИИ., с другой - ССОТ.; Штаб-офицерская дружина ген. Базавова - черное поле с серебряной оторочкой и с одной стороны буквы Ш.О.Д.; управление н-ка артиллерии - синее поле с красной оторочкой и с одной стороны красные буквы У.Н.Д.А.; батарея Неживова - белое поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы Б.Н.; батарея ес. Кузнецова - синее поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы Б.К.; калмыцкие сотни - желтое поле с красной оторочкой и с двух сторон литеры I К.С., 2 К.С. и т.д. - всего 4 сотни.

14 февраля в хуторе Арпачине был произведен смотр маленькой партизанской армии. На "смотр" партизаны пришли с песнями, веселые и улыбающиеся. Собравшиеся жители хутора говорили, одни полные сочувствия - "И как они, бедные дети, будут воевать?", другие, злые духом, - "Ироды окаянные, кадеты проклятые, передуть бы вас всех!", третьи, наиболее многочисленные, относясь совершенно безразлично - "Подумаешь, вояки тоже!". В своем слове ген. Попов, спокойный и уверенный, что показывало его уверенность в партизанах, напомнил об их доблести в предыдущих боях и указал задание возложенное на них Войсковым Атаманом. "В настоящее время трудно сказать - каким путем это удастся осуществить, путь - укажет обстановка." Далее он отметил, что Добровольческая Армия ген. Корнилова для совместных действий с партизанами идет другой дорогой. В заключение ген. Попов потребовал соблюдать в отрядах полный порядок, дисциплину, без всяких комитетов и митингов; пьянство, игра в карты, грабежи, обиды местного населения будут строго караться "вплоть до изгнания из отряда". Требовал также бережливости казенного имущества и указал, что в целях сбережения денежных средств, "жалование до поры до времени" выдаваться не будет. Все это вызвало одобрительное выражение на лицах партизан и реплики среди жителей: "Вот это хорошо, правильно сказал Атаман..." Сам ген. Попов показывал пример экономии и нетребовательности, приказав в.ст. Тарарину купить за его личный счет "лантух", который был бы покрывкой на сено во время ночевки вповалку с чинами его штаба.

Первое боевое "столкновение" после переправы через дон произошло поздно вечером 13 февраля: инженерная сотня, шедшая в х. Арпачин после того как повзрывала лед на Дону, на месте переправы, была обстреляна казаками фронтовиками Манычской станицы, обстрелявших уже юнкерские разъезды в ночь на 13 февраля.

При движении на Арпачин и далее на хутор Веселый, боковым охранением главных сил со стороны Дона был конный отряд Назарова, а со стороны степи - юнкерский отряд. Когда главные силы ночевали в Арпачине, отряд Назарова ночевал в Манычской, где казаки станицы держали себя вызывающе, а посланный Назаровым на утро 14 февраля разъезд на станицу Богаевскую был там обстрелян ружейным и пулеметным огнем. Потом это объясняли тем, что "кадеты вырезали" станицу Манычевскую и

ее два хутора. Назаров объявил, что это неверно, что партизаны - казаки и с казаками не воюют и предложил "богаевцам" послать делегатов в Маньчевскую проверить слухи, что и было сделано. После, станица партизан не трогала и их разъезды свободно разъезжали по юрту Богаевской станицы 14 и 15 февраля. Слухи о том, что партизаны "вырезают" целые поселения, сопровождали их во время всего похода и командование, для их опровержения, неоднократно направляло в "вырезанные" места делегатов из запуганных поселений.

15 февраля главные силы перешли на хохлацкий хутор Веселый в 60 верстах от Арпачина. Партизаны еще не втянувшись в переходы едва тянулись, уже на первой половине пути и в Веселом было много больных, главным образом с кровавыми натретыми мозолями. Походный Атаман проявил особенную заботливость о "пострадавших".

В хуторе Веселом Походный Атаман был принужден учредить при отряде судебно-следственную комиссию и отрядный суд. Вызвано это было тем, что из группы полк. Биркина из офицеров, кадет и казаков Донского Кадетского Корпуса, остававшиеся в Новочеркасске после оставления его партизанами и приехавшая в Арпачин уже после того, как партизаны выступили на Веселый, в желании скорее их догнать, при требовании от хуторского атамана обывательских подвод, в.ст. Тихонов "случайно" убил из винтовки хуторского казака. Отец убитого приехал в Веселый с жалобой к Походному Атаману. Ген. Попов знал лично Тихонова, допускал возможность "несчастливого случая", но чтобы эти "случаи" не повторялись и не клакли бы пятна на партизан, приказал произвести расследование и виновника предать суду. Отец старик был удовлетворен, но в ту же ночь группа полк. Биркина, а с ней и в.ст. Тихонов, ушла в Добровольческую Армию, что вызвало впечатление, что она бежала от ответственности. Это вызвало негодование партизан.

Ген. Попов всегда придавал большое значение, как одному из видов борьбы с красными, пропаганде и политической разведке в их стане. Пользуясь трехдневной стоянкой в Веселом приказал н-ку Особого Отделения Д.М.Афанасьеву собрать всех сотрудников и провести с ними двухчасовую "беседу" об их работе среди местного населения, где будут проходить партизаны, в среде красной гвардии, о казачьих настроениях, о мероприятиях советской власти на Дону и т.д. и просил Афанасьева два раза в неделю представлять ему сводки "казачьей температуры". В этом отношении он оказался очень требовательным и никогда не довольствовался сухими докладами, но требовал материалы на основании которых эти доклады основывались и глубоко вникал во все слышанное. Основываясь на полученных сведениях, он сам вел особые таблицы по округам, отмечая изменение казачьих настроений и мероприятий советской власти, и принимая то или иное решение всегда пользовался собранным у него материалом.

Во время стоянки главных сил в Веселом почти что все конные отряды были расположены на хуторах в 10-15 верстах от Веселого. Один из этих отрядов имел перестрелку у хутора станицы Богаевской, где укрылись мужики хутора Веселого во главе с Думенко. Оставшиеся же жители хутора говорили партизанам: "Уходите от нас... Большевики люди хорошие, зла нам не сделают."

В том же хуторе, один партизан не-казак, называвший себя офицером, за игру в карты, а главное, за кражу револьвера у другого партизана отрядным судом был приговорен к смертной казни. Но ген. Попов приговора не утвердил, сказав: "Зачем убивать дурака? Выгнать его из Отряда. Пусть идет на все четыре стороны. Удастся ему "там" спастись - его счастье, нам его крови не нужно" и этот партизан был изгнан.

При подготовке операции против Великокняжеской, н-к штаба Отряда полк. Сидорин, по приказанию Походного Атамана послал не только конные разъезды для производства глубокой разведки, но посылал в станицу и агентов Особого Отделения. Так 18 февраля хор. Калмыков, сообщивший, что Великокняжеская занята красным отрядом Кулакова.

19 февраля из Веселого партизаны широким фронтом двинулись через хутор Момутец, зимовники Демина, Пишвонова и т.д. Отряд Чернушенко выбил красную гвардию Думенко с зимовника Орлов-Подвал.

20 февраля весь отряд сосредоточился на зимовниках Пишванова, Королькова, Жеребкова, Орлов-Подвал и др. Штаб Походного Атамана был в районе зимовника Королькова и отсюда в ночь на 21-ое был послан в глубокую разведку в Великокняжескую юнкерский взвод с ес. В.Крюковым. Задача была им выполнена блестяще, но два юнкера было ранено. Это были первые раненные у партизан после оставления Новочеркасска.

20 февраля на зимовник Королькова казаком из отряда Голубова было доставлено письмо от него самого к "братьям-партизанам", в котором он предлагал вернуться в Новочеркасск, гарантируя всем жизнь, чтобы "отстоять Дон от красных". По распоряжению ген. Попова письмо это, чтобы "несмущать людей" не было передано брату Голубова, Алексею, партизану Гнилорыбовского отряда. Казак этот рассказал о расстрелах в Новочеркасске, после того как красная гвардия Ю.Саблина 13 февраля вошла в Новочеркасск, как командующий революционными казачьими войсками сотн. Смирнов с казаками 10-го и 27-го Донских казачьих полков спасали раненых партизан. Но спасти всех не удалось, много было расстреляно или выброшено из окон госпиталей. Рассказывал о том, что в Кривянской красной гвардией Петрова были расстреляны студенты В.Стефанов и С.Ершов, оставленные в Новочеркасске для подпольной работы. Это были первые жертвы подпольщиков-партизан.

В тот же день по просьбе калмыков Платовской станицы помочь им в борьбе с красной гвардией из местных крестьян, ген. Попов выделил особый сводный отряд полк. Мамантова. 21 февраля этот отряд с успехом выполнил поставленную ему задачу: разбить красные отряды Никифора и Думенко и хуторов Соленый и Шара-Бурук. Отряд Чернушенко побывал в хуторе Казюрине и "проскочив" до Орловки имел там бой, а отряд Назарова добирался до Мартыновки, где тоже имел бой. Другие отряды почти без боя заняли станицу Платовскую, где ген. И.Д.Попов приступил к формированию калмыцких сотен.

С зимовника Орлов-Подвал Походный Атаман командировал в северные калмыцкие станицы ес. Холмского и прапорщ. Куркусова с задачей организовать в этих станицах калмыцкие партизанские отряды.

Выполняя эту задачу ес. Холмский с дороги послал вперед прапорщ. Куркусова в район станиц Батлаевской и Ново-Алексеевской, чтобы подготовить сбор партизан. Позднее выяснилось, что Куркусов, прибыв в станицу Ново-Алексеевскую прозид своих верных друзей собрать тайно людей, которые готовы были бы пойти в отряд, обещая через несколько дней вернуться с новыми определенными инструкциями и указаниями "начальника", т.е. ес. Холмского.

Тайная запись в "партизанский отряд" в станице Ново-Алексеевской быстро дала сотню людей на прекрасных конях, готовых в любой момент присоединиться к партизанам ген. Попова, но ... плохо вооруженных.

Прошло 2-3 дня в станицу Ново-Алексеевскую не явились ни Холмский ни Куркусов, т.к. они были пойманы большевиками, рыскавшими по калмыцким станицам и расстреляны.

Почти одновременно с этим, в районе северных калмыцких станиц,

пользуясь еще поручением Атамана Назарова организовать калмыков для борьбы с большевиками, прибыл полк. Мангатов в сопровождении в.ст. Болдырева, ес. Макарова и сотн. Абушинова, большевики напав на их след безуспешно охотились за ними, т.к. калмыки их тщательно укрывали. К концу февраля полк. Мангатов со своими помощниками приехал в станицу Ново-Алексеевскую в санях запряженных четверкой хороших коней. Остановились они в доме Уланова, где устроили летучее совещание с местными активными натибольшевиками. Это была их последняя "организационная" деятельность. Отсюда они все четверо направились с докладом к Походному Атаману.

В Ново-Алексеевской к ним присоединились десятка два вооруженных калмыков. Отсюда Мангатов с группой до 25 человек направился в станицу Великокняжескую, рассчитывая там "поймать" партизан Атамана Попова но ... опоздал. Партизаны оставили Великокняжескую и двинулись в восточные коневодства. У станицы Великокняжеской группа Мангатова нарвалась на сильный красногвардейский отряд. Полк. Мангатов был убит. Группа его рассеялась и часть ее во главе с сотн. Абушиновым по I - 2 человека присоединилась к отряду ген. Попова, который через некоторое время командировал Абушинова в северные калмыцкие станицы, с группой калмыков для организации в этих станицах калмыцких восстаний, что через некоторое время и увенчалось успехом.

21, 22 и 23 февраля главные силы партизан занимают зимовники Янова, Жеребкова и др. Семилетовский отряд занимает Михайловку, откуда высылаются разъезды к Казенному Мосту, где они имели столкновения с разъездами красных.

24 февраля партизаны вели наступление на Казенный Мост. Об этом мною написано в № 50 "Родимого Края". Было взято много пленных, среди них комиссар Чесноков, два орудия и 3 пулемета. У партизан было убито 9 человек и 40 раненых. Был убит и командир 2-й пешей Семилетовской сотни, офицер редкой храбрости и хладнокровия, ес. Пашков. Это была большая потеря. После занятия Казенного Моста, отряд Семилетова ночевал на зимовнике Меснякина, куда из Великокняжеской прибыла делегация из 3-х казаков, сообщивших, что ночью красные оставили станицу.

25 февраля была занята без боя Великокняжеская, в которой было захвачено 6 орудий, значительное количество патронов и снарядов, много военного имущества (в том числе и полевая радиостанция) но очень мало винтовок, которые все были отправлены ген. И.Д.Попову для вооружения калмыков. Первыми вошли в станицу юнкера ес. Слюсарева и отряд в.ст. Гнилорыбова. 26 февраля отряд Мамонтова оставил Платовскую под защиту калмыцких сотен ген. И.Д.Попова и также пришел в Великокняжескую. Здесь были получены сведения о расстреле Войскового Атамана Назарова и семи генералов и офицеров. С этого момента Походный Атаман ген. Попов является и временно исполняющим должность Войскового Атамана, т.е. носителем верховной власти на Дону.

На станичном собрании Великокняжеской, на котором присутствовало много казаков из ближайших хуторов и станиц, ген. Попов рассказал о последних днях Атамана Каледина и призывал к борьбе с большевиками, указав на то - что несет казакам советская власть. Многие обещали, но ничего не решили. На другой день, на собрании казаки выразили готовность присоединиться к партизанам, но при условии, что станица не будет ими оставлена. Ген. Попов разъяснил, что остановка партизан в Великокняжеской может быть только временной, т.к. "усидеть" на ж.д. под угрозой красных и с севера и с юга, не имея тыла и пополнений, трудно, и что партизаны в случае нажима большевиков от Царицына и Торговой, чтобы не делать станицу ареной боев, перейдут в восточные коневодства, где будут не только ожидать всеобщего пробуждения казаков, но и

будут беспокоить большевиков своими набегами, напоминая казакам о своем существовании. Все это казаков не удовлетворило и из ополчения станицы ничего не вышло. А когда подписывался станичный приговор о необходимости поддержать партизан, то из 500-600 человек бывших на сборе подписалось лишь 28 человек, да и то в большинстве представители хуторов.

Из захваченных в Великокняжеской советских газет, воззваний, декретов и пр. видно было, что советская власть чувствует себя на Дону не твердо, что казаки на местах воздерживаются от применения советских декретов, а больше тяготеют к казачьим "обыкновениям". Во многих станицах на требование центральной власти заменить атаманов выборными советами, станичные правления переименовывались в советы, а атаманы в их председатели. Во многих местах Области, начиная с Новочеркасска, появились подпольные казачьи организации.

О работе этих организаций впоследствии писал г-н Олин в "Донской Волне" ("Тайные работники"), в то время Походный Атаман приказал н-ку Особого Отделения увеличить кадр чинов его Отделения для их посылки во все Округа для установления связи с подпольными организациями и другой работы того же характера. Кадр был увеличен на 6 человек из числа партизан имевших склонность к "сильным ощущениям" (два было из Юнкерского отряда, по одному - из Назаровского и Гнилорыбовскому и два из Семилетовского).

Из советских газет стало известно, что основные силы красных занявших Новочеркасск - отряды Сиверса, Саблина и Петрова под общей командой Антонова-Овсеяно переброшены на Украину, чтобы задержать движение туда немецких войск. На их место организуются отряды красной гвардии из местных рабочих и крестьян, причем последние, в большинстве, не идут в эти отряды.

26 февраля на казачьих собраниях выступали в.ст. Гнилорыбов, полк. Мамонтов и ес. Ф.Д. Назаров. На их призыв отозвалось примерно около 200 человек учащейся молодежи во главе с учителем Реального Училища И. Дудка.

27 февраля Конно-Офицерский отряд Чернушенко после коротких боев занял хутора лежащие на север от ж.д. линии Великокняжеская - Двойная. В этот же день на станцию Эльмут (в 18 верстах на север от Великокняжеской) прибыл из Царицына красный бронепоезд и несколько эшелонов красной гвардии. Несколько эшелонов было обнаружено и на станции Двойной.

В первом завязавшемся бою у ст. Эльмут участвуют отряд Назарова и часть Семилетовского отряда.

28 февраля красные подвезли новые части. На усиление Назарова посланы остатки семилетовцев и отряд Гнилорыбова. Временами бой доходил до рукопашного. Красные отходили, потом вновь шли в атаку. На ст. Великокняжеской были захвачена телеграмма, что от Торговой движется бронепоезд и несколько эшелонов пехоты. Т.к. в план Походного Атамана не входило долго задерживаться в Великокняжеской, то он приказал начать отход в глубь восточных коневодств, а для врыва ж.д. полотна на Торговую был послан сотн. Е. Ковалев. При оставлении Великокняжеской I-ой Семилетовской конной сотне пришлось вести упорный бой у хутора Н. Кундрюческого.

За время пребывания в Великокняжеской, отряд Чернушенко сделал набег на хутор Каменский, а Юнкерский и Атаманский отряды - на хутора Кундрюческий и Тавричанский.

Поздно ночью на I марта все отряды собрались на зимовниках Михайлюкова. N° 1 и N° 2 и Егора Ципванова, у которого были уничтожены

красные разъезды, где и простояли весь день. Наблюдение за Великокняжеской, которую заняли красные, вели юнкера Слюсарева. В этот же день калмыцкие сотни Платовской станицы под напором больших красных сил, во главе с ген. И.Д. Поповым отошли на зимовник Орлов-Подвал.

2 и 3 марта партизаны ведут усиленную разведку вглубь восточных коневодств и вокруг своего расположения. Отряд Чернушенко имел значительный бой с большевиками у хутора Эльмутинского, когда он совершал новый набег на хутор Каменский.

4 марта партизаны заняли в восточных коневодствах широкое расположение на 40-50 верст в глубину, заняв зимовники С. Безуглова, Полкопаева, В. Безуглова, Н. Безуглова и др.

Еще в Великокняжеской, в штабе Походного Атамана были получены сведения от сотника Х., бежавшего из Новочеркаска, что там после занятия красной гвардией, 6-ой пеший казачий батальон не разошелся по домам, для того чтобы по возможности противодействовать власти большевиков, что этот батальон, также и как 10-й казачий революционный полк скрыли в своих рядах много офицеров партизан под видом рядовых казаков, что много студентов, учащейся молодежи, слушатели фельдшерских курсов разъехались по станицам для подготовки восстания казаков против советской власти. Позднее выяснилось, что все это было результатом работы людей оставленных в Новочеркасске ген. Поповым и в особенности сотн. Кузнецова. Результатом этого - уже 4 марта в ст. Грушевской была организована дружина в 150 человек из учащихся, молодых офицеров и казаков, выступившая на хутор Рыгин под командой сотн. Леонтьева, чтобы содействовать перевороту в станице Каменской, намеренному 2-м Донским казачьим полком и каменскими казачками. Однако на хуторе Рыгине выяснилось, что распоряжением командующего Революционными донскими казачьими полками сотн. Смирнова, 2-й полк переведен в Константиновскую. Переворот был отложен, но в ночь на 13 марта дружина произвела набег на оружейный склад в Каменской, в результате которого было увезено в Грушевскую несколько сот винтовок, несколько пулеметов и значительное количество патронов, но при возвращении в Грушевскую, сотн. Леонтьев в стычке с красными был убит.

4 марта, прибывший в Сальский округ Голубов с небольшим казачьим отрядом в станице Денисовской арестовал М.П. Богаевского, увез его в Платовскую, направляясь в Новочеркасск. Об этом стало известно в штабе Походного Атамана позднее. А 5 марта Голубов, оставив М.П. в Платовской под охраной местной красной гвардии, со своими казаками придвинулся к месту расположения партизан и через своих лазутчиков дал знать о своем желании "разговаривать" с партизанами. Ес. Назаров и полк. Захаревский сообщили об этом в штаб Походного Атамана. Там вспомнили о письме Голубова к его брату, партизану А.М. Голубову и, вопреки мнения Походного Атамана, вместе с Назаровым и Захаревским настаивали на вступление в переговоры с Голубовым через брата Алексея. Последний был вызван в штаб, но категорически отказался от встречи с братом. Переговоры не состоялись.

В ночь на 5 марта Конно-Офицерская сотня, бывшая в набеге, имела бой в районе хутора Каменского.

В тот же день калмыцкая полусотня отряда И.Д. Попова из зимовника Орлов-Подвал совершила набег на один из хуторов Платовской станицы, где разогнала отряд красной гвардии; одновременно с восточных окраин Сальского округа хор. Абуша Алексеев привел 200 конных вооруженных калмыков.

К утру 5 марта партизанские отряды расположились следующим образом: на зимовнике Подкопаева - семилетовцы со своей батареей кап.

Щукин, на зимовнике С. Безуглова - штаб Походного Атамана, отрядный госпиталь, управление н-ка артиллерии ген. Астахова с его обозом, отрядный обоз под командой ес. Платонова, инженерная сотня полк. Макеева, Штаб-Офицерская дружина ген. Базавова, на зимовнике В. Безуглова - отряды ес. Назарова, полк. Мамантова, в.ст. Гнилорыбова и батарея ес. Неживова, на зимовнике Н. Безуглова - отряды полк. Чернушенко, Атаманский полк. Каргальского, Юнкерский ес. Слюсарева и одно орудие ес. Кузнецова. Предполагалось время стоянки использовать на боевую подготовку партизанской молодежи. Но в Гашунском районе появился красный отряд Кулакова, поэтому на заре 6 марта было приказано совершить набеги Назарову с батареей Неживова на хутор Мокрый Гашун и Церковный; отряду Чернушенко - на зимовник Михайлюкова 2; Атаманскому и Юнкерскому с орудием ес. Кузнецова - на село Новоселовка; отрядам Гнилорыбова и Базавого перейти на зимовник Н. Безуглова. Все набеги увенчались большим успехом и все отряды почти без потерь, но с большой добычей, ночью вернулись на свои стоянки.

Когда донские партизанские отряды, придя в район восточных коневодств, "устраивали" свое расположение в зимовниках, Оренбургское и Уральское Войска, не зная о том, что партизаны оставили свою столицу и ушли в степи, старались связаться с Новочеркасском и получить помощь с Дона.

Атаман Оренбургского Войска полк. А.Н. Дутов из Верхне-Уральска 5 марта послал на Дон своих гонцов: донского офицера, бывшего при нем для связи, ес. Дмитриева и партизана Червь с письмом к М.П. Богаевскому, в котором писал об оставлении Оренбурга, что об общем положении доложат гонцы и просил прислать ему оружия, огнеприпасов, офицеров и главное - денег.

Гоцы прибыв в Новочеркасск донских партизан там уже не застали. Оренбуржец Червь вернулся к Атаману Дутову, а ес. Дмитриев уехал в ст. Константиновскую и приступил там к организации партизанских отрядов из учащейся молодежи.

Почти одновременно с гонцами от Оренбургского Атамана, Атаман Уральского Войска Мартынов тоже послал на Дон своего гонца ес. А.И. Потапова, чтобы установить связь с силами, борющимися с большевиками на Дону, ознакомить их с положением в Уральском Войске и может быть выработать общий план борьбы. Однако пока ес. Потапов добрался до Дона, Добровольческая Армия ушла на Кубань, а донские партизаны - в степи. Имя ген. Корнилова больше привлекало восточные казачества и ес. Потапов пытался "догнать" добровольцев, но попал в Ставрополь и возвращаясь оттуда на Урал через Донское Войско, намеревался связаться там с Походным Атаманом ген. Поповым и для этого с Тихорецкой поехал на Царицын. Но в это время в районе ж.д. Котельниково-Ремонтная донские партизаны вели бой с красными и он, едва вырвавшись от красных, не связавшись с ген. Поповым, вернулся на Урал.

6 марта из Великокняжеской были получены сведения, что там большевики расстреляли священника Проскурякова и двух его сыновей студентов, арестовали много казаков и грабят население. Увезенных арестованных на одном из зимовников - ес. Макарова с братом и отцом, учителя Черепашина и ряд других лиц - расстреляли.

Чтобы освободить арестованных и "наказать" большевиков за расстрелы и грабежи, Походный Атаман послал 7 марта в Великокняжескую "карательную" экспедицию (I-я конная и I-я пешая сотни Семилетовцев под командой кап. Балихина), которая в ночь с 7-го на 8-е ворвалась на ж.д. станцию Великокняжеская, разгромила стоявшие там эшелоны красных, испортила ж.д. стрелки, телефон и телеграф. Ворвавшись в

станцию, партизаны освободили арестованных из тюрьмы, которые к ним присоединились, разгнали местную красную гвардию, расстреляли комиссаров и пройдя по станции с песнями, к вечеру 8 марта, имея всего 3-х легко раненых, вернулись на свою стоянку на зимовник Подкопаева, привезя 20 пленных.

8 марта с зимовника Орлов-Подвал двинулся к главным силам партизан ген. И.Д. Попов с двумя калмыцкими сотнями Платовской станции хор. Боронова и хор. Барманджинова. Они присоединились к главному отряду 10 марта и ген. И.Д. Попов доложил Походному Атаману об аресте Голубовым М.П. Богаевского и о неудачной попытке его освобождения. Богаевский был переведен в Великокняжескую.

В тот же день отряд Гаварова совершил набег на ст. Граббевскую, откуда привел две сотни вооруженных калмыков, а разведка от отряда Гнилорыбова установила, что в районе села Ремонтное Ставропольской губернии прибыл из Царицына хорошо вооруженный и многочисленный отряд красных под начальством ростовского рабочего Тулака.

Показателем казачьих настроений в то время было то, что казаки Луганской станицы 8 марта разобрали ж.д. путь на 4-5 верст к Луганску, для того чтобы отбить направленных на Луганск из Каменской в чека 34 офицера. Луганская дружина, окружив остановившийся поезд, освободила арестованных. Против луганцев был выслан красный карательный отряд и Луганская дружина, бедная оружием, должна была уступить силе и освобожденные офицеры вновь попали в руки большевиков. Бежал только один подъес. К., присоединившийся в Н. Курмоярской к партизанам. А 9 марта станица Хомутовская прогнала из своей станицы отряд красных присланный для установления советской власти. Дон начинал выздоравливать от "нейтралитета".

Узнав, что видимо в предвидении больших боев большевики Маньчевской грязелечебнице оборудовали госпиталь, и т.к. в партизанском лазарете был большой недостаток медикаментов, перевязочных средств, постельного белья и одеял, отряд Слюсарева совершил туда удачный набег и утром 10 марта партизанский лазарет получил все нужное. Привезли с собой в качестве "языка" мобилизованного доктора, который сообщил немало ценных сведений о возможном в ближайшем времени серьезном наступлении большевиков.

10 марта в Новочеркасске председатель Исполкома Медведев и "Совет пяти" настаивают на ликвидации офицеров. Казаки 6-го батальона послали в Исполком делегацию с требованием оставить офицеров на свободе и прекратить регистрацию, угрожая в противном случае их защитить с оружием в руках. К ним присоединились казаки 10-го Донского казачьего полка, часть 27-го и вся артиллерия "Голубовской революционной дивизии". Исполком медлил советом, тогда эти казаки вышли вооруженными на улицу, навели орудия заряженные боевыми снарядами на здание, где заседал Исполком, и угрозой разнести его артиллерийским огнем заставили Исполком уступить. А Медведев должен был покинуть Новочеркасск. Это была первая ощутительная победа над советской властью. Дон оживал...

Расположившись в зимовниках, партизаны из-за группировки вокруг них больших сил красных, по приказанию Походного Атамана вырыли небольшие окопы и усилили охранение. Сам ген. П.Х. Попов объехал их расположение и для их одобрения проводил с ними "беседы". Из-за разбросанности отрядов в них велась пропаганда, неизвестно как проникающей советской агентуры. Чтобы сеять панику среди них, распускались слухи, что весь отряд Мамантова "вырезан", что посланный туда отряд Гнилорыбова, потеряв в бою половину своего состава, разбежался и т.д.

К Походному Атаману приезжали коннозаводчики с просьбой, чтобы партизаны оставались в коневодствах "все время", предлагая за это да-

же деньги. Ген. Попов ответил, что этого обещать он не может, а от денег отказался, заявив, что партизаны не наемники и пришли сюда не для охраны коневодств. После этого отношения между ними создались "странные": коннозаводчики, как будто сочувствовавшие партизанам, отказывали им в самых мелких вещах, объясняя это тем, что если партизаны уйдут, то они будут расплачиваться за "добрые отношения" к ним. На все обращения они обычно отвечали: "Берите все, что хотите, но берите сами - силой. Вы будете иметь все необходимое и мы будем гарантированы, когда придут большевики". То-есть получалась та же картина, что в свое время в Ростове и Новочеркасске, где никто не хотел ничего давать добровольно.

11 марта было произведено перемещение отрядов - штаб Походного Атамана перешел в центр расположения на зимовник Н. Безуглова, а отряд Слюсарева имел значительный бой с красными у зимовника Байздренкова. Весь день шел дождь со снегом так, что семилетовская сотня, бывшая в дальнем охранении, вернулась на свою стоянку в раскисших и вытянувшихся "кожухах", рукава вытянулись до пола и т.д.

12 марта отряд Семилетова с зимовника Подкопаева переходил на зимовник В. Безуглова. Во время перехода теплая погода сменилась холодом. Мелкий дождь замерзал, покрывая людей и лошадей коркой льда. Благом было еще то, что Семилетов мобилизовал все коннозаводческие "возилки", запряженные волами. Ехали медленно, без остановок, но "удобству" мешал замерзающий дождь, который всех сидящих на "возилках" сковывал своим ледяным покровом (это был своего рода "ледяной поход"). На зимовнике В. Безуглова на весь отряд не хватило теплых, приспособленных для жилья помещений, часть людей в замерзших кожухах разместилась в конюшнях, поэтому на утро обнаружили десятки больных партизан.

С появлением партизан в коневодствах большевицкая агитация и провокации захватила не только Сальский округ, но проникла и в глубину Астраханской и Ставропольской губерний. Распространялись самые невероятные слухи, нервируя население, что "кадеты вырезают все население", не щадя даже детей, сжигают села и в своем варварстве не знают границ. Чтобы этому противодействовать, Особое Отделение отправило своих лучших пропагандистов вахмистра Иванова в Ставропольскую губернию и хор. А. в Астраханскую.

Красный главковерх Тулак поднял против партизан астраханских и ставропольских крестьян, которые из сел за 200-300 верст от границы Дона спешили на выручку "обижаемых" товарищей, в то время как главное внимание Походного Атамана было обращено на запад, в сторону ж.д. Царицын-Торговая, где шло спешное формирование красных отрядов.

Когда партизаны Атамана Попова подошли к Ставропольской губернии, то большевицкие власти все местные красные отряды, разбросанные по уездам, направили в распоряжение Тулака, а в губернии началось антибольшевицкое движение, особенно ярко выразившееся в Медвежинском уезде под руководством коренного ставропольца кап. В. Жукова. По свидетельству последнего, оно началось именно под влиянием действий донских партизан у границы Ставрополя, которые отвлекли внимание красных властей от местных дел. Это дало возможность населению Ставрополя не только свободно жить по своему усмотрению, но к половине апреля 1918 г. организовать 4-хтысячный отряд самообороны для защиты от красной гвардии, возглавителем которого и был избран кап. Жуков. Действия донских партизан у себя на Дону, на общем собрании медвежинцев были одобрены и предполагалось послать к Походному Атаману делегацию, но к этому времени донские партизаны ушли далеко от границ Ставрополя и она послана не была.

По свидетельству кап. Жукова, Добровольческое командование, начав свой 2-й Кубанский поход, не использовало ставропольские отряды самообороны и они были распущены.

Чем спокойнее держались партизаны, тем смелее становились красные и мелкие стычки перешли в бои. Так против отрядов Мамантова были собраны отряды местного донского формирования Т.П. Круглякова, Мокро-Гашунский отряд Скибы, зимовниковский отряд Савина, Куберловский Кулишенко, Мартыновский Ковалева и др., общей численностью свыше 3000 под общим командованием Кулакова.

А между тем в Новочеркасске на требование Исполкома выдать находящихся в Кривянской офицеров, станица ответила, что не только их не выдаст, но что если красные что либо сделают с офицерами, то казаки в свою очередь устроят резню большевикам. Последние не реагировали, т. к. видели, что с каждым днем в Войске для них становится все тревожнее. Считая, что одной из главных причин этого является наличие в задонских степях партизан, Тулаку было приказано во что бы то ни стало их ликвидировать, распространив заранее слухи среди казаков об окружении и уничтожении отряда ген. Попова и на Кубани армии ген. Корнилова.

12 марта Тулак начал свое наступление. Первыми боями были бои отрядов Каргальского и Чернушенко у зимовника Байздренкова. Атаки красных были отбиты. Но т.к. в этот же день началось скопление красных у Манычских грязелечебниц, т.е. в противоположном направлении, отряды Слюсарева и Гнилорыбова с оружием ес. Кузнецова произвели удачный ночной набег. Взята была большая добыча, пленные за исключением комиссаров были отпущены и в итоге красные в этом направлении были надолго обезврежены. После, в штабе Походного Атамана было решено нанести ряд коротких ударов в районе зимовника Королькова, занятого крупными силами красных, для чего был создан сводный отряд полк. Мамантова из отрядов Мамантова, Каргальского, Гнилорыбова, Чернушенко, Назарова, Граббевской калмыцкой сотни, батареи Неживова и орудия ес. Кузнецова. Ночью на 13-е сводный отряд выступил с зимовника С. Безуглова к зимовнику Королькова. Зимовник Байздренова, оставшийся незакрытым, 13 марта на заре был занят красными, что поставило под угрозу правый фланг отряда Мамантова.

13 марта после столкновения разъездов в Стариковой балке, около зимовника Королькова около 9 ч. начался бой на подступах к зимовнику. Он продолжался до самого вечера, с переменным успехом, в весьма тяжелых условиях для партизан: все время шел то град, то снег - люди промокли, поле превратилось в непролазную грязь. Пехота Мамантова и спешенные партизаны Назарова и Гнилорыбова несколько раз ходили в атаку. Каргальский и калмыки действовали жиденькой цепью на флангах. Все атаки были отбиты красными занимавшими удобную позицию. Три партизанские пушки с открытых позиций вели бой с шестью орудиями красных, находившихся в хорошем прикрытие. Но три красных орудия были подбиты. С темнотой партизанам удалось сбить красных с занятой ими возвышенности, они стали отходить, оставляя горы трупов. Темнота и поднявшаяся снежная метель помешали их полному разгрому, а в последний момент, из-за плохой видимости, отряд Каргальского атаковал отряд Чернушенко, приняв его за красных. В последнюю минуту ошибка обнаружилась благодаря отрядным значкам. К 7 ч. вечера партизаны заняли зимовник. Красные при своем отходе справили всю воду немногочисленных колодцев сулемой - было несколько случаев отравления среди партизан, быстро оправившихся благодаря своевременно оказанной медицинской помощи, но лошади пострадали. Озлобленные этим партизаны беспощадно расстрелива-

ли красных, прятаясь на сеновалах и в скирдах соломы.

Утром 14 марта Чернушенко и Каргальский после короткого боя овладели зимовником Сергеева в 6 верстах на юг от зимовника Королькова, но 2-я Платовская калмыцкая сотня, занимавшая зимовник Пишванова, была атакована красными, но отбила все атаки. Красные разбитые у зимовника Королькова и Сергеева, и после неудачной атаки зимовника Пишванова, отошли к хуторам Совоськину и Курьячему, где были их значительные резервы, и оттуда стали обстреливать артиллерией зимовник Пишванова.

Несмотря на серьезность положения на фронте, который был фактически со всех сторон, Походный Атаман командировал в Великокняжескую хор. А, чтобы выяснить возможность "отбить" М.П.Богаевского у Голубова и для этой цели, в ущерб "фронту" предназначались значительные силы. Однако хор. А., вернувшись, доложил, что Богаевский увезен в Новочеркасск.

15 марта была произведена перегруппировка расположения отрядов: штаб Походного Атамана, госпиталь, артил. и интенд. обозы под прикрытием Штаб-Офицерской дружины ген. Базавова и "детского" отряда полк. Хорошилова перешли на зимовник С.Безуглова, Чернушенко с зимовника Сергеева перешел на зимовник Байздренкова оставленный красными, туда же с зимовника Я.Королькова перешли отряд Гнилорыбова и орудие Кузнецова. Отряд Семилетова сосредоточился на зимовнике Пишванова, а Слюсарева на зимовнике Н.Безуглова.

А в Войске дела шли своим чередом: 15 марта большевики созвали в Ростове "Областной Съезд Советов" на две трети состоявший из большевиков. На нем должен был быть решен вопрос о "национализации" земли явно во вред казакам и станицы всего Войска стали готовиться к смертному бою рассчитывая на помощь партизан.

Утром 16 марта в.ст. Семилетов, дабы прекратить обстрел красными зимовника Пишванова, по собственной инициативе предпринял наступление на большевиков в хуторе Совоськине. 3-я пешая сотня атаковала "в лоб", 2-я Платовская конная сотня пошла в обход левого фланга красных, которые оказали сильное сопротивление. Лишь когда на правом фланге рассыпалась в лаву конная сотня ес. Зеленкова, они поспешно оставили хутор, но поздно вечером вернулись на зимовник Пишванова.

В этот день рано утром было приказано полк. Мамантову с отрядами Мамантова, Гнилорыбова и Назарова с батареей Неживова, оставив 1-ю Грабевскую сотню и орудие ес. Кузнецова на зимовнике Я.Королькова, занять зимовник Трубникова, выбив оттуда красных. Но т.к. после их ухода против зимовника Королькова появились сильные отряды красных, то Походный Атаман приказал отряду Назарова вернуться. Назаровский отряд при своем движении к зимовнику Королькова встретил отставшую батарею Неживова. При встрече он попал под артиллерийский обстрел. Батарея Неживова отвечала. Атака красных была отбита. Не имея представления о сложившейся обстановке Назаров вместе с батареей Неживова пошел не на зимовник Королькова или Трубникова, а на зимовник Безуглова, куда и пришел поздно вечером.

16 марта был днем больших событий в отношении дальнейшего прибытия партизан в степях.

Ген. Попов сделал Неживову и особенно Назарову строгий выговор, несмотря на то, что очень ценил их боевую деятельность, за неисполнение боевого приказа и за самовольное прибытие на зимовник Безуглова. Назаров сделал себя обиженным и подал "непочтительный" рапорт. Походный Атаман назначил следственную комиссию, чтобы выяснить причины невыполнения приказа. Назаров же заявил, что никаких показаний он комиссии давать не будет и предпочитает этому "отделиться" от "Отряда Вольных Донских Казаков", уйти в станицы и действовать там со своим отрядом на свой страх

и риск. При этом обвинил в.ст. Розова, офицера-ординарца штаба Походного Атамана, в шпионаже в пользу большевиков. Для расследования этого дела Походным Атаманом к этому времени была уже назначена следственная комиссия, работой которой, до ее заключения Назаров был неудовлетворен и самочинно арестовав Розова, создал свою комиссию, которая в несколько минут заставила Розова сознаться, что он не офицер, а вольноопределяющийся одного из запасных ростовских полков - Симановский и что действительно он был большевицким агентом. 17 марта он был расстрелян партизанами Назарова. А "дело" Назарова о неисполнении боевого приказа было придано забвению.

К этому неприятному "делу" прибавилось еще и то, что под влиянием большевицкой пропаганды, проникнувшей в отряды, может быть при помощи того же Розова, стали говорить о необходимости найти выход из положения и даже о необходимости распыления. Небольшая группа ушла уже с зимовника Трубникова, говоря "чтобы пробраться к ген. Корнилову". Пошли разговоры: "Довольно в степях сидеть и ждать пока казаки восстанут. Нужно что то предпринять." Больше всего таких разговоров было в отрядах Чернушенко, Каргальского, Гнилорыбова и Базавова, т.е. в отрядах состоявших главным образом из офицеров. Эти мысли поддерживал и Назаров.

По этому вопросу 16 марта на зимовнике С.Безуглова состоялось совещание начальников отрядов и их помощников и общественных деятелей под председательством Походного Атамана.

Совещание, обсудив положение, признало его очень тяжелым. Начиная с младших и кончая старшими, были предложены ряд выходов, из коих были:

- 1 - Пробиваться в Персию к англичанам.
- 2 - Пробиваться в Румынию или Польшу.
- 3 - Распылиться по станицам и хуторам мелкими группами для организации борьбы на местах.
- 4 - Распылиться отрядами, чтобы поднимать станичные восстания.
- 5 - Искать возможности соединиться с Добровольческой Армией.

Большинство же старших чинов высказалось в том духе, что решение вопроса должно принадлежать Походному Атаману, как заместителю Войскового Атамана, получившего от него определенное задание, которое он должен выполнить по своему разумению, учитывая общее положение, которого многие не знают.

Ген. Попов, подводя итоги вышесказанному, дал такую оценку: Персия, Румыния, Польша - шкурная авантюра, распыление группами - это то, к чему призывают большевики, организация борьбы на местах - мысль недурная, но "не зная броду, не суйся в воду" и что "поспешность хороша при ловле блох", соединение с Добровольческой Армией - старая негодная песнь с опозданием на месяц.

После, н-к Особого Отделения Афанасьев сделал доклад о положении на Дону на основании советских газет, показания населения, пленных и наших агентов. Основываясь на этом докладе и его резюмируя, ген. Попов определенно заявил, что "поход близится к концу, что нужно еще потерпеть и что скоро партизаны потребуются дону и что все фантастические планы должны быть отброшены". Члены совещания без возражения разъехались по своим частям с верою в близкий конец "сидения в степях".

Как бы подтверждая сказанное Походным Атаманом, 16 же марта из села Ремонтное, что на границе с Астраханскими степями, в штаб Походного Атамана приехали делегаты от астраханских сел района с. Райгород и от района с. Кисты, заявившие, что они представители 18 пограничных сел, которые на своем съезде для самообороны организовали ряд отрядов,

которые по зову новоселов из Сальского округа пришли на границу Донского Войска, чтобы не допустить "кадет", все уничтожающих на своем пути, в свои края. Приехали они сегодня для того, чтобы выяснить цели "кадетов", их требования и, быть может, придти к мирному соглашению. Ген. Попов прежде всего предложил им убедиться на месте во лжи новоселов. Оказалось, что это было уже сделано, а потому делегаты и приехали для переговоров. Походный Атаман заверил их, что партизаны никаких захватнических целей не преследуют, что они ведут борьбу с красной гвардией в Донском Войске, что если крестьяне Астраханской и Ставропольской губернии оставят их в покое и разойдутся по домам, то и партизаны не будут переходить границы Войска Донского, что крестьяне Сальского округа также призываются оставить партизан в покое и приступить к мирному труду и что в случае насилия разных шаек грабителей, именующих себя красной гвардией, он обещает свою помощь обижаемому населению. Все это делегаты просили изложить на бумаге и послать своих делегатов в с. Ремонтное, они обещают, что крестьяне астраханских и ставропольских сел разойдутся по домам, войны с партизанами вести не будут. Делегатами ген. Попов отправил ес. Сутулова и члена Государственной Думы Аладьина, выехавших в Ремонтное 17 марта.

На боевых участках в этот день также были перемены: зимовник Лисицкого, занятый наблюдательным постом партизан для наблюдения за ж.д. линией Торговая-Царицын, был захвачен красными. Хор. Егоров и Васильев были там зверски замучены. Зимовник Подкопаева занятый конно-подрывным взводом Семилетовского отряда тоже был оставлен под давлением той конницы, что была на зимовнике Лисицкого.

Отряды Мамантова и Гнилорыбова выдержали два сильных боя с различными группами большевиков, но овладели зимовником Трубникова в крайнем углу Донской Области, на стыке с Астраханской и Ставропольской губерниями.

18 марта в связи с общей обстановкой, штаб Походного Атамана, лазарет, артиллерийский и интенд. обозы, Штаб-Офицерская дружина, отряд полк. Хорошилова и юнкерский отряд перешли на зимовник Я.Королькова, куда должен был придти и отряд Каргальского.

Из станицы Граббевской прибыли гонцы к Походному Атаману с докладом, что ее хутора подвергаются грабежам красных, угоняющих скот и терроризирующих население, и с просьбой оказать им помощь. В этот же день восстала против большевиков Суворовская станица и, мобилизовав все население способное носить оружие, в ночь на 19 марта под командой местного учителя сотн. Алимова, двинулась освобождать почти что с голыми руками окружную станицу Н.Чирскую. 19 марта заняв ее, избрали окружным атаманом полк. Растягаева. К суворовцам присоединились станицы: Н.Чирская, Есауловская, Потемкинская, Верхне и Нижне-Курмойрские, Нагавская и Филиповская. Восстание Суворовской станицы, по справедливости, должно считаться началом восстаний казаков на Дону против советской власти.

Одновременно с выступлением суворовцев, в ст. Манычевской по инициативе сотн. Кузнецова состоялся съезд станиц Черкасского округа, на котором присутствовали и делегаты 6-го батальона и голубовских полков, 10-го и 27-го. Съезд этот дал возможность казакам обменяться мыслями и из глубины души всех ораторов вырвался протест против крови пролитой в Новочеркасске. В каждой речи чувствовалась глубокая любовь к родине и каждый присутствующий был в праве сказать, что заря возрождающегося казачества разгорается. Съезд не вынес определенных резолюций, представители станиц разъехались с решением вновь собраться 1 апреля для окончательного решения и выяснения своего отношения к

советской власти. Но каждый уезжал с сознанием, что на съезде ясно выяснилось, что если выступит против советской власти какая нибудь станица, то ее дружно поддержат другие.

19 марта в станицу Граббевскую для защиты ее населения был послан отряд Назарова имевший столкновение с красными у хутора Мокрый Гашун. Это столкновение красные главковерхи в с. Ремонтном Ставропольской губернии посчитали как нарушение переговоров и едва не учинили расправы над Сутуловым и Аладьиным. Из района Граббевской Назаров привел еще 2 сотни калмыков. С этого момента можно считать, что калмыки открыто выступили против большевиков, и если бы в распоряжении Походного Атамана было бы достаточно оружия, можно было бы, как полагал ген. Попов, сразу поднять все калмыцкие станицы.

В.ст. Семилетовым были получены сведения, что большевики готовят большое наступление на его отряд со стороны хут. Савоскина, и чтобы предупредить их, он сам решил совершить набег. Бой разгорелся в так называемой Курячей Балке, вдоль которой расположены с запада на восток хутора Курячий, Савоськин, экономия Ладченко, зимовник Скороходова, экономия Байздrenкова, зимовник Пишванова и зимовник Лишицкого. В ночь на 19-е Семилетов сосредоточил свой отряд за зимовником Скороходова, Байздrenкова и Пишванова и легко очистил их от красных. Против него были большие силы красных под общей командой Тулака. Значительные их силы занимали хутор Савоськин и зимовник Нечаева. Рано утром 19-го семилетовцы сбили красных и загнали их в хутор Савоськин. Тулак бросил против партизан отряд Кулакова, силы которого во много раз превышали силы партизан. Этот бой известен под названием "бой на Курячей Балке". Он не только был описан много раз в казачьей эмигрантской литературе, но и в советской, так что описывать его не буду. В этом бою красные потеряли более 1000 человек убитыми, а партизаны до 200 убитых и раненых, что для них было значительной потерей. (Бой описан в №15 "Родимого Края").

К вечеру 19 марта семилетовцы сосредоточились на зимовнике А. Королькова, в 11 верстах от Курячей Балки, чтобы быть поближе к войскам Тулака.

Начиная с ночи 17 марта в штаб Походного Атамана начали возвращаться посланные в разные концы Войска агенты Особого Отделения.

Первым вернулся хор. А. из 2-го Донского округа. Из его доклада было ясно, что Округ "созрел" для восстаний и что почин могут сделать Суворовская или Потемкинская станицы. Из сказанного выше известно, что почин сделали суворовцы. 18 марта вернулся ветеринарный фельдшер Ф., который нарисовал картину казачьих настроений в южных станицах 2-го Донского и северных станицах 1-го Донского Округов. Докладывал он также и о событиях в Черкасском Округе, но по слухам. В ночь на 19-е вернулся калмык Н. из калмыцких станиц района Андреевской. Он рассказал, что еще в конце первой половины марта казаки Андреевской станицы совершили удачный набег на ст. Котельниково для добычи оружия. Станица готова к выступлению в любой момент. 20-го утром вернулись из Донецкого Округа студент П. и из Верхне-Донского юнкер С., которые доложили о том, что достаточно маленькой искры, чтобы в Округах вспыхнули восстания. Были также агенты в Хоперском, Усть-Медведицком, Ростовском и Черкасском Округах, но они еще не вернулись. С особенным нетерпением Походный Атаман ожидал агентов из Черкасского Округа, т.к. считал, что освобождение Дона нужно начинать со столицы. Из донесений агентов и из подробного доклада Особого Отделения о казачьих настроениях во всем Войске, доклада основанного на советских газетах, опросе пленных, населения и т.д., ген. Попову стало ясно,

температура "поднялась до вспышки". Все эти сведения были ясными признаками казачьего отрезвления, нужно было поддержать его, вдохнуть в зародыш движения струю уверенности. Настало время партизанам приблизиться к станицам, дабы своим присутствием дать казакам поддержку, импульс, составить рычаг, на который мог бы опереться весь переворот. Поэтому 20 марта Походный Атаман снова созвал военный совет на зимовнике Королькова, который в это время обстреливался артиллерией красных, на котором и рассказал о положении на Дону в данное время. Ген. Попов в Степном Походе смотрел на партизан не как на боевую силу для освобождения Дона, а как на моральную, предназначенную для моральной поддержки выздоравливающего от нейтралитета казачества. После обрисовки положения на Дону ген. Попов почти буквально сказал: "Наше сидение в степях кончилось. Наступил момент выполнения нашей основной задачи и для этого нам нужно двигаться к Дону, т.е. в пределы Войска, к станицам." На совещании никто не вспомнил о фантастических проэктах, никто речей не произносил, все были зачарованы близкой возможностью напоить коней в Тихом Дону. Задавались только отдельные вопросы Атаману и н-ку Особого Отделения, касающиеся деталей происходящего на Дону. Но день 20 марта был праздником не только для чинов военного совета, т.к. ген. Попов считал это военным секретом и просил пока об этом не говорить. Военный совет молчаливо принял решение "идти к Дону". Партизанские же отряды в это время находились на границах Войска на стыке Астраханской и Ставропольской губерний и Донской Области.

В этот же день 20 марта в Черкасском Округе большевики отправили в станицу Егорлыцкую карательный отряд. Егорлычане, мобилизовав все мужское население вплоть до 70-тилетних стариков, на голову разбили красных, захватив винтовки, два пулемета и много патронов.

21 марта Походный Атаман, чтобы обмануть красных и создать у них впечатление, что партизаны намереваются уйти с Донской земли в астраханские или ставропольские степи, приказал всем отрядам сосредоточиться в крайнем углу Донской Области на зимовнике Трубникова.

К этому времени астраханские и ставропольские крестьяне, приходившие из своих сел для борьбы с партизанами, покинули "фронт" и ушли в свои деревни.

На зимовнике Трубникова, за отсутствием достаточного количества помещений, партизаны располагались под открытым небом. Была прекрасная весенняя погода и расположение партизан представляло красивое, незабываемое зрелище или табора цыган или полчищ татар, остановившихся на привале. Только отрядные значки, развивавшиеся при легком степном ветре в разных местах расположения, да русский национальный флаг, обозначавший штаб Походного Атамана, напоминали о том, что здесь расположился "Отряд Вольных Донских Казаков". Партизаны с оживлением обсуждали вопросы - почему их всех собрали в одном месте и куда их поведут отсюда? Начальники на эти вопросы молчали и только давали понять, что "сидение в степях" кончено.

Красные потеряли "контакт" с партизанами и начали поиски их конными разъездами, появившихся на виду у зимовника Трубникова только к полудню 22 марта. Концентрирование партизанских отрядов на зимовнике Трубникова действительно обмануло большевиков, которые, вместо того, чтобы преградить пути к Дону, стали сосредотачивать большие силы на территориях Астраханской и Ставропольской губерний, дабы преградить путь в этом направлении.

К вечеру же 22 марта на зимовник Трубникова вернулись из с. Ремонтное ес. Сутулов и Аладьин, а с ними и новая делегация военно-революционного комитета штаба главковерха Тулака. Делегация эта была с

большими требованиями: требовалась сдача отряда и выдача всех партизанских начальников, до взводных командиров включительно, рядовым же партизанам "гарантировали" сохранение жизни. Вела она себя нахально, с цинизмом, не зная предела. Ответ Походного Атамана был весьма вразумительным: отпустив крестьян-заложников, он приказал повесить комиссаров-коммунистов.

К этому времени большевики вновь окружили партизан, оставив свободным только небольшое расстояние в северном направлении, охраняемое небольшими их силами. 23 марта, в 2 ч. ночи, бросив все лишние повозки и ненужный груз, оставив на зимовнике лишь юнкерский отряд для наблюдения за красными, ведомые опытными проводниками калмыками по степным дорогам, партизаны двинулись на ... север, т.е. туда, где большевики их совсем не ожидали. Фланговым маршем они вышли из окружения не потеряв ни одного человека. Шли они и остаток ночи и весь день 23 марта.

А в Черкасском Округе большевики 22 марта послали карательные отряды против станицы Кагальницкой и 23-го против Хомутовской. На помощь этим станицам Манычская и Богаевская отправили свои отряды - объединенными силами красные были разбиты. В Округе настали дни тревожного ожидания большевицкой мести и расправы. Станицы готовились к отпору и самозащите.

23 марта юнкера Слюсарева после небольших стычек с красными разъездами оставили зимовник Трубникова.

24 марта главные силы партизан, дойдя утром до хутора Хуторского, после короткого привала круто повернули на запад, на станицу Граббевскую. Красные вновь "потеряли" партизан и только после обеда 24 марта их авангард имел короткий бой с арьергардом партизан у хутора Хуторского. Главные силы партизан уже ночевали в Граббевской.

23 марта, когда партизаны ген. Попова "продвигались" к станицам, в одном из хуторов Баклановской станицы были задержаны красными партизанами 4 партизана-степняка, поддавшихся пропаганде о необходимости распыления и ушедших в свою Баклановскую станицу. После ареста они были доставлены на станцию Ремонтная. Хутор поднял тревогу и стал просить помощи у станицы. Чтобы спасти обреченных станичников на утро 24 марта собралось 70 всадников, которые двинулись к Ремонтной. По дороге к ним присоединился поголовно соседний хутор Жуков. Присоединились и казаки других хуторов, и к вечеру 24 марта у Ремонтной стоял отряд казаков, более чем 300 человек, потребовавших освобождения партизан. Комиссары Ремонтной уступили - партизаны были спасены. Спасители вернулись в станицу и, окрыленные бескровной победой, подняли вопрос о поголовном восстании против захватчиков власти. К 25 марта организован отряд в 600 человек. По дороге в Ремонтную он пополняется казаками с соседних хуторов, со станицы Андреевской (300 всадников). Ремонтная взята лихой атакой пешими казаками. Узнав о выступлении баклановцев, к Ремонтной подошли дружины других станиц, что увеличило число восставших до 3000 человек, но винтовок было всего 300, всего один пулемет и ограниченное количество патронов. Ими была разрушена ж.д. как на Царицын, так и в сторону Котельникова. Но красные, исправив путь, обстреливают станцию артиллерийским огнем, несмотря на это весь день 26 марта восставшие казаки под общей командой ес. Андрианова удерживают ее в своих руках.

На заре 25 марта главные силы партизан-степняков покидают ст. Граббевскую, оставив сильный авангард, и двигаются на ст. Бурульскую. Отряд Назарова, находившийся с батареей Неживова на хуторе Мокрый Гашун, неожиданно был атакован значительными силами красных. Во время

артиллерийской перестрелки ес. Неживов был убит на своем командном посту, на крыше дома. При оставлении Граббевской последним партизанским отрядом Семилетова, он также был атакован значительными силами большевиков, отбил несколько атак и сам ходил в контр-атаку с песней "Смело мы в бой пойдем".

В силу настойчивого преследования партизан красными, на походе была произведена перегруппировка войск. На переправе через Гашун был оставлен заградительный отряд под командой полк. Мамантова - из его пешего отряда под командой полк. Шабанова, конный отряд Гнилорыбова, 2-я калмыцкая Платовская сотня и батарея Неживова. Отряд, прикрывая отход, выдержал сильный бой, понеся значительные потери, среди которых прапорщику Лапшину были отраваны ноги, а сотн. А.А.Пятницын тяжело ранен.

Авангард, заняв ст. Бурульскую, выдвинулся к станице Еркетинской. В Бурульской к главным силам партизан присоединилась бурульская калмыцкая сотня - около 150 человек.

26 марта главные силы партизан выступили на ст. Еркетинскую, выдвинув авангард к зимовнику Бакбушева. Арьергардные бои произошли у Бурульской.

На полпути к Еркетинской к партизанам подъехал разъезд казака Ромашкина с "летучкой" от полк. Растегаева из Н.Чирской, в которой сообщалось о восстании казаков 2-го Донского Округа и занятии ими Н. Чирской, об избрании его окружным атаманом. Полк. Растегаев просил Походного Атамана спешить на помощь восставшим, также как и материальной помощи. В тот же день ген. Попов отправил разъезд Ромашкина обратно, вместе с офицером для связи, которому была передана денежная помощь для восставших и была обещана помощь людьми и оружием.

Движение к Бурульской изменило всю обстановку: партизаны стали двигаться на юг, приближаясь к казачьим станицам. Ген. Попов считал, что было крайне важно задержаться в Бурульской, чтобы оказать давление на астраханские и ставропольские села, понудив их к выступлению против большевиков, но определенные сведения, что в придонских станицах началось движение против красных, заставили его спешить с движением вперед - в глубь Области.

27-го утром главные силы двинулись на Еркетинскую. По дороге ген. Попову было доставлено частное письмо от полк. А.И.Бояринова из Н.Курмоярской станицы, сообщавшее, что правобережные станицы "созрели" для восстаний и что партизанам необходимо спешить за Дон, чтобы "поднять их". Это письмо свидетельствовало о том, что сведения о движении партизан к Дону уже широко распространились и даже перебрались за Дон. Бояринов писал: "сознание необходимости освобождения от советской власти вполне созрело в станицах, но нет оружия, нет ядра, около которого казаки организовались бы. Нужна неотложная помощь, как в моральном, так и в материальном отношении." Становилось ясно, что нужно спешить к берегам Дона, чтобы раздуть первые искры в пламя пожара и ген. Попов решил из Еркетинской двигаться к Андреевской и там переправиться через р. Сал. К вечеру главные силы расположились в Еркетинской, арьергард остался в Бурульской, Чернушенко занял зимовник Бакбушева, а юнкера и Атаманский отряд заняли Андреевскую. Чтобы не была прервана связь между Еркетинской и Бурульской, что было возможно, т.к. появились крупные силы красных, между ними были посланы калмыцкие разъезды.

У самой Андреевской станицы протекает р. Сал, на которой не было никаких переправ. А у партизан был огромный обоз раненых и больных, интендантский, отрядные обозы и т.д. Начальником переправы был назна-

чен в.ст. К.А.Ленивов, а командиру инженерной сотни было приказано организовать техническую сторону переправы; при помощи казаков Андреевской станицы соорудил свыше десятка плотов на бочках. Андреевцы оказали большую помощь при переправе.

Переправа началась в 2 ч. дня 27-го и тянулась до позднего вечера 28-го. Арьергард Мамантова, из-за непрерывных атак красных и начатого ими обходного движения, оставил Бурульскую и к вечеру отошел в Еркетинскую. Т.к. он в течении 2-х дней был в непрерывных боях, то был сразу направлен к переправе в Андреевскую, а оборона Еркетинской и переправы была поручена Семилетову. Сначала для этого в его распоряжении был его отряд в составе 1-й пешей сотни в.ст. Ретивова, 2-й легкой сотни ес. Тащина, 1-й конной сотни ес. Галдина, 2-й конной сотни подьес. Зеленкова, конного взвода и остатков 3-й пешей сотни в.ст. Мартынова, батареи капитана Щукина и приданных двух калмыцких сотен 1-й полк. Абраменкова и 2-й в.ст. Кострюкова.

Некоторую задержку в переправе внес отряд Чернушенко, который 27-го утром ушел от зимовника Бакбушева и потребовал переправы вне очереди и, переправившись, направился к Дону. Уход Чернушенко потребовал переброски к зимовнику Бакбушева юнкеров ес. Слюсарева из Андреевской.

С переправой штаба Походного Атамана в Андреевскую стало известно во всех подробностях не только о восстании в Баклановской и других станицах, но и о том, что восставшие, 25 марта заняв Ремонтную, 26-го ее оставили и отошли на хутор Минаев, что 26-го же восставшие узнали о нахождении в ближайших калмыцких станицах партизан и было решено во что бы ни стало установить с ними связь и просить у них помощи. Однако до 28-го руководители восстания ничего в этом отношении не сделали и восставшие, после оставления Ремонтной, настояли перед своим командованием немедленно идти на соединение с партизанами и 27-го двинулись на юго-восток. В это время Ремонтная с востока была обстреляна отрядом Чернушенко, что остановило движение восставших и они установили связь с Чернушенко, остановившемся на ночлег в 12 верстах от станции на степном хуторе. Чернушенко, под предлогом спешности своего движения со специальной задачей от Походного Атамана, заявил, что не может оказать поддержки восставшим, но передал им 2 пулемета с командой своих партизан и значительное количество патронов.

Получив эти сведения, Походный Атаман приказал отряду полк. Каргальского с орудием ес. Кузнецова выступить на заре 28-го, чтобы помочь восставшим вновь занять Ремонтную, что и было выполнено - станция вновь была занята. Красная пехота с Ремонтной отошла на юрты Власовской станицы. А через некоторое время со стороны Котельникова и Царицына появились красные бронепоезда, а с юга полк красной кавалерии. Подтянулась и пехота с Власовских юртов. Среди восставших велась усиленная пропаганда против дальнейшей борьбы с большевиками, особую энергию в этом отношении проявлял сотн. Бояринов. В результате часть восставших ушла в свои станицы, а большинство оставшихся вновь оставили Ремонтную и сосредоточились на хуторе Минаеве.

Партизаны вернулись в Андреевскую. Обстановка менялась ежеминутно и штаб Походного Атамана в зависимости от этого принимал необходимые и выполнимые для него меры.

28-го, когда уже ушла помощь к Ремонтной, Походный Атаман получил записку от начальника восставших ес. Андрианова с просьбой оказать помощь, а через некоторое время получил записку такого же содержания из района ст. Котельниково от полк. Бородин.

Все это дает известные указания в вопросе дальнейшего движения

к Дону и ген. Попов намечает "резать" ж.д. линию между Котельниково и Ремонтная, на переезде южнее станции Семичной.

В Андреевской к Походному Атаману приезжали представители II восставших станиц, заявивших, что они признают в его лице верховную Войсковую власть.

Когда в ночь на 29 марта партизаны вернулись с Ремонтной в Андреевскую и полк. Каргальский доложил о положении и настроении восставших, ген. Попов, считая, что положение поправимо, приказал Назарову на заре 29-го с его отрядом и батареей Неживова отправиться на хутор Минаев и помочь восставшим восстановить положение - занять Ремонтную. Однако, как увидим ниже, Назаров приказания не выполнил.

28-го с раннего утра группа Семилетова вела упорный бой за Еркетинскую и оставив станицу к 12 ч., заняла позицию в 3-х верстах от Андреевской. Здесь к ней присоединился отряд юнкеров, оставивших зимовник Бакбушева. Тут же была ему придана Штаб-Офицерская дружина Базавова. Батарея кап. Шуккина, переправившись через Сал под прикрытием батареи Неживова, заняла рядом с ней огневую позицию на станичном кладбище. Примерно до 2-х ч. дня, когда закончилась переправа обозов, Семилетов отбивал все атаки красных, а затем стал постепенно выводить из боя подчиненные ему части, переправляя их через Сал в Андреевскую. Последними, до сумерок, оставались калмыцкие сотни Абраменкова и Кострюкова и юнкера Слюсарева, неоднократно ходившие в атаку. Происходили горячие схватки. Последней атакой отогнав красных на пару верст от переправы, под прикрытием ураганного огня 4-х партизанских орудий, они переправились вплавь.

Красные отошли в Еркетинскую и ... исчезли.

По позднейшим сведениям, начиная от Граббевской, партизан преследовала сводная группа красных свыше 6000 человек, имея два конных казачьих полка полного боевого состава. Эта масса могла партизан просто "раздавить", но по тем же сведениям начальником штаба этой группы "по мобилизации" был казак ес. С. Он то все время "сдерживал боевой порыв" красных и тем противодействовал разгрому партизан.

В итоге, в ночь на 29-е все партизанские силы сосредоточились в Андреевской.

А в Черкасском Округе шли свои события. 28 марта большевики отправили в Кривянскую грузовик с матросами. Кривянцы их перебили. 29-го Кривянская, с нарочными отправляет эстафету в станицы Заплавскую, Бесергеновскую, Мелеховскую, Раздорскую и Богаевскую: "27 марта, вечером, красная гвардия вошла в Новочеркасск. Режет и убивает мирных жителей. Станица Кривянская восстала. Начальником отряда избран Фетисов, помощником Говоров. Мобилизация 20 годов."

29-го же марта Богаевская приглашает представителей станиц, участвовавших на съезде 18 марта, на свой станичный сбор. Собрались представители II станиц. К этому времени Богаевская уже выслала подкрепление в Кривянскую и это в полном единении с иногородними станицы. На этом импровизированном съезде был кликнут клич "К оружию" и создан "Комитет Общественного Спасения" и вынесено постановление о необходимости "беспощадной борьбы с советской властью за освобождение Дона и организации краевой власти".

В Андреевской же, 29 марта к партизанам присоединилась станичная дружина. Половину ее, для "психологической поддержки", ген. Попов отправил в распоряжение ес. Андрианова, а половину полк. Бородину.

Решая из Андреевской двигаться к Дону, Походный Атаман был намерен, перерезав ж.д., остановиться на 1-2 дня на хуторе Королеве и на Верхне-Яблочном, откуда, при нужде, легко было помочь и Андрианову, на

ст. Ремонтная, и Бородину к ст. Котельниково. Чтобы помочь Андрианову и обеспечить переход партизан через ж.д., ген. Попов приказал юнкерскому отряду Слюсарева с наступлением темноты 29 марта совершить набег на ст. Семичная для взрыва полотна ж.д., а 2-й конной сотне Семилетова - взорвать полотно ж.д. на высоте хут. Королева.

Из Андреевской партизаны выступили в ночь на 30 марта и рано утром Семилетовский отряд расположился на хуторе В.Яблочном, а остальные отряды на хуторе Королева. Около 8 ч. утра со станции Котельниково появился красный бронепоезд, но был отогнан онем партизанских орудий. В хуторе Королевым из отряда Мамантова был выведен отряд полк. Яковлева и пополненный остатками отряда Чернушенко, снабженный небольшим количеством винтовок для станичных дружин был отправлен к ст. Котельниково, на помощь полк. Бородину. Был и другой "отлив": ушла часть партизан отряда Назарова и единицы из других отрядов по своим станицам.

30 марта в Королев приезжали полк. Бородин и ес. Андрианов, доложившие Походному Атаману, что казаки их станичных дружин митингуют, бросая позиции, уходят в свои станицы и что никакие убеждения начальников на них не действуют. При этой встрече выяснилось, что отряд Назарова не помог дружинам ес. Андрианова. Назаров этот факт объяснил усталостью отряда, желанием его партизан скорее попасть в свои станицы за Дон и т.д., но обещал выступить "сейчас же". В то время применять "крутые" меры не всегда было разумно и ген. Попов, сказав Назарову, что вместо него послан другой отряд, просил его не "беспокоиться". А ес. Андрианову обещал прислать семилетовцев. И действительно, рано утром 31 марта в хутор Минаев были отправлены под командой ес. Балихина 2-я конная и 1-я пешая сотни Семилетовского отряда, калмыцкая сотня ес. Аврамова и батарея Неживова. Но оказалось, что уже поздно - дружины таяли не по дням а по часам. Не помогали ни увещания начальников ни предупреждения Походного Атамана, что своим распылением дружины приведут в свои станицы красных и навлекут на свои дома и семьи весь ужас их злобы и произвола. При отъезде Бородина и Андрианова, ген. Попов благодарил казаков за их выступление от имени Войска, его лично и партизан, подчеркнув, что казаки своим выступлением в некоторой степени облегчили переправу партизан через Сал, "сковав" красных на ж.д. одним своим присутствием.

31 марта, когда группа кап. Балихина выступила на хутор Минаев, к Походному Атаману прискакал гонец ес. Андрианова, сообщивший, что его отряд уже рассыпался и могущие прибыть в Минаев партизаны полевые не исправят.

К этому времени вернулись из командировки в Черкасский и 1-й Донской Округа агенты Особого Отделения студент К. и вахмистр Иванов, сообщившие, что эти Округа на границе восстания и там все упования на партизан. К этому времени все партизанские силы были сосредоточены на хуторе Кривом, куда из станичной почты Нижне Курмоярской сообщили о начавшихся восстаниях в районе станиц В. и Н. Кундрюческих и Екатерининской, и что зреют восстания в Донецком Округе. А после обеда на моторной лодке прибыли гонцы из станицы Богаевской от сотн. Кузнецова - подъес. Бардышев и ст.ур. Цыпкин, с сообщением о положении в Черкасском Округе и с просьбой спешить с партизанами. Ген. Попов командует туда вместе с возвращающимися гонцами, для организационной работы, полк. Ляхова и полк. Монакина и агента Особого Отделения хор. А. Получив от полк. Бородина записку, рисующую развал его дружины в таких же мрачных красках как и ес. Андрианов, Походный Атаман приказал полк. Яковлеву и кап. Балихину идти на соединение с

партизанами в хутор Кривой. Когда к нему в хутор Кривой приезжали от ес. Андрианова с вопросом - что ж им теперь делать, ген. Попову ничего не оставалось как ответить: "Сами начинали - сами кончайте" и предложить Андрианову и Бородину с остатками их дружин уходить вслед за партизанами на правую сторону Дона.

И.Степной в журнале "Донская Волна" в очерке "Баклановцы", описывая восстания ее района пишет, что "прекрасно начатое дело борьбы с большевиками (в этом районе - А.П.) умирало... Пали духом станичники" и "ехали они по домам" и там собирались на сход обсудить вопрос - как выйти с честью из создавшегося положения, выхода не было, и отдал сход приказ - "винтовки зарыть в землю", но что "все сознательно мыслящие, не желавшие гнуть шею под ярмом большевизма, оставляли родные станицы, кров, семью и ... шли на правый берег Дона, чтобы там с винтовкою в руках стать на защиту казачьей воли".

Действительно, с партизанами ушло немало казаков Баклановского района и почти все офицеры. Из них были сформированы дружины, принявшие участие в борьбе с красными в Черкасском Округе, в частности под командой ес. Ф.В.Перфилова. 18 апреля 100 человек их принимало участие в карательной экспедиции в ст. Семикаракорскую на пароходе "Вольный Казак". Часть их ушла к восставшим казакам района Н.Чирской станицы.

1 апреля рано утром была начата переправа на правый берег Дона в станицу Н.Курмоярскую. Она производилась на пароме и лодках, днем и ночью и закончилась к полудню 2 апреля. Штаб переправился на одном из первых паромов. Первое, что доложили в станице Походному Атаману, это было сообщение с местной почты, что в Донецком Округе в районе Гундоровской действует против большевиков партизанский отряд ес. Сухаревского, что Гундоровская для самозащиты от красных организовала отряд под командой ес. Рытикова, что в районе Бело-Калитвенской станицы началось движение под руководством полк. Быкадорова, а в районе Екатерининской станицы под командой в.ст. Старикова и ес. Позднышева.

2 апреля был отдан приказ о расформировании "Орда Вольных Донских Казаков".

Из отдельных партизанских отрядов был сформирован "экспедиционный" отряд под командой полк. Мамантова, в который вошли отряды Мамантова, Гнилорыбова, Каргальского и два орудия. К его штабу был прикомандирован ес. Сутулов с задачей произвести разведку в Усть-Медведицком и Хоперских Округах и поднимать там восстания. Зведения из этих округов в штабе Походного Атамана были весьма скудны. Отряд Мамантова из Н.Курмоярской выступил в Н.Чирскую 4 апреля.

Две калмыцкие сотни были оставлены отдельными сотнями: одна как конвой штаба Походного Атамана, а вторая в распоряжении ген. И.Д.Попова, назначенного командующим войсками I-го Донского Округа. Остальные калмыцкие сотни были сведены в калмыцкий полк под командой в.ст. Суворова, а после его ранения полк принял ес. Н.П.Слюсарев. Отряд Назарова был расформирован и его партизаны влиты в другие отряды. Штаб-Офицерская дружина также была расформирована, члены ее оставались в распоряжении штаба Походного Атамана и предназначались для станичных формирований. Инженерная сотня превратилась в управление инженерной части штаба Походного Атамана. Другие партизанские отряды были влиты в Семилетовский отряд. Отряд Хорошилова (малолетние кадеты) был расформирован, дети сначала были переданы на попечение Цымлянкой станицы, потом на попечение окружного управления I-го Донского Округа, а оттуда затем отправлены в Новочеркасск. Все раненые были переданы сначала в Цымлянскую больницу, потом перевезены в Константиновскую.

Позднее, по донесениям ес. Сутулова и агентов Особого Отделения,

в Усть-Медведицком Округе антибольшевицкое движение началось в конце марта: старогригорьевцы еще 28 марта послали свою делегацию во главе с Кременсковым в Н.Чирскую, чтобы выяснить "что к чему", а 8 апреля вместе с соседними станицами постановили "присоединиться к восставшим против советской власти и мобилизовать станицы". Начальниками районов обороны были избраны подьес. Каласков и сотн. Седов, командование отрядами поручено хор. Федорову и прапор. Маринину. Примерно в это же время начальниками обороны станиц Трех-Островянской и Сиротинской был выбран в.ст. Иванов. Тоже в конце марта в Усть-Хоперской по инициативе сотн. Веденина образовался "Совет Вольных Станиц и Хуторов". В районе Усть-Медведицкой были созданы партизанские отряды ес. Алексеева и сотн. Долгова. Формально восстание в Усть-Медведицком Округе произошло с 28 на 29 апреля, когда усть-хоперцы под общим руководством в.ст. Голубинцева с боем заняли Усть-Медведицкую, а к ним присоединились станицы Ново-Александровская, Распопинская и Клетская.

В Хоперском Округе уже с 31 марта действуют партизанские отряды Дудакова Урюпинской станицы и ес. Сонины Зотовской ст., которые 1 апреля на один день заняли Урюпинскую. По ее оставлению, оба отряда объединились в Зотовско-Урюпинский отряд во главе с ес. Кривовым при начальнике штаба ес. Моргунове. Узнав обо всем этом, Походный Атаман для связи, инструктирования, с агитационной литературой и своими приказами отправляет ес. А. в Усть-Медведицкий Округ и ес. Чувашина в Хоперский.

В Н.Курмоярской Походный Атаман получил дополнительные сведения, что 20 марта большевики потребовали от Гундоровской выдачи дружины Сухаревского, офицеров и оружия, послали туда карательную экспедицию, часть которой была гундоровцами уничтожена, а другая взята в плен. Туда был командирован ес. Х., от которого позже стало известно, что 14 апреля красные большими силами повели наступление на Гундоровскую, которая, мобилизовав в станице и хуторах всех казаков до 70 лет, под командой полк. Гусельщикова разбила большевиков. 15 апреля они бросили на станицу новые силы под командой Щаденко, но тоже были разбиты. Гундоровцы, ожидая новых наступлений красных, послали свою делегацию в г. Луганск и нашли там немцев, которые обещали свою помощь. Однако, гундоровцы принуждены были отойти на левый берег Донца, где митякинцы тоже вступили в борьбу с большевиками. Здесь казаки вместе с немцами 19 апреля разбили красных на голову. Полк. Гусельщиков Походным Атаманом был назначен н-ком обороны Гундоровско-Митякинского района.

5 апреля в Н.Курмоярскую приезжал хор. Х., гонец подьес. Дрынкина, атамана Мигулинской станицы, чтобы узнать положение дел в 1-м и 2-м Донских Округах, сообщивший, что на 17 апреля созывается станичный сбор с участием хуторов, т.к. в станице зародилась мысль "отмежеваться" от станицы Каменской, объявить войну большевикам. Ген. Попов командует туда полк. Алферова.

16 апреля Тираспольский отряд 1-й Социалистической армии выгрузился на станции Шептуховка, чтобы походным порядком идти в Воронежскую губ. 17 апреля он остановился на ночлег в хуторе Сетракове. Мигулинцы быстро мобилизовались (до 50 лет), захватили большевиков врасплох, забрали всю артиллерию, а красногвардейцев прогнали на север. 20 апреля в Мигулинской состоялся съезд, на котором полк. Алферов был избран окружным атаманом и командующим войсками Округа.

Полк. Добрынин в своем труде справедливо отмечает, что Походный Атаман, "войдя в связь с восставшими, берет в свои руки всю

гражданскую и военную власть, причем все его мероприятия направлены к тому, чтобы дать организацию стихийному движению, т.е. сделать то, чего до сих пор не хватало."

Так 2 апреля он отдает приказ с целью расширить районы восстаний вниз по Дону, об общей мобилизации и создании районов обороны, из 4-5 станиц, чтобы каждый район мог составить отряды в 1200-1500 человек, способных для самостоятельных оборонительных и наступательных операций и достаточно подвижных для переброски в соседние районы на случай совместных действий. Назначает туда начальников обороны и офицерские кадры. В зависимости от обстановки на местах, в некоторых районах он оставляет для большей устойчивости и как ядро для формирования, партизанские отряды. Так в Н. Курмоярской была оставлена такая группа под командой полк. Антонова.

5 апреля в Н. Курмоярской ген. Попов созвал совещание членов Круга всех созывов для обсуждения вопроса об его созыве. Присутствовало до 100 человек, большинство считало, что Круг нужно созвать в Новочеркасске. Здесь впервые предстоящий Круг был назван "Кругом спасения Дона". Совещание признало единогласно за Походным Атаманом временную верховную власть, как законного заместителя Войскового Атамана Назарова.

За время пребывания партизан в Н. Курмоярской 3 апреля 2-я конная семилетовская сотня ес. Зеленкова захватила вблизи станицы пароход "Венера", шедший из Ростова в Калач, на котором было захвачено до 200 красногвардейцев. 4 апреля 1-я конная сотня ес. Галдина и 2-я пешая сотня ес. Тацина, совершив набег с одним орудием кап. Шуккина на ст. Нагавскую, разбила там красный отряд под командой сотн. Бояринова, захватив два орудия, но и партизаны понесли значительные потери.

4 апреля, получив дополнительные сведения о том, что в районе В. и Н. Кундрюческих и Екатерининской станиц действуют повстанческие отряды полк. Быкадорова и в.ст. Старикова, ген. Попов командует туда для связи сотн. Кузнецова, назначив полк. Быкадорова командующим войсками, а в.ст. Старикова начальником обороны. Позднее, в Цымлянскую оттуда для связи со штабом Походного Атамана приезжал ес. Поздышев.

18 апреля войска полк. Быкадорова, разбив красных у станции Тацино, захватили богатую добычу: около 5000 снарядов, пулеметы, винтовки и до 2-х миллионов патронов. А войсками в.ст. Старикова, на одном из хуторов Екатерининской станицы, были захвачены остатки 27-го Донского казачьего революционного полка, во главе с командиром полк. Седовым, который после доставки его в Константиновскую станицу умер от разрыва сердца.

Еще 1 апреля в Константиновской начались заседания Окружного Съезда Советов, на котором должен был рассматриваться и вопрос отношения к советской власти. Чтобы он принял решение в нужном смысле, Походный Атаман отправил туда 2 апреля ген. И.Д. Попова с его калмыцкой сотней. Ген. И.Д. Попов явился на заседание съезда в полной генеральской форме, при орденах, в сопровождении двух калмыков, георгиевских кавалеров. Через полчаса Съезд был переименован в окружной круг, а ген. И.Д. Попов избран окружным атаманом. Круг постановил выступить активно против советской власти и приступить к организации дружин для борьбы с ней. Походный Атаман был признан единственным законным главою Войска, в руках которого должна находиться вся военная и гражданская власть.

3 апреля утром штаб Походного Атамана получил сведения, что Новочеркасск занят восставшими казаками Черкасского Округа. Радости

не было конца и ниже-курмоярцы широко угощали партизан "заветными" бутылками вина. Но она была омрачена 6 апреля, когда Походным Атаманом были получены в ст. Цымлянской первые сведения об оставлении столицы Дона и 6-го же появились и первые беженцы оттуда.

В Черкасском Округе за это время произошли следующие события. 31 марта Кривянская станица при поддержке Раздорской, Заплавской, Бесергеновской, Мелеховской и Богаевской, под общим командованием в ст. Фетисова, на рассвете 1-го апреля заняла Новочеркасск. В это время в станице Манычской, под руководством М.В. Кузнецова происходил окружной съезд станиц Черкасского Округа, который происходил под тем же настроением, что и в Богаевской 29 марта. Председателем Съезда был Ф.И. Бабкин. Как и на съездах 18 и 29 марта, лишних слов сказано не было - царило сознание важности момента, было не до трескучих фраз. Съезд объявил себя временно верховной властью Черкасского Округа и выделил районный штаб обороны, объявил беспощадную борьбу с советской властью. До организации Войсковой власти признал за Походным Атаманом, как за временным заместителем Войскового Атамана, всю верховную, как военную так и гражданскую власть. Разъехались делегаты по своим станицам проникнутые единодушием и с радостной вестью, полученной во время заседания, что Новочеркасск в руках казаков. Эта весть окрылила всех надеждой на успех, это была уже не заря возрождающегося казачества, а солнце брызнуло своими лучами и разбудило донских казаков от короткого, но тяжелого сна.

Из Ростова, в предвидении Манычского съезда, комиссары послали карательную экспедицию на тральщике "Св. Николай", дабы не допустить съезд, но манычские казаки "атаковали" тральщик и он вернулся в Ростов, не выполнив своей задачи.

Задонские станицы (Кагальницкая, Хомутовская и др.) в это время тоже вели борьбу с красными под руководством ген. Семенова.

Накануне Манычского съезда, подпольная организация Аксайской станицы, руководимая ст. ур. Зацепиным, оставленным в Новочеркасске 12 февраля Особым Отделением, командировала его на Кубань, на поиск Добровольческой Армии. По дороге он прихватил делегатов от задонских станиц, тоже искавших помощи в борьбе с большевиками. По дороге на Кубань они встретили разъезд Добровольческой Армии полк. Барцевича, который проводил их в штаб ген. Деникина в станицу Успенскую Кубанского Войска. Это решило вопрос о дальнейшем движении Добровольцев.

Как Походный Атаман в Новочеркасске, так и ген. Корнилов и ген. Алексеев в Ростове оставили секретных агентов для подпольной антибольшевицкой работы. Во главе ее, в Ростове, стоял И.А. Добрынский, которому удалось организовать значительную офицерскую группу, которая поддерживала связь с Добровольческой Армией через пор. Колю Х., оставшегося в Ростове раненым и донскую казачку Валю Гайдукову, а главное через капитана Натуса - н-ка команды связи Корниловского полка, который установил связь ген. Корнилова с Ростовым еще в начале марта.

Параллельно с Добрынским, в Ростове работали студенты казаки, оставленные в Новочеркасске Походным Атаманом - Свистунов и Коротков - бывшие членами ростовской студенческой казачьей организации. Им удалось создать в Ростове подпольную казачью организацию из учащейся молодежи, в которую вошло много и не-казачков, и привлечь на свою сторону Союз Увеченных Воинов, городскую милицию и казаков Гниловской и Александровской станиц. Все это, по мысли руководителей, могло выступить в любой момент. Но время выступления мог назначить только Добрынский по соглашению "со своим штабом", как глава военной офицерской организации. Однако, когда восставшие казаки 1 апреля заняли Новочер-

касск и подходили к Ростову, он не только не отдал соответствующие распоряжения, но и удержал "казачий центр" от выступления.

После занятия Новочеркаска 1 апреля, там около 11 ч. ночи по инициативе группы "политиканствующих" офицеров во главе с ес. Яновым был образован, как временная краевая власть, "Совет Оборона", в который уже потом был включен Манычский "штаб обороны".

Войска восставших казаков в Новочеркасске пополнялись очень слабо. Офицеры шли неохотно на командные должности, а те, кто присоединились, в большинстве пошли рядовыми под команду урядников и вахмистров.

Восставшие пытались освободить увезенного в Ростов М.П.Богаевского и подошли к Нахичевани. Большевики бросили против них все, что могли, даже членов Донского Съезда Советов. Представитель Походного Атамана полк. Ляхов и Монакин, приехавшие в Новочеркасск поздно вечером 2 апреля, видя, что восстание уже началось без них, не стали "мешать" тем, кто начал его, хотя и видели, что в Новочеркасске шла уже борьба за верховную власть. В.ст. Фетисов избранный казаками, "Советом Оборона", был заменен ген. К.С.Поляковым с присвоением титула "Командующего Донской Армией", а его начальником штаба был приглашен полк. С.В.Денисов, проживавший в станице Богаевской. В такой обстановке руководство боевыми операциями восставших и вообще организация всего дела, в силу разных обстоятельств, были не на высоте. В частности для поддержки духа казаков не велось никакой пропаганды. Характерной особенностью было колебание настроений, как это было в Баклановском районе: от подъема к упадку и обратно. Многие представители восставших станиц допускали, что при таких обстоятельствах, Новочеркасск может быть оставлен и настаивали на необходимости заранее вывезти из города запасы золота, снарядов, патронов и пр., но им всегда отвечали, что об этом своевременно позаботится штаб.

В результате ряда причин казаки от Нахичевани отошли к Новочеркасску, а 4 апреля и он был ими оставлен с такой поспешностью и неорганизованностью, что ничего не было вывезено, даже деньги. "Совет Оборона" вывез всего 25 рублей. А в Заплавской станицы, чтобы подбодрить казаков, им говорили: "Походный Атаман везет золото, пушки, снаряды и патроны".

Остатки "Донской Армии" сосредоточились в станице Заплавской, где началась их реорганизация.

К этому времени и командованию "Армией" и "Совету Оборона" было известно, что партизанская "армия" Походного Атамана сосредоточена в Н.Курмоярской и что Манычский Съезд станиц Черкасского Округа признал в лице Походного Атамана верховную власть в Войске, как военную, так и гражданскую. Однако "Совет Оборона" созданный в Новочеркасске после Манычского Съезда, с "благословения командования "Армии", чтобы вырвать власть у Походного Атамана ген. П.Х.Попова путем образования Временного Донского Правительства, 8 апреля объявил себя таковым, но в то же время продолжая рассматривать партизан Походного Атамана как "допинг" для восставших казаков.

Во время стоянки партизан в Н.Курмоярской было замечено как характерное явление массовое передвижение со стороны Ростова, вверх по Дону, подозрительных групп и отдельных лиц красногвардейского типа, на всякого рода моторных лодках, также как и эшелонов по ж.д. на Царицын из Торговой. Опрос задержанных или пленных красногвардейцев показал, что в Ростове советские власти встревожены не на шутку, т.к. казачье освободительное движение разрасталось с каждым днем все шире, а с другой - какая то сила начала давить извне. Этой силой были немцы.

Станица Н.Курмоярская в истории Степного Похода, как и вообще в истории первых дней антибольшевизмского движения на Дону, была тем пунктом, откуда Походный Атаман начал планомерную организацию борьбы в Войсковом масштабе. Здесь, в его штабе, было положено начало плана формирования постоянной "молодой" Донской Армии. Закончен он был в ст. Константиновской и Раздорской и полностью был принят и приведен в жизнь Атаманом Красновым.

С вечера 4 преля партизаны, частью баржами и пароходами, частью походным порядком, покинули Н.Курмоярскую. Несколько задержались в Цымлянкой, где еще не прошел дух советского засилия и местный совет обороны, образовавшийся по приказу Походного Атамана, занимал несколько странную позицию. Но чутко прислушивался - что скажет окружной съезд в Константиновской. Ген. П.Х.Попов не раз выступал и на станичном сборе, и на общем собрании и в местном Совете Обороны. Отметим, что при выступлении из Н.Курмоярской Походный Атаман приказал всем чинам Особого Отделения следовать походным порядком, чтобы по пути вести пропаганду.

В Цымлянкой был захвачен пароход "Пустовойтов", переименованный в "Вольный Казак", который явился основоположником Донской военной Флотилии.

При следовании партизанской флотилии вниз по Дону, население прибрежных станиц высыпало на берега Дона и ветствовало партизан и Походного Атамана криками "Ура!". В некоторых местах "Вольный Казак", на котором находился Походный Атаман, подходил к берегу и тогда ген. Попов произносил краткие речи и принимал хлеб-соль. Движение партизан от Н.Курмоярской до Раздорской было сплошным триумфальным шествием.

8 апреля партизаны рано утром прибыли в Константиновскую. Здесь начинается новая фаза борьбы Дона с большевиками и новая организационная деятельность ген. П.Х.Попова. Здесь и в станице Раздорской все силы восставших казаков и партизан получают новую организацию. Создаются с подчинением штабу Походного Атамана отдельные группы войск: Задонская, ген. Семенова, район действия - ст. Мечетинская-Кагальницкая, со штабом в Егорлыцкой; Южная, полк. Денисова, район действия - против Новочеркаска, со штабом в Заплавской; Северная, полк. Семилетова, - против Александровск-Грушевск, со штабом в Раздорской. Кроме того другие группы: Верхне-Донского Округа, полк. Алферова, район действия - весь В.Д. Округ, со штабом в Мигулинской; 2-го Донского Округа, полк. Мамантова, район действия - весь 2-й Округ, со штабом в Н.Чирской; 1-го Донского Округа, ген. И.Д.Попова, район действия - весь Округ, со штабом в Константиновской. Отдельные отряды: Донецкий, полк. Быкадорова, со штабом в ст. Екатерининской, с районом действия Лихая-Усть-Бело-Калитвенская; Гундоровский, полк. Гусельщикова, со штабом в Гундоровской, район действия - Митякинская - Луганская; Хоперский, ес. Кривова, со штабом в Зотовской, район действия - в сторону Урюпинской; Усть-Медведицкий, в ст. Голубинцева, со штабом в Усть-Медведицкой, район действия - весь Округ. Было создано также около десятка районов обороны. Позже, число их и их отрядов увеличилось, в частности когда в 20-х числах апреля произошло восстание против большевиков крестьян хутора Сулина и казачьего хутора Сулинско-Кундрюческого. Начальником этой группы был назначен шт.кап. Сычев, со штабом в ст. Владимирской. Все эти силы так или иначе были связаны со штабом Походного Атамана и действовали до 5 мая по его указаниям, а в зависимости от военного положения меняли не только места стоянок, но и районы действий. Так Донецкий отряд полк. Быкадорова с 1 мая действовал уже в Задонском районе, совместно с войсками этого района.

В Константиновской партизан поразило, и вызвало недоумение, отношение к казачьим восстаниям ген. Краснова, проживавшего в станице под немецкой фамилией. Когда к нему 2 апреля явилась депутация от казаков Константиновской, Раздорской станиц и 9-го полка, во главе с офицером 10-го полка, бывшим Войсковым Есаулом Сиволобовым, с просьбой принять на себя руководство восставшими казаками 1-го Донского Округа, имея ввиду объединить вокруг него все казачье антибольшевическое движение, ген. Краснов принял ее крайне грубо и на обращенную к нему просьбу ответил: "Я казакам не верю и никакого дела с ними иметь не желаю." И вообще в этот тяжелый, критический период жизни Дона, ген. Краснов не проявил никакого желания участвовать в неблагодарной черной работе и рисковать ответственностью за возможные неудачи с поднятием казаками восстаний. При попытке Походного Атамана иметь встречу с ген. Красновым для обсуждения вопросов борьбы с большевиками для освобождения Дона, ген. Краснов, как говорили, считая себя бывшим командующим армией последних дней Временного Правительства, считает себя старше Походного Атамана и находил недопустимым первому делать визит к Походному Атаману.

Когда 10 апреля в Константиновскую к Походному Атаману приезжала делегация из Заплавской станицы от штаба "Донской Армии" и от "Вр. Донского Правительства", то председатель правительства Г. Янов и начальник оперативного отделения Армии И. Поляков, раньше чем видеть Походного Атамана, "навестили" ген. Краснова. О чем у них была речь - неизвестно, но потом говорили, что они тоже предлагали ген. Краснову стать во главе казачьего движения и что он, по тем же мотивам, что и делегации Сиволобова, тоже отказал.

В Константиновской отдал себя в распоряжение Походного Атамана 9-й Донской казачий полк, часть 2-го Донского казачьего полка и Константиновский партизанский отряд ес. Дмитриева. Казаки 2-го полка были влиты в 9-й, что дало 6-тысячный полк полного боевого состава при 20 пулеметах. Его командиром был назначен ес. Климов. Этот полк и отряд Дмитриева были включены в группу полк. Семилетова.

В Константиновской же ген. Попов посещал заседания окружного круга, чтобы выяснить его настроение, и сообщить ему свое мнение о проведении определенных воззрений через делегатов круга в станицы. С помощью круга им был принят ряд мер по обеспечению Новочеркасска и Ростова хлебом и мясом после их освобождения, по созданию баз для довольствия казачьей армии. Для этого, по его совету кругом были выделены специальные комиссии, а он включил туда специалистов. Сюда, в Константиновскую, шло прямо паломничество делегаций из станиц почти всего Войска. Отсюда была установлена связь со станицами, расположенными у ж.д. Лихая-Царицын и со станицами Донецкого Округа, и здесь же было принято ряд важных решений.

Особым Отделением штаба Походного Атамана было разослано во все Округа, по станицам и хуторам, воззвание в.ст. Фетисова "К Великому Донскому Казачьему Войску" и приказ-обращение Походного Атамана к донцам с призывом к восстаниям против советской власти. Не боясь уронить своего "престижа", Походный Атаман приказал первым разослать обращение Фетисова, а потом свой приказ-обращение.

В Константиновской делегация "Вр. Донского Правительства" и штаба "Донской Армии", Г. Янов и И. Поляков, добивались признания этого правительства до созыва Круга за верховную власть на Дону; признания права за Заплавской группой именоваться "Донской Армией", настаивали на том, чтобы ген. Попов оставался бы Походным Атаманом "овоих" партизан и чтобы он вел организационную работу повстанческого движения в

других Округах, а "Донской Армии", по праву ее "первородства" предоставил Черкасский Округ, со всеми выходящими отсюда последствиями. Но ген. Попов ясно и определенно ответил, что он Походный Атаман всех вооруженных сил Дона и что после гибели Войскового Атамана Назарова он является его заместителем - Верховной властью на Дону, впредь до разрешения этого вопроса Войсковым Кругом. Ему не нужно никакого Вр. Правительства с правами верховной власти, но он готов работать с любой общественной организацией, независимо от ее названия, для освобождения Дона от большевиков. Он готов работать "руку в руку" с Вр. Донским Правительством, но не как с верховной властью, а как с общественной организацией по вопросам продовольствия, созыва Круга, по поднятию казаков на борьбу с большевиками и т.д., но что о всех своих мероприятиях Вр. Донское Правительство должно ему докладывать заранее. Член делегации А.М.Горчуков считал, что точка зрения Походного Атамана "законна и логична", но Г.Янов и И.Поляков "по праву первых начавших борьбу" настаивали на своих требованиях. Вопрос остался открытым и делегация вернулась в станицу Заплавскую.

В константиновской был захвачен пароход "Москва", на нем помещился штаб Походного Атамана. 9 апреля, погрузив на его борты и на баржи все, что можно, в 9 ч. теплого, весеннего, солнечного утра, когда могучий Тихий Дон величаво катил свои мутные воды по широкой долине, украшенная русскими национальными флагами партизанская флотилия, вытянувшись в кильватерную колонну, производя чарующее и грозное впечатление, торжественно, под крики "ура" партизан и провожающих, поплыла вниз по течению. Почти около каждой станицы, по какому то таинственному сигналу, разносился вдоль по Дону колокольный звон из прибрежных селений и народ сбегался к берегу. "Флотилия" замедляла свой ход, чтобы Походный Атаман ген. П.Х.Попов мог принять депутации с приветствием и хлеб-солью. У всех праздничное настроение, все ликовало, хотя были последние дни Великого Поста.

10 апреля флотилия подошла к Раздорской. Все ее жители, и стар и млад, бросились к пристани. Флотилия замедляет ход. Громовое "ура" и на судах и на берегу. "Москва" плавно отделяется и идет к пристани. Из толпы встречающих выделяется депутация станицы, образуя круг для приветствия Походного Атамана. В центре ее - атаман станицы, по бокам - старики-депутаты с традиционной хлеб-солью. Как только бросили мостки, Походный Атаман, в форме, при оружии, быстрым шагом идет к депутации. Станичный атаман говорит краткое приветствие, старики подносят хлеб-соль. Дети, девочки, подносят цветы. Минута торжественная. В этот момент перед ген. Поповым бросается на колени член Назаровского Круга Макаров, много сделавший, чтобы Круг 12 февраля остался бы в Новочеркасске, и просит Походного Атамана простить ему все зло, которое он причинил делу борьбы с большевиками. "Бог вам судья, кто старое вспомнит - тому глаз вон" - отвечает ген. Попов.

Через час началась разгрузка партизан, артиллерии, обозов.

Конные части также триумфально шли походным порядком до Раздорской; особенно теплый прием им был в станице Богаевской.

С прибытием партизан, станица Раздорская превратилась в военный лагерь. Начали подходить и мобилизованные дружины соседних хуторов и станиц. Шла большая работа по организации частей, налаживался вопрос об их снабжении и т.д. А одновременно в штабе Походного Атамана спешно заканчивался план создания постоянной Донской Армии ("молодой"), которая смогла бы сменить на фронтах станичные дружины, а по очищению Дона от красных - создать надежную охрану его границ.

11 апреля Вр. Донское Правительство издало приказ № 3, в кото-

ром говорилось, что "после тяжелого похода, в станицу Раздорскую прибыл во главе своего отряда Походный Атаман; что Вр. Донское Правительство, в полном единении с доблестным командованием Донской Армии, решило для пользы дела и успешности борьбы передать высшее командование и полноту военной власти Походному Атаману; что Вр. Донское Правительство, избранное и облеченное доверием восставших казаков, оставляет за собой, до созыва Круга Спасения Дона, всю полноту гражданской власти и высший контроль по всем вопросам связанными с успешностью борьбы с большевиками; что Круг Спасения Дона должен быть созван немедленно по освобождению столицы Дона от большевиков; что Вр. Донское Правительство приступило к предварительной работе по созыву Круга; что о порядке выборов и дне созыва, Вр. Донское Правительство известит станицы, хутора, полки и дружины." Приказ этот был доставлен Походному Атаману в тот же день частным лицом, с сообщением, что он широко распространяется не только в войсках Заплавской группы и населении этого района, но послан и в другие станицы и хутора. Приказ этот, как и его распространение без ведома Походного Атамана, вызвало у него горечь и раздражение. Старшие чины штаба, полагая, что издан он был не без согласия командования Заплавской группы, рекомендовали Походному Атаману немедленное его смещение и роспуск Вр. Донского Правительства, указывая, что такая мера будет одобрена всеми командующими других групп. Но Походный Атаман, в интересах борьбы с красными, не нашел возможным принять такие меры, но в тот же день, не объясняя мотивов, вызвал в Раздорскую ген. К.С.Полякова и полк. Денисова.

Вр. Донское Правительство, видимо не зная, что приказ № 3 уже известен Походному Атаману, послало его ему с "командующим Донской Армией", и вместе с тем просило ген. Попова "при возможных переменах в командном составе, оставить на ответственных постах ген. Полякова и полк. Денисова", подчеркнув, что "они пользуются доверием казаков".

12 апреля "командующий Донской Армией ген. К.С.Поляков и полк. С.В.Денисов приехали в Раздорскую, оставив за себя в Заплавах ген. Балабина и подполк. И.А.Полякова". Ген. К.С.Поляков в разговоре относительно приказа просто заявил, что он не стремится быть ни только "командующим Донской Армией", но и ни к какому командованию, что он принял его в тяжелую минуту, чтобы спасти - что можно, что он сделал - что мог, и теперь, с приездом Походного Атамана, он ни на что не претендует, а просит его уволить в отставку, т.к. он не привык служить в атмосфере "дряг", и рекомендовал вместо себя командующим Южной группой ген. Е.И.Балабина, временно уже его заменяющим в Заплавской группе и уже как известного ген. Полову по его работе в Макеевском районе в дни Каледина, но предупредил, что вероятно и он, по тем же мотивам, тоже откажется. Походный Атаман удовлетворил просьбу об отставке ген. К.С.Полякова, и чтобы не обижать полк. Денисова, назначил его командующим Южной группой и по просьбе последнего его начальником штаба назначил И.А.Полякова, но фактически эти обязанности выполнял ген. М.Свечин.

Новое командование Заплавской группы не изменило своего отношения к штабу Походного Атамана и по свидетельству полк. Добрынина это "неприятное отношение" давало себя знать и "построено оно было на почве личного самолюбия Заплавского штаба", переоценившего свои достоинства и стремившегося обвинить штаб Походного Атамана и его самого в неправильности решений одухотворяющих действия предыдущего периода борьбы", и что на почве этих неприятных отношений даже назревал развал в Заплавских войсках, в тылу которых находились беспокойные станицы Мелиховская и Семикаракорская. По поводу встречи Походного

Атамана с командованием Заплавской группы в Раздорской, председатель Вр. Донского Правительства в своем труде писал: "... состоялось довольно неприятное заседание, грозившее в будущем не объединением всех сил а разъединением". Чтобы этого избежать, Походный Атаман 13 апреля посетил войска Южной группы, где сказал казакам о необходимости продолжать начатую борьбу и верить в конечную победу.

В Заплавской он имел "беседу" и с Вр. Донским Правительством. Пожурил его за приказ № 3, но в интересах борьбы и казачьего единства в борьбе, никаких мер не принял, но потребовал "таких номеров больше не выкидывать". "Правительство" согласилось.

За время пребывания в войсках Южной группы, Походный Атаман обратил внимание, что не только казаки но и большинство офицеров ни только не носят погон, но не имеют и военной формы, и поэтому их не всегда можно отличить от красногвардейцев. Во избежании "недоразумений" во время боевых операциях, ген. Попов отдал приказ всем имеющим форму носить погоны, а кто ее не имел - нашить на головные уборы белые полосы, которые должны были их отличать от красных. Этот отличительный знак сохранился в Донской Армии всю гражданскую войну.

14 апреля главные силы Походного Атамана составляли группы Северная (полк. Семилетова) и Южная (полк. Денисова). В первую входили: партизаны семилетовцы, яковлевцы, юнкера, Константиновский партизанский отряд Дмитриева, сводный конный полк ес. Климова и Калмыцкий партизанский конный полк - всего примерно 3200 человек. Позиция была у Мокрого Лога. Во вторую входили Новочеркасский (А.П. Фицхелаурова), Кривянский (Н.Г. Зубова), Раздорский, Заплавский, Бесергеновский, Мелиховский и Богаевский (полк. Желтухина) пешие полки, 6-й батальон, 7-й Донской казачий (В.Н. Карпова) и сводный полк Туроверова - общей численностью до 6,5 тысяч человек. Позиция их была на участке Бесергеновская-Кривянская. В резерве обоих групп были дружины Кочетовская, Камышевская, Зотовская и др., расположенные в тылах и находившиеся в стадии формирования. На правом фланге Северной группы в сторону ж.д. линии Лихая-Белая Калитва была Донецкая группа полк. Быкадорова из станичных дружин Усть-Белокалитвенской, Ермаковской, Екатерининской, Усть-Быстрианской, Владимирской В. и Н. Кундрюческих - всего около 5000 человек. На левом фланге Южной группы была Задонская группа ген. Семенова, направленная в сторону ж.д. Ростов-Тихорецкая и Ростов - Торговая. В нее входили станичные дружины Егорлыцкая, Кагальницкая, Мечетинская и Хомутовская - всего около 3,5 тысяч человек.

В это время разведка штаба Походного Атамана установила постепенное продвижение огромного количества поездов с красной гвардией со стороны Лихая-Зверево на Ростов, возвращавшихся обратно пустыми. В Сулине и в Александровск-Грушевск усиленно проводилась добровольная и насильственная мобилизация рабочих на рудниках и заводах и в крестьянских поселениях. А у Зверево и Лихой были обнаружены признаки близкого присутствия немецких войск. Было известно также об их движении к Таганрогу.

По мнению Походного Атамана с имевшимися войсками в Южной группе можно было овладеть Новочеркасском в любой момент, но при сопоставлении всех имеющихся сведений, было ясно, что при создавшейся обстановке, Южная группа после занятия города попала бы в клещи огромных масс со стороны Ростова и Александра-Грушевска, что при не вполне устойчивом настроении станичных дружин, было угрозой не только нового очищения казаками столицы Дона, но и в таком случае, может быть, и крушением самой идеи борьбы за освобождение края. Поэтому у Походного Атамана напрашивался другой план: повременить со столь желанной ата-

кой Новочеркаска, а временно центр внимания перенести на Александровск-Грушевск. Поэтому он приказал полк. Денисову из его группы, для усиления Северной, передать Раздорский, Богаевский и Мелиховский пешие полки; полк. Быкадорову, после оставления им Усть-Белокалитвенской, выделить из его отряда В. и Н. Кундрюческие дружины под общей командой в.ст. Старикова и обеспечить ими не только правый фланг Северной группы, но и от возможного удара в тыл, в сторону Константиновской, а полк. Семилетову приказывает 15-го атаковать Ал.-Грушевск.

Наступление началось бодро и уверенно, право крыло, где были партизаны и полк Климова уже очистили ряд рудников, но на левом фланге, где были станичные дружины, с самого начала была заминка, а потом началась сумятица. В.ст. Балихин, общий любимец и гордость партизан, руководивший на левом крыле, увидев колебание дружин, бросаясь наперерез уже отходившему их левому флангу, чтобы задержать его и тем устранить уже начинающуюся панику в дружинах, но был тяжело ранен и не успел переломить колебания мелеховцев, "сдавших" сначала на левом фланге, а потом заставивших этим и всю группу отойти. Раздорский полк отошел к Заплавам, богаевцы и мелиховцы - к себе в станицы (причем мелиховцы привели в свою станицу красных фуражиров и даже снабжили их фуражем и провиантом, за что позже получили кличку "хлебосолов"). А партизаны, сбившие с левого фланга, понесли большие потери, особенно семилетовские пешие сотни.

Неудача под Ал.-Грушевском не обескуражила ген. Попова. Он считал, что нервность и слабая устойчивость станичных дружин - дело поправимое и приказал войскам Северной группы снова готовиться к наступлению, взяв в свои руки "сколачивание" рассыпавшихся частей. Работа кипела и день и ночь. Обстановка улучшалась. Подходили новые подкрепления из станиц, но был острый недостаток патронов и снарядов. Патронов было всего 10000, а снарядов - 40 штук на орудие.

К 17 апреля стало известно о движении к Дону с Кубани Добровольческой Армии. 18 апреля прибыл от нее для связи донской партизан ес. Чеботарев.

А в Южной группе все велась пропаганда против Походного Атамана и всех участников Степного Похода, распространялись слухи, что ген. Попов и партизаны 12 февраля бежали из Новочеркаска, бросив все и вся на милость победителей, бросили раненых и золото. Шли они из штаба Южной группы и чтобы их пресечь, нужно было сменить весь штаб. Походный Атаман этого не делал по той же причине, по которой терпел и выходы Вр. Донского Правительства.

15 апреля командующий Южной группой прислал Походному Атаману рапорт в ультимативной форме, требуя особого отношения к Южной группе. 16 апреля - его новый рапорт, что "вверенная ему группа стала совершенно небоеспособна", что "Бесергеновский и Заплавский полки в стадии начала разложения", что "конница совершенно небоеспособна по своей трусости", что требуются новые части, которые могли бы "послужить примером повиновения и долга" и т.д.

17 апреля Донецкий отряд у ст. Тацинской, заняв Усть-Белокалитвенскую и разрушив мост через Белую Калитву, захватил около 5000 снарядов и до 200000 патронов, что внесло большую панику в красное командование. Походный Атаман принимая во внимание обстановку, приказал Северной группе занять исходное положение для новой атаки Ал.-Грушевска.

17-го же пароход "Венера", перевозивший из Раздорской в Константиновскую раненых, проходя мимо Семикаракоуской, был обстрелян ру-

жейным огнем, а раненые, бывшие в станице, брошены в Дон. Ген. Попов был принужден послать в Семикаракорскую карательную экспедицию на пароходе "Вольный Казак", под командой полк. Косоротова.

Из Ростова в этот же день были доставлены сведения о существовании там подпольных антибольшевицких сил, могущих выступить в любой момент, и отдающих себя в распоряжение Походного Атамана. Ген. Попов немедленно отправил туда на моторной лодке распоряжение начать выступление только по его приказу, которое будет приурочено к атаке Новочеркаска, чтобы одним ударом захватить оба города. Но позднее выяснилось, что не-казацья часть этих сил, под руководством Добрынского, выступила в 10 ч. вечера на 20 апреля, не предупредив об этом станичные казацьи группировки. Ими были захвачены ростовский порт, почта, пароход "Киев", тральщик "Фиофанич", ледокол "Фанагоря" и посыльный катер "Татарин". Но большевики быстро ликвидировали это выступление. Катеру "Татарин" удалось уйти в сторону Таганрога. На полпути бывшие на нем вышли на берег и присоединились к проходящему мимо отряду полк. Дроздовского. "Фиофанич" ушел в "Мертвый дон", оттуда одна часть восставших ушла на соединение с Добровольческой Армией, другая вернулась в Ростов и лишь несколько казаков пришли в Раздорскую. Всего из 500-600 человек выступивших, покинуло Ростов около 200 человек.

Среди них донская казачка Константиновской станицы Шура Гандукова, студентка Ростовского университета, которая немедленно поступила сестрой милосердия в Корниловский полк и была убита в первом же бою.

Ликвидировав это восстание, большевики разоружили "Союз Увеченных Воинов", милицию, произвели многочисленные аресты и расстрелы среди "казацкого центра", подпольной казацкой студенческой организации. В результате 2-хмесячная работа пропала даром и организованных антибольшевицких сил в городе не осталось. Но несмотря на неуспех восстания, оно внесло дезорганизацию в советские войска, часть которых ушла в Батайск и дальше, а часть в Нахичевань и на ст. Кизитеринка. Это обстоятельство позволило отряду полк. Дроздовского без особого труда вечером 21 апреля занять ростовский вокзал и дойти до центра города, броневик же кап. Нилова доходил до Нахичевани.

18 апреля, рано утром, Северная группа начала вторую атаку Ал.-Грушевска. Правая колонна сосредоточенным ударом смела красных и на их плечах ворвалась на первые рудники. Но левая колонна из Новочеркасского и Раздорского полков, под командой полк. Фицхелаурова, атаковавшая с юга Бурасовский рудник, подавленная артиллерией красных, начала поспешно отходить, совершенно оголив левый фланг Северной группы. Этим воспользовались большевики, тотчас развев ураганный огонь во фланг и по тылам семилетовцев. Высланный для парирования охвата Калмыцкий полк, не поддержанный артиллерией Семилетова, из-за отсутствия снарядов, не мог остановить нахлынувшую лавину красных. Группа Фицхелаурова отошла в Запавы. Вторая атака Ал.-Грушевска сорвалась...

Эта неудача была компенсирована тем, что красные в этот день сделали вылезку из Новочеркаска и были на голову разбиты Южной группой под командой ген. Балабина и конными сотнями ес. Сафронова и сотн. Азарянского. Захвачено было до 5000 снарядов, около 200000 патронов и т.д.

19 апреля похоронили красу и гордость партизан в.ст. Балижина. В этот же день была разоружена Кочетовская дружина, усмирены и приведены в порядок дружины Мелиховская и Богаевская и усмирена станица Семикаракорская.

20 апреля из Задонской группы ген. Семенов донес, что Добровольческая Армия вошла в пределы Дона и бригада ген. А.П.Богаевского Донским Партизанским полком заняла Мечетинскую. В штаб ген. Деникина Походный Атаман послал для связи полк. Манакина. Северная группа полк. Семилетова с утра была дважды атакована красными у Мокрого Лога. Обе атаки были отбиты и было захвачено значительное количество снарядов, патронов и т.д. Потери Северной группы были незначительны, а красные на поле боя оставили множество трупов. Это очень подняло дух станичных дружин Северной группы и казаки стали поговаривать о необходимости овладеть Ал.-Грушевском ночной атакой.

Принимая все это во внимание, имея уже значительные запасы огнеприпасов, ген. Попов приказал Семилетову готовиться к третьей атаке Ал.-Грушевска, а сам отправился в станицу Заплавскую, чтобы лично ознакомиться с настроением и состоянием войск Южной группы. Там, в ночь на 21-е, получил донесение своего н-ка штаба полк. Сидорина, что согласно докладу агента Особого Отделения вхм. Иванова, вернувшегося из Ал.-Грушевска, там после кровавой "бани" началось разложение: мобилизованные крестьяне и рабочие уходят из красной гвардии, уходят и проходящие эшелоны в сторону Ростова, в городе остается лишь местный гарнизон из горнозаводских рабочих, фронтовиков и местного населения. Сидорин просил Походного Атамана 21-го снова атаковать город при помощи некоторой части войск Южной группы, но ген. Попов, в силу совокупности всех данных, приказал "повременить" с новым наступлением на Ал.-Грушевск и 21-го приказал командующему Южной группой готовить его войска к атаке Новочеркаска.

В ночь на 22-ое полк. Сидорин донес Походному Атаману, что в Раздорской задержана моторная лодка с бежавшими из Ростова служащими порта, сообщившими, что город занят каким то офицерским отрядом и что немецкие части подходят к Ростову. 22-го утром конные разъезды сотн. Азарянского и сотн. Гавриленкова, высланные к Новочеркасску, донесли, что они дошли до окраин города, что красные по случаю наступающей Пасхи пьянствуют, охраны города почти нет и что много поездов уходят на Ростов. А вернувшийся из самого города агент Особого Отделения хор. А. дополнил, что, действительно, Ростов вечером 21-го был занят каким то офицерским отрядом, красные частично отошли в Нахичевань и ст. Александровскую, часть за Дон - в Батайск, и что для освобождения Ростова из Новочеркаска утром 22-го послано несколько эшелонов красной пехоты со значительным количеством орудий, конный полк, бронепоезд, два броневика и т.д. В силу этого Новочеркасский фронт сильно ослаблен, красное командование нервничает, чувствуя себя как в мышеловке, т.к. помимо общего положения на Дону, немецкие войска подходят или уже подошли к Ростову и Зверево. В силу этого пути отступления красным, не желающих покидать ж.д. на Воронеж и Царицын, или за Дон, - через Ростов отрезаны.

Получив все эти сведения Походный Атаман приказал н-ку Южной группы полк. Денисову в 3 часа ночи на 23 апреля атаковать Новочеркасск, а н-ку Северной группы - оставив заслон против Ал.-Грушевска, партизанский отряд приблизить к правому флангу Южной группы фронтом на Персияновку, для усиления Южной группы - прислать в Заплавскую конный полк ес. Климова, а для символического участия партизан-втепняков в атаке Новочеркаска, прислать в Заплавскую же конную семилетовскую сотню ес. Зеленкова и офицеров подрывников из юнкерского отряда. Но когда Походный Атаман попросил н-ка штаба Южной группы И.А.Полякова передать этот приказ в штаб Походного Атамана для передачи командующему Северной группой полк. Семилетову, Поляков заявил, что этого он

сделать не может, т.к. красные заняли в тылу Южной группы Мелиховскую, прервали телефонную и телеграфную связь с Раздорской, связи с Семилетовым тоже нет, и что сильные разъезды красных находятся между Заплавской и Раздорской. Иначе говоря, с "занятием" Мелиховской красными создавалась угроза тылу Южной группы, готовящейся к атаке Новочеркасска. Ген. Попов, чтобы не отменять атаки, послал из своей конвойной калмыцкой сотни несколько разъездов с распоряжением полк. Сидорину выслать требуемые части и ликвидировать красных, "занявших" Мелиховскую. Калмыки на всем своем пути не встретили ни одного красного разъезда и установили, что Мелиховская красными не занята и не занималась. Все сказанное И.А.Поляковым оказалось его фантазией. Уже в эмиграции он сознался, что обманул ген. Попова. Его обман не только вызвал задержку прибытия в Заплавскую назначенных Походным Атаманом частей из Северной группы, но мог и сорвать все наступление.

Меры, принятые ген. Поповым, позволили Южной группе вести атаку "без оглядки назад" и получить назначенные части для ее усиления. Они пришли усталые, но пришли во-время — до начала атаки. Сотня Зеленкова была назначена на правый фланг Новочеркасского полка, полк. Климов оставлен как резерв в распоряжении Походного Атамана, подрывники, в частности ес. Крюков, были назначены в левую группу, а пор. Кирсанов — в правую.

К 3-м ч. ночи на высоту у Кадамовских хуторов, недалеко от Персияновки, где был командный пункт, приехали командующий группой полк. Денисов, Походный Атаман с адъютантом полк. Кучеровым, штаб-офицером для поручений полк. В.А.Карповым, несколькими чинами Особого Отделения штаба Походного Атамана с полусотней калмыков из конвойной сотни ген. Попова с ес. П.Аврамовым. Ровно в три часа Походный Атаман зажег сигнальную вежу для начала атаки Новочеркасска.

Еще с вечера 22 апреля конница полк. Туроверова была отправлена в обход Новочеркасска, с задачей содействовать его атаке, а с занятием города действовать в направлении Аксайской станицы, где набрав добровольцев, двигаться дальше на Ростов. Тогда же с вечера в Старочеркасскую была направлена "Донская флотилия" под командой партизана степняка лейтенанта Тарасенкова, состоявшая из "адмиральского" парохода "Вольный Казак" вооруженного 2-мя пушками и 6-ью пулеметами "Максима" (для "десантной операции" на нем было 200 человек "морской пехоты", часть которой были партизаны семилетовцы) и несколько катеров с пулеметами "Кольта". До рассвета "флотилия" укрылась за островом против Аксайской станицы. Тогда же на высоту хут. Мишкина и полустанка Александровский была выдвинута партия охотников для обеспечения левого фланга наступающих.

Когда атакующие части подошли к Новочеркасску, три конные сотни полка Климова выдвинулись в Хутунок, где обнаружили в казармах запасных полков значительные запасы огнестрельных припасов, которые немедленно были вывезены в Заплавскую. Другие три сотни полка Климова были выдвинуты к Кривянской, где укрылись в складах местности против Новочеркасского вокзала. К рассвету, после упорного сопротивления в самом городе, Новочеркасск был взят казаками. К 8 ч. утра Заплавский и Бесергеновский полки прикрывали город со стороны хутора Мишкина, сотня Зеленкова — со стороны Грушевской, за Кадетским Корпусом, Богаевский полк и 6-й батальон — со стороны Персияновки, Раздорский и Мелеховский — со стороны хут. Большой и Малый Несветай.

Как только казаки заняли город, как по волшебству, загудели пасхальными перезвонами соборные колокола, а им стали вторить колокола всех церквей. Со всех сторон слышалось радостное "Христос Воскресе!"

Жители, увидав, въехавшего в город через Троицкий спуск, Походного Атамана, приветствовали его криками "ура партизанам!". Т.к. среди партизан сотни Зеленкова было почти 90% жителей Новочеркаска, то он им позволил, строем, поочередно, по полусотне совершить прогулку по городу. Жители, видя знакомые лица и узнав место их стоянки - в Кадетском Корпусе - бросились туда, одни, чтобы повидать своих родных, другие, чтобы узнать о судьбе тех, кого с ними не было. На Атаманском Дворце, по приказанию Походного Атамана, был поднят русский национальный флаг.

Некоторые командиры полков, на радостях сравнительно легкого захвата города, и видимо полагая, что красные бежали далеко, с разрешения н-ка штаба Южной группы, отпустили своих людей "в отпуск по домам". В первую очередь это произошло в лучших полках - Новочеркасском и Кривянском.

В это время красные, установив у Новой тюрьмы артиллерию, открыли по городу огонь; 3 или 4 снаряда попали в купол Собора, и под прикрытием огня они стали накапливаться значительными силами. А по городу, в это время, бродили кучки казаков разных полков и ни одного командира. Походный Атаман, проезжая по Московской улице, когда Платовский проспект и Дворцовая площадь осыпались гранатами красных, увидел около Торговых рядов одно орудие и около полусотни конных и пеших казаков. А командир одной из сотен Бесергеновского полка доложил ему, что в районе завода "Южная Бавария" неустойчиво и туда нужны подкрепления. Тут же "случайно" оказался артиллерийский офицер ес. Лобачев, которому Походный Атаман приказал взять брошенное орудие и присоединить его к орудью, стоявшему у Михайловской церкви, открыть самый жестокий огонь и сбить батарею красных, что у Новой тюрьмы, а командиру Бесергеновской сотни - взять казаков, находившихся у Торговых рядов и отвести их на угрожаемый участок у завода "Южная Бавария", обещая прислать еще людей, для сбора которых он проехал со своими офицерами ординарцами по Платовскому проспекту, где бродили группы казаков, и направлял их туда же. По телефону он приказал ес. Зеленкову с его сотней "прочистить" Краснокутскую рошу, а командиру своего конвоя, ес. Аврамову, бывшему в Военном Училище, с конвоем у двумя сотнями полка ес. Климова атаковать батарею со стороны кладбища. Батарея ес. Лобачева заставила красные орудия замолчать, а ес. Аврамов закончил дело, захватив красную батарею и пленных, в чем ему помог случайно подошедший из ст. Грушевской ее отряд. Положение было спасено.

Донская "флотилия" во взятии и удержании Новочеркаска тоже сыграла заметную роль: как только из Новочеркаска утром 23-го у Аксайской стали появляться бегущие эшелоны красных, флотилия вышла из-за острова и открыла по ним огонь, наводя панику не только на ж.д. линии у Аксайской, но и на комиссаров в Ростове, что заставило красного командующего войсками Молова приказать немедленно уводить поезда с "нижней" ростовской ж.д. линии в Батайск, на расстоянии 10 метров поезд за поездом. А появление "Вольного Казака" 24 апреля на виду у Ростова вызвало бегство оттуда многих частей красной гвардии, что облегчило и немцам и казакам взятие Ростова на 25 апреля.

В ночь на 24-е во Дворец к Походному Атаману со сторожевой заставы у Краснокутской роши был доставлен "неизвестный", оказавшийся кап. Благовским - офицером отряда полк. Дроздовского, который сообщил, что с вечера 21-го до утра 22-го дроздовцы занимали Ростов, где потеряли свыше 100 человек убитыми и ранеными, и что сейчас отряд сосредоточен в селении Крым, и что полк. Дроздовский, узнав, что казаки

осаждают Новочеркасск, предлагает свой отряд в полное распоряжение старшего казачьего начальника. Ген. Попов немедленно отправил с кап. Благовским к полк. Дроздовскому офицера штаба Южной группы и предложил ему сосредоточить его отряд в Грушевской ст.

24 апреля в штаб Походного Атамана на автомобиле от полк. Дроздовского приезжали кап. Нилов и пор. Александров, которые получили от Походного Атамана подробную ориентировку и просьбу продвигнуться в ст. Грушевскую, и нарисовали положение отряда Дроздовского.

24 апреля чинами Особого Отделения, по приказанию Походного Атамана, был арестован сапожник, член красного "Совета пяти", подписавший сотни смертных приговоров "контр-революционерам". По приказанию ген. Попова он подлежал военно-полевому суду. Однако, как позже выяснилось во дни Атаманства ген. Краснова, он по протекции н-ка штаба Донской Армии И.А.Полякова был освобожден из тюрьмы, а после оставления Новочеркасска в конце 1919 г. продолжал свою кровавую работу, подписав, вероятно, еще тысячи смертных приговоров казакам.

24 апреля по приказанию Походного Атамана, особой командой под руководством полк. Карпова, были осмотрены все поезда на станции Новочеркасск и ее товарные склады. Было обнаружено такое количество снарядов и патронов, что никто не ожидал. Было приказано все это вывезти в Арсенал. Кроме того, было обнаружено громадное количество награбленного красными добра. К нему были выставлены надежные караулы стем, чтобы в будущем, это добро передать в распоряжение Круга.

В этот же день красные делали попытки наступать на Новочеркасск со стороны Персияновки, но легко были отбиты. Несмотря на это, Походный Атаман приказал выдвинуть специальный отряд к Земледельческой школе.

Появилась в городе и небольшая группа донских партизан, участников Кубанского Похода Добровольческой Армии. Сведения о них, о прибытии на Дон отряда полк. Дроздовского и немцев быстро распространились по городу и проникли в войска. Это значительно подняло дух казаков и вместе со взятием столицы Дона вселили в них веру в свои силы и конечную победу, и они считали совершенно необходимым вести борьбу до конечной победы. А в это же время командование Южной группой, в лице командующего и его н-ка штаба, уже 24 апреля предлагали Походному Атаману начать с большевиками "мирные переговоры", послав к ним делегатов. Походный Атаман не стал с ними обсуждать этого вопроса, а просто заявил: "Забудьте о переговорах, а если поднимите этот вопрос второй раз - предам военно-полевому суду." Этим ответом он нажил себе неумиримых врагов.

25 апреля с 10 ч. утра большевики, теснимые с севера немцами и восставшими казаками, желая через Ростов скорее пробиться за Дон, со стороны Персияновки повели наступление широким фронтом на Новочеркасск. Казаки держались нетвердо, некоторые части их стали отходить, все больше принимая направление на Заплавскую. В городе появились паникеры, штаб Южной группы посылает Походному Атаману панические сообщения о "грозности" обстановки и даже думает об эвакуации. Ген. Попов едет на командный пункт к Троицкой церкви и берет руководство боем в свои руки. Артиллерия, находившаяся вблизи Хутунка, вызывается в город и располагается в несколько ярусов, на спуске от Троицкой церкви, у артиллерийских казарм и по спуску Платовского проспекта с приказанием открыть самый убийственный огонь. Ес. Климову было приказано спешить свой полк и занять позиции вдоль ж.д., на насыпи, выставив все свои 20 пулеметов. Партизанскую сотню ес. Зеленкова и конную кривянскую сотню "укрыли" во дворе Арсенала. Наспех собранный офицерский отряд

под командой полк. Фарафонова уступом располагается за полком Климова. Полагая, что отряд полк. Дроздовского уже в ст. Грушевской, туда посылаются сотн. Иловайский с приказанием отряду идти в Новочеркасск. Полк. Дроздовский, узнав о положении у Новочеркаска, по собственной инициативе немедленно присылает конно-горную батарею, конный казачий дивизион ес. Фролова, сформированный в ст. Ново-Николаевской и пополненный в Таганроге и попутных станицах и кап. Нилова на броневике "Верный", обещая к вечеру привести в город весь отряд. Полк. Семилетову было приказано ударить конными партизанами в тыл красным, и пешими во фланг. Помимо всех принятых мер, город надежно обеспечивался разливом рек Тузлова и Аксая и единственным подходом к нему была узкая гать от Хутунка к единственному мосту.

К 2-м часам красные заняли Хутунок и солдатские казармы.

Батарея Дроздовского с прикрытием ес. Фролова заняла позицию у скакового поля и открыла огонь по резервам красных. Казармы были зажжены казачьей артиллерией.

Большевики стали подаваться назад. "Верный" их преследовал. Появление на фланге и в тылу обходной колонны Семилетова и преследование отходящих полком Климова, казаками Фролова и конными сотнями Зеленкова и Кривянской обратили отступление в неудержимое и беспорядочное бегство. Преследование продолжалось до Персияновки: "Верный" расстреливал красных "на выбор", казачья конница также "на выбор" их рубила. Разгром красных был полный, уцелевшие пробились через ст. Лихая на Царицын.

В этот же день немцы и казаки полк. Туроверова заняли Ростов, выслав свои авангарды к Батайску и Ольгинской станице.

Вступивший в Новочеркасск отряд полк. Дроздовского для успокоения населения прошел с музыкой по городу. Дроздовцы за время пребывания в Новочеркасске, за счет его населения, увеличили свой состав до 3000 человек. Когда в I-м Донском Округе, в районе Константиновской создалось неблагоприятное положение для казаков, то по просьбе Походного Атамана туда были направлены конно-горная батарея, казаки ес. Фролова и броневик "Верный". Они действовали в сторону Великокняжеской; там был убит ес. Фролов. После избрания Донским Атаманом ген. Краснова, дроздовцы ушли в Добровольческую Армию.

26 апреля Вр. Донское Правительство по прежнему без ведома Походного Атамана "решило" созвать Круг Спасения Дона 28 апреля, и в тот же день разослало сообщение об этом в станицы, хутора, дружины и полки. За два дня не только не могли приехать делегаты из далеких станиц I-го Донского, Донецкого и других Округов, но и само сообщение не могло попасть в эти Округа. Поэтому на Круге не были представлены ни только станицы занятые красными, но и большинство освобожденных станиц. В последний момент число делегатов пополнялось случайными людьми из жителей Новочеркаска, и из людей случайно оказавшихся в городе. Попытки ген. Попова мирно изменить дату созыва Круга ни к чему не привели, а крайних мер, в интересах борьбы с большевиками, он не находил возможным применить.

26 апреля Походный Атаман послал от Донского Войска делегацию в Ростов во главе с полк. Гуциным, в которую были включены и представители Вр. Донского Правительства с разведывательной целью, после чего 27-го было назначено посольство на Украину для переговоров с Гетманским правительством и с немецким командованием. В его состав вошли от Вр. Донского Правительства И.Т.Семенов и М.А.Горчуков и от заместителя Войскового Атамана, т.е. от Походного Атамана ген. Попова, его н-к штаба полк. Сидорин и полк. Гуцин. Кандидатура всех 4-х лиц из руково-

дящих деятельностью Вр. Донского Правительства была встречена недоброжелательно, но они приняли их, чтобы к моменту созыва Круга Спасения Дона "убрать" из из Новочеркаска. Позже, посольство и его задачи были утверждены Кругом Спасения Дона, т.е. были одобрены мероприятия Походного Атамана.

27 апреля в Новочеркасск приехал представитель Добровольческой Армии ген. Кисляков, предложивший от имени ген. Деникина передать командование всеми антибольшевицкими силами ему - ген. Деникину. Ген. Попов ответил, что при настоящих условиях, он этого сделать не может, а Вр. Донское Правительство и Круг Спасения Дона на то же предложение ответили, что все войска, находящиеся на территории Дона, должны подчиняться только Донскому Войсковому Атаману и в настоящее время его заместителю - Походному Атаману.

Но когда ген. Деникин, не предупредив донское командование, направил из Добровольческой Армии в Новочеркасск около 2000 раненых добровольцев, то несмотря на то, что в городе не было достаточно госпиталей и на требования командования Южной группы отправить этих раненых в Ростов, ген. Попов приказал их разместить в учебных заведениях, обращенных в госпитали. И когда Добровольческая Армия отдыхала в пределах Дона, на ее содержание распоряжениями ген. Попова с 23 апреля по 3 мая из Донской казны было отпущено 6 миллионов рублей, а восставшие казаки, достаточно хорошо снабженные огнеприпасами и оружием, захваченными у большевиков, братски поделились ими с Добровольческой Армией.

26 апреля партизаны-степняки в Новочеркасске участвовали в параде по случаю освобождения города, а 28-го уже дрались с красными под Ал.-Грушевском, после занятия которого отводятся в Новочеркасск на заслуженный ими отдых. На этом фактически поход партизан заканчивается, но они еще служат Войску, неся в городе гарнизонную службу.

За отъездом на Украину ген. Сидорина, н-ком штаба Походного Атамана с 26 апреля состоит ген. Денисов и с этого времени он же и руководил военными операциями, особенно в южных Округах, т.к. ген. Попов должен был организовывать Войсковую администрацию, налаживать отношения с Добровольческой Армией, с немецкими оккупационными властями и т.д.

В последних числах апреля начались восстания в калмыцких станицах: Ново-Алексеевской, Денисовской, Иловайской, Кутейниковской, Батлаевской под руководством ес. Тепкина, ес. Сельдинова, подъес. Шадманжинова, хор. Абушинова, Мусова и др. 1-го мая от них в Константиновскую, к ген. И.Д. Попову, прбылись хор. Абушинов и казак Шараров, сообщившие, что восставшие станицы выставили по 1-2 конные сотни и отдают себя в распоряжение Походного Атамана.

28 апреля в Новочеркасск стали прибывать делегаты "Круга Спасения Дона". Регистрация выяснила, что приехали только делегаты от частей, действовавших в Черкасском Округе и от станиц и хуторов только от части Ростовского Округа, и почти полностью от Черкасского и 1-го Донского. На первом заседании Круга в 6 ч. вечера, по настоянию Походного Атамана, в число членов Круга были включены представители калмыцких частей, как представители Сальского Округа. 1 мая состав Круга был пополнен случайно приехавшим в Новочеркасск товарищем председателя "Союза казаков" 2-го Донского Округа Ивановым и представителями Новочеркасской Городской Думы Черевковым, Белявским и Колесниковым, и отдельными лицами, принимавшими то или другое участие в освобождении Дона. Однако, по настоянию председателя Вр. Донского Правительства, не были приглашены ни в число членов Круга, ни в ка-

честве докладчиков, такие фактические руководители казачьих восстаний как в.ст. Фетисов, сотн. Кузнецов, в.ст. Стариков, полк. Гусельщиков, полк. Быкадоров, ген. Семенов и др., также как и такие представители партизан-степняков как ген. Семилетов, ес. Слюсарев и др. Круг получился несколько однобоким и состоял главным образом из лиц угодных руководителям Вр. Донского Правительства и командованию Южной группы.

Свои заседания Круг Спасения Дона начал в составе 130 человек. Первым приветствовавшим Круг был Походный Атаман. Он же был первым докладчиком о положении на Дону, о целях и возможностях дальнейшей борьбы, о необходимости создания Донской Армии, о переговорах с немцами и Добровольческой Армией, о финансовом положении и т.д. 30 апреля по всем этим вопросам Круг вынес постановления: верховное командование всеми силами на территории Дона должно принадлежать Войсковому Атаману, а до его избрания его заместителю Походному Атаману ген. П.Х. Попову; были одобрены проекты организации молодой Донской Армии с поручением Походному Атаману приступить к проведению их в жизнь; для разрешения финансового вопроса была избрана по предложению Походного Атамана особая комиссия, было поручено Походному Атаману произвести обязательную мобилизацию всех казаков присяги 1917-19 г.г. 31 апреля ген. Попов доложил Кругу, что к 1 мая вооруженные силы Дона насчитывают свыше 50000 человек, с достаточным количеством артиллерии и пулеметов, взятых с боя. Имеются аэропланы и речная флотилия. Территория Войска освобождена от красных более чем на 75%. 1 мая Походный Атаман подписал приказ о порядке формирования постоянной армии, о мобилизации определенных возрастов, об организации военного управления с прочно заложенным в основу его принципом - беречь войсковую казну, о реорганизации станичных дружин в полки, дивизии и т.д.

2 мая Круг приступает к разрешению вопросов организации Войсковой власти и выборов Донского Войскового Атамана. Ген. Попов на утреннем заседании, кратко высказав свою точку зрения, дальше не вмешивается в работу Круга и всего себя отдает проведению в жизнь его решений по вопросам борьбы с большевиками и организации Армии. К этому времени в Новочеркасск прибыл ген. П.Н.Краснов, который был приглашен председателем Круга Г.Яновым сделать доклад о будущей Донской власти. Еще до его приезда на Круге велась пропаганда в пользу его кандидатуры в Донские Атаманы и его сторонниками распускались слухи, что ген. Попов не желает баллотироваться в Атаманы. Сторонники кандидатуры ген. Попова, считая его бесспорно первым кандидатом, которому Атаманский пернач принадлежит по праву, даже не пытались вести пропаганду за него и даже не говорили с ним о возможности баллотироваться. Большинство членов Круга отнеслось критически к проекту Основных Законов и единоличной власти Атамана, как об этом высказался ген. Краснов 2 мая. И после того, как его сторонники открыто стали говорить, что ген. Попов не желает выставлять свою кандидатуру и поэтому необходимо принять условия предложенные ген. Красновым, только тогда сторонники ген. Попова спросили его - намерен ли он баллотироваться в Атаманы, на что он ответил - нет, пояснив, что в такой ответственный момент, да еще при составе Круга в 130 человек, для авторитета будущего Атамана нельзя разбивать голоса. Тогда противники проектов ген. Краснова устроили частное совещание 3 мая, пригласив обоих генералов. На этом совещании ген. Попов заявил: "Если в такой ответственный момент ген. Краснов берет на себя бремя единоличной власти - дайте ему ее и примите предложенные им законы, а если в будущем нам не понравятся эти Атаманские законы, то Атамана выгоним, а законы изменим." Этим вопросом был исчерпан и громадное большинство голосов ген. Краснову было обеспечено. Закрывая собрание,

инициаторы его выразили пожелание, чтобы ген. Попов оставался бы Походным Атаманом. Ген. Краснов на это ответил: "Вы предвосхитили мои мысли, я как раз хотел просить об этом ген. Попова."

3 мая на вечернем заседании К.С.Д. закрытой баллотировкой 107-ью голосами из 130 избрал Донским Атаманом ген. П.Н.Краснова, а 4 мая постановил "принять" Основные Законы, предложенные ген. Красновым.

В тот же день, в 2 часа дня, избранный Атаман назначил парад частям Новочеркасского гарнизона, но командующего парадом назначил не как следовало Походного Атамана, а н-ка своего штаба ген. Денисова

5 мая на заседании Круга ген. Краснов объявил свой приказ о назначении заведующих Отделами Правительства В.В.Донского. Управляющим военным и морским Отделом и командующим Донской Армией назначался ген. Денисов. В другом приказе того же дня должность Походного Атамана упразднялась, а ген. Попов назначался генералом для поручений при Донском Атамане, в следующем параграфе сухо говорилось о расформировании партизанских отрядов и только. Об их боевых заслугах и не вспомнили. Круг правильно оценил значение этого приказа и в своем вечернем заседании, заканчивая сессию, вынес постановление: "Принимая во внимание боевые заслуги Походного Атамана Попова в борьбе с советскими войсками и тяжелые труды понесенные им на благо родного Дона, произвести Походного Атамана в генерал-лейтенанты".

Степной Поход был окончен. Ген. Попов, не получая от Донского Атамана по должности генерала для поручений никаких поручений, подал ему рапорт об отставке, каковую и получил.

О партизанах-степняках вспомнил Большой Войсковой Круг февральской сессии 1919 г., т.е. при Атамане А.П.Богаевском. Тогда Круг постановил: "В воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных безмерных трудов и лишений во время Степного Похода наградить всех его участников знаком отличия Степного Похода - "Степным Крестом".

"Степной Крест" в пределах Дона был приравнен к статуту ордена св. Георгия. Носится он на георгиевской ленте. Кресты были номерные и 1-й был поднесен ген. П.Х.Попову на торжественном собрании, посвященном первой годовщине окончания Похода председателем Круга - В.А.Харламовым. Всего Степных Крестов было выдано оставшимся в живых к первой годовщине не много больше тысячи.

Крест за "Степной Поход" с 23 апреля 1919 г. по март 1920 г. получило 1236 человек. Следовательно, к 23 апреля 1919 г. партизан-степняков после окончания Степного Похода пало на поле брани за свободу Дона, умерло от ран и в мире скончалось свыше 1600 человек. За границу в ноябре 1920 г. уехало только около 400 человек. Следовательно, с 23 апреля 1919 г. по ноябрь 1920 г. при разных обстоятельствах семья партизан потеряла еще свыше 800 человек.

С первого года пребывания в эмиграции партизаны-степняки ежегодно совместно с участниками 1-го Кубанского ген. Корнилова и Дроздовского походов отмечали в начале февраля начало походов. Была отмечена и 50-тилетняя годовщина в Париже, совместно с другими казачьими организациями, также как и начало казачьих восстаний. К этой юбилейной дате никого из начальников отрядов в живых не осталось. На объявленную к этому времени переключку партизан-степняков отозвалось 44 человека (24 во Франции, 4 в Германии, 1 в Бельгии, 2 в Канаде, 1 в Австралии, 1 в Израеле, 3 в Аргентине, 8 в С.Ш.А.). Есть предположение, что десяток лиц не отозвалось, следовательно к 50-ти летнему юбилею осталось в живых около 55 человек.

С первых дней эмиграции существовало Объединение Партизан-Степ-

Поход свершен и слава Богу
Честь партизан и ран следы
Вот все, на дальнюю дорогу.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Вот Чернецов боями славен,
Он сын кровавейшей поры,
Седых былин героям равен.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Славнейший Атаман Походный,
И храбр и бодр, без сует,
Попов - казак донской природный.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Стратег и тактик наш Сидорин,
Душа и ум степной борьбы,
Всегда спокоен, не задорен.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Герой Похода - Семилетов,
Его хранит закон судьбы,
Он чист от всех наветов.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Балихин - вождь стальной, упорный,
Пришел спасать Дон из беды,
Убит в бою у шахты Черной.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Горячий Тацин, злой и смелый,
Кричит, ругает без нужды,
В огонь ведет рукой умелой.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Вот неугомонный Слюсарев,
Без усов и бороды,
Ведет юнкеров впереди.
Алла-Верды, Алла-Верды.

А вот И.Д. Попов,
Ведет отряды калмыков,
А там и Яковлев лихой.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Лихой монгол Мартынов,
Детей водитель Хорошилов,
А с ними и герой Бобров.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Краса похода - Мамантов,
И Базавов уже старик,
А с ними Гнилорыбов.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Каргальский - водитель Атаманцев,
Чернушенко - неугомонный, беспоконный

Гроза степей - Назаров бесподобный.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Герой Астахов, Щукин с Неживовым,
Мелихов и Савинков - лихие пушкари,
И общественные деятели Араканцев и
Аладьин.

Алла-Верды, Алла-Верды.
Зеленков, Долбихин, Греков и другие
Сомкнули стройные ряды,
Дмитровы с ними, все родные.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Вот политическая часть отряда степняков:

Афанасьев, Падалкин, Акимов, Иванов
Ведут пропаганду и разведку среди
казачков и большевиков.

Вот юные сестрицы милосердия,
Врачуют партизан,
Отдавая им заботы и усердия.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Павшие в боях: Лысенко, Михин, Ко-
жин,
Эвсеев, Падков, Фолимонов, Кутырев,
Леонтьев и другие - имена их легион
Алла-Верды, Алла-Верды.

Донцы, герои-партизаны,
Вы все родной Донской среды,
Пусть не щемят все ваши раны.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Пусть тени славные восстанут,
Стяг Атамана впереди,
Пусть духом все сейчас воспрянут,
Алла-Верды, Алла-Верды.

XXX

(Упоминается артиллерист Савинков, родной брат известного социалиста-террориста Бориса Савинкова).

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН.

Сестрам-первопоходницам.

Как же нам не помнить трогательно близких
В беленьких косынках с ласковым лицом,
Вас, порою склоненных на коленях близко,
Надо мной, над братом или над отцом.

Под огнем косящим вы в цепи идете
Лишь с одной защитой - на груди с крестом,
В темноте на поле раненых зовете,
Клонитесь над ними с марлевым бинтом.

Милые, родные, сестры дорогие,
Как забыть Карпаты и Кубань и Дон?
Верным, благородным дочерям России,
Вам, неустрашимым, наш земной поклон.

Николай Евсеев.

(От Редакции: стихотворение это было прочитано автором на одном из обедов участников первых Походов и посвящено сестрам милосердия I-го Кубанского, Степного и Дроздовского Походов).

:--:--:--:--:--:--:--:--:--:

ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЧАЛЬНИКОВ ДОНСКИХ ПАРТИЗАН.

"Чернецов - это донской "Иван-Царевич". Его феерическое время и его легендарные деяния должны быть описаны красками и образами эпохи, но не сухим пером повествователя-историка."

К.П.Каплюгин.

"Чернецов - метеор в истории, вихрь экстаза, порыв степного ветра и дальний шопот седого ковыля. Чернецов то же, что стихотворение в прозе для литературы."

"Семилетов - глава из истории восстания станиц на Дону против кровавого тумана. В нем мало поэзии но много житейской прозы, из которой куются счастливые будни.

Партизаны Семилетова - за пазухой у хорошего интенданта, за широкой спиной партизанского Ивана Калиты, собирателя сил живых на защиту Дона."

"Федор Назаров - молчаливый и угрюмый рыцарь. Степи донские знают его, знают юноши и старики. О нем не поют песен, но все его знают. Его биография - живой упрек левым, мнившим партизан как детей из дворцов и палат. Его молитва - за волю и правду."

"Сотник Греков - "Белый Дьявол" в грязноватой белой папахе, секак лунь от контузии, с грудью - решетом от вражеских пуль. Беженец из Майн-Рида. Кубанский отголосок донского Чернецова. Греков - Черне-

пределов Войска. Казачья общественность отстояла журнал и Севского, а в их лице и П.Х.

26 мая 1918 г. П.Х. организовал перевозку тела полк. Чернецова из хут. Гусева и его торжественные похороны в Новочеркасске, посвятив его памяти большую статью в местной газете.

Несмотря на "неприятное" к нему отношение нового командования, когда ген. Семилетов, ген. Сидорин и другие повели открытую публичную пропаганду против германфильской политики Краснова, П.Х. написал им всем письма, укоряя их за то, что они этот вопрос "вынесли на улицу" и требовал прекратить это безобразие.

Во время работ Круга августовской сессии, П.Х. неизменно выбирался почти во все комиссии, создаваемые по разным вопросам, всегда старался сдерживать их членов от крайностей.

Чтобы сохранить память о Степном Походе он намерен был организовать Союз Партизан-Степняков, чтобы собрать материалы о Походе в одном месте, т.е. в Союзе, для целей взаимопомощи. Однако эта его идея не встретила сочувствия Атамана Краснова и организация Союза была воспрещена. Но он неоднократно выступал в защиту партизан-степняков.

В февральскую сессию 1919 г. П.Х. также член Войскового Круга. К этому времени красные подходили к Новочеркасску, положение было настолько критическое, что члены Круга на частном совещании решили, не ожидая открытия Круга, командировать в Екатеринодар и к Кубанскому Правительству члена Круга, который сумел бы побудить последних оказать помощь Дону войсками и немедленно. По мнению совещания, способным сделать это был только ген. Попов, который выехал в Екатеринодар во главе делегации и уже на другой день телеграфировал президиуму Круга, что помощь обеспечена, а 2 февраля просил президиум Круга озаботиться посылкой в Екатеринодар пустых ж.д. составов для перевозки войск.

Вернулся с Кубани П.Х. 6 февраля, т.е. тогда, когда новый Донской Атаман ген. А.П.Богаевский при выборе председателя Донского Правительства предложил Кругу двух кандидатов: Н.М.Мельникова и П.Х. Попова. Н.М.Мельников снял свою кандидатуру в пользу П.Х. Попова, кандидатура которого была принята почти единогласно и в тот же день Атаман Богаевский подписал приказ о назначении ген. П.Х. Попова председателем Донского Правительства и Министром Иностранных Дел. Эти посты П.Х. занимал с 7 февраля по 18 сентября 1919 г.

15 февраля Атаман Богаевский заболел сыпным тифом и ген. Попов вступил в исп.об. Донского Атамана и исполнял эти обязанности свыше трех месяцев, т.е. в самое критическое время для Дона.

Т.к. Донской Атаман согласно конституции являлся и главой Армии, то П.Х., как его заместитель, отдавал немало времени и ей, состав которой к этому времени упал до 15000 человек, красная же армия в это время насчитывала до 90000.

Новый командующий Армией ген. Сидорин, т.е. бывший н-к штаба Походного Атамана, неотказавшись от принятия в свои руки этой должности в такие тяжелые дни, приступил к энергичной работе по закреплению положения на Донце, а ген. П.Х. Попов всячески помогает ему и его штабу в этом отношении.

Тогда, по инициативе П.Х., были организованы или вернее возрождены донские партизанские отряды: семилетовский, чернецовский, Дудакowskiй, Студенческая боевая дружина и др.

Кадрами для их формирования явились партизаны участники Степного Похода и I-го Кубанского. Командные должности в них заняли офицеры-

партизаны участники этих походов: ес. Брыкин, ес. М. Попов, ес. Д. Артемов (командовавший некоторое время чернецовцами после смерти ес. Брыкина) и многие другие.

Первыми на фронт были брошены семилетовцы и студенты, которые отличились в боях у ст. Лихая и у станиц Морозовская и Каменская.

Позднее эти партизанские отряды составили партизанский корпус под командой ген. Семилетова, который показал чудеса храбрости у ст. Репная.

Организации партизанских отрядов, брошенных на фронт в критические моменты, позволила донскому командованию привести в порядок отходящие части Донской Армии. А последние, зараженные порывом партизан, воспрянули духом и восстановили свою боеспособность.

19 февраля красные пытаются овладеть Новочеркасском со стороны Каменской станицы, ген. Попов с ген. Сидориным выезжают на угрожаемый участок, где они совместно личным присутствием воодушевляют Армию и дают первый отпор красным. Этим отход Донской Армии фактически был окончен и началась новая эра борьбы, в которой П.Х. принял непосредственное участие. Между 6 и 22 марта он с ген. Сидориным присутствует на участке Мигулинская-Великокняжеская.

В начале апреля, когда красные выдвинули конницу Буденного и Думенко для выхода на линию Торговая-Ростов на Дону, П.Х. "тот самый Попов - как пишет Буденный - что зимой 1918 г. вел борьбу с красными отрядами в Сальском Округе" с ген. Сидориным встречает эту красную конницу у хутора Золотарева Богаевской станицы. 20 апреля противник выдвигается на линию Егорлыцкая-Мечетинская-Кагальницкая, чтобы захватить Ростов. Ген. Попов снова на фронте, где также совместно с ген. Сидориным, руководит операциями и просит ген. Деникина помочь Донской Армии. Подходит Кавказская Армия, продвижение красных остановлено.

Полковник Добрынин в своей книге об операциях второй половины февраля, марта и апреля 1919 г. пишет: "образец умелого использования Донским командованием слабых сил для того, чтобы бить противника по частям, образец умелого маневрирования". К руководству этим маневрированием приложил руку ген. П.Х. Попов.

По вступлении в должность председателя Правительства, П.Х., как член Круга, был им избран председателем комиссии по обороне Войска и принимает энергичные меры восстановления Армии: производит чистку тыла от громоздких и ненужных учреждений и управлений и т.д.

Когда в марте и апреле в Новочеркасске были слышны орудийные выстрелы и когда там вновь появились "нейтраллисты" и началось бегство из города, ген. Попов издал приказ, запрещающий выезд из города без уважительных причин. "Шептунам" о необходимости "замирения" грозил преданием суду. Как председатель комиссии по обороне и как заместитель Атамана, он рекомендует Командующему Армией отказаться от громоздкой и несоответствующей числу казаков в боевой линии, организации вооруженных сил, разделенных на три армии. Свести эти армии в корпуса, не считаясь ни с какими неудовольствиями старшего командного состава.

17 апреля ген. Попов, несмотря на тяжелое положение на фронте, как временный заместитель главы Войска, с большим достоинством принимает в Новочеркасске англо-американскую миссию ген. Бригса. Обезвешая позже с миссией фронт, он показывал ей не парадную сторону, а те разрушения, что несут большевики и тот героизм, который проявляют казаки за свои курени.

Всю деятельность ген. Попова на должности председателя Донско-

го Правительства и министра иностранных дел и вр. заместителя Атамана перечесть в небольшом труде невозможно, но нужно отметить, что он придавал большое значение новому оружию - пропаганде, помогая кому нужно советами и знанием этого дела. И именно поэтому полк. Добрынин отмечает, что в 1919 г. "огромную помощь войскам оказала правильно налаженная пропаганда".

Когда с продвижением Добровольческой Армии на Украину следом за ней шли помещики, приступавшие к восстановлению своих "законных прав", ген. Попов выразил свое мнение Особому Совецанию при ген. Деникине и ему лично, о недопустимости таких вещей. Также он протестовал против системы "хождения по мукам", применявшейся в "реабилитационных комиссиях" Добровольческой Армии для офицеров служивших в красной армии.

Когда его, как председателя Правительства, посетил сербский посланник Ненайдич, он поднял вопрос о возможности помощи Дону Сербией. Ненайдич, считая это возможным, находил, что нужно послать делегацию к Королю и в Скупшину (парламент) и обещал со своей стороны всестороннюю помощь. О том же он говорил и с болгарским полк. Калаксызовым. Для "разведки на местах" ген. Попов отправил в Сербию черноморца новочеркасского коммерсанта Скулича, женатого на казачке, а в Болгарию - участника Шипкинских боев ген. Пономарева. Когда же об этом стало известно Особому Совецанию, ген. Деникин отказал в праве Донского Правительства вести эти "сепаратные переговоры".

Примерно тогда же П.Х. получил с "оказией" письмо из Польши от своего бывшего юнкера ес. Яковлева, сообщавшего о намерении маршала Пильсудского "помочь красной армии, побить белую армию" путем "топтанья на месте". Об этом П.Х. сообщил ген. Деникину, но был намерен предложить Пильсудскому заключить между Доном и Польшей "оборонительный союз", рассчитывая, что этим заставит поляков вести наступательные действия. Но и тут ген. Деникин воспротивился "сепаратным" переговорам и послал в Польшу своего представителя. Тогда же ген. Попов восстановил связь с правительственными и военными кругами Чехии через чеха чиновника Еждика. И тут ему была обещана помощь Дону, но послать туда своих представителей он не имел возможности. Это был период блестящих успехов на фронте и ген. Попов, чтобы не вступать в открытую борьбу с ген. Деникиным, вынужден был покинуть посты председателя Донского Правительства и Министра Иностранных Дел.

Еще будучи председателем Донского Правительства, он был горячим сторонником создания Юго-Восточного Союза, т.к. считал, что казаки составляют главные силы в борьбе с большевиками, что судьба всего российского дела решается на казачьих землях и поэтому казачество имеет право, чтобы им не только командовали, но и считались с его законными желаниями. Он считал, что для пользы общего дела в этот Союз нужно привлечь не только казаков и горцев, но также Ставрополье, Крым и Новороссию.

Уйдя с поста председателя Правительства, П.Х. работает во многих комиссиях Войскового Круга и заботится о партизанах, разрабатывая проекты памятников на месте гибели Чернецова, на Курьячей Балке и на новочеркасском кладбище, на партизанском участке, собирая на это средства, так и исторические материалы по истории партизанского движения. Как средства, так и документы передавались им в Союз Партизан-Степняков. Но оставление Новочеркасска в конце 1919 г. не позволило осуществить его идеи, собранные же средства из-за болезни казначея Союза остались в Новочеркасске, а архив Союза пропал уже в эмиграции.

Во второй половине октября 1919 г. положение на фронте резко изменилось к худшему и в Черкасском Округе появились значительные группы беженцев из северных Округов. Кругом была создана особая комиссия под председательством П.Х. для организации им помощи. Ближайшим его сотрудником и помощником был писатель Ф.Д.Крюков, который во время одной из своих поездок к беженцам заразился тифом и от этого умер.

В это время снова, как весной, нависла угроза занятия столицы Дона большевиками. Войсковой Круг вновь вспомнил ген. П.Х.Попова и, приняв решение об организации особой армии для защиты Новочеркаска, командующим этой армией назначил П.Х. а н-ком штаба ген. Бондарева. Командующий В.С.Ю.Р. ген. Деникин не допустил ее формирования и штаб ее был расформирован в станице Слыгинской.

По оставлении Новочеркаска ген. Попов был назначен Атаманом Богаевским в Новороссийск для организации там эвакуации за границу больных, раненых, семей, учебных заведений, Войскового Музея, областных архивов, казначейского запаса, серебра и т.д.

Почти одновременно с этим, собравшийся в Екатеринодаре Верховный Обще-Казачий Круг, договорившись с Главнокомандующим В.С.Ю.Р. об образовании Южно-Русского правительства, предложил ген. Попову занять там пост Военного Министра. Но он отказался после совещания с Донским Атаманом, Правительством и Кругом. Также отказался он, как и ген. Сидорин, когда на Верховном Круге и на Совете Атаманов поднимался вопрос об объединении войск казачьих Армий в одну обще-казачью армию, и первым кандидатом на роль командующего считался ген. Попов. Свой отказ они мотивировали тем, что эта мера уже запоздала.

В январе 1920 г. П.Х. приступил к эвакуации за границу всего ему порученного, войдя в контакт с дипломатическими и военными миссиями Франции, Англии, Италии и других стран, с которыми должен был договариваться о предоставлении перевозочных средств, о возможности размещений в их странах, о содержании эвакуируемых. Особое внимание он встретил, по старому знакомству, у югославянского посланника Ненайдича, при помощи которого, в первую очередь, на пароходе "Афон" в Югославию были отправлены воспитанницы Донского и Харьковского институтов.

Второй партией, на английском пароходе "Ханнокер" были значительная группа раненых женщин и детей, отправленных на Принцесы острова, и Донской Кадетский Корпус с директором ген. А.В.Черячукиным, уехавшими в Египет.

Третьей партией были остатки кадет, часть больных и раненых, часть казаков беженцев, отправленных на пароходе "Иртыш" в Югославию.

Четвертой - главным образом больные, раненые и часть беженцев, отправленные в Румынию на пароходе "Колыма".

Всего им было отправлено из Новороссийска около 10 партий на острова Мраморного моря, на Лемнос, в Сербию, Болгарию, Грецию. В Константинополь были отправлены ценности Музея и областного архива, запас серебра казначейства и некоторые запасы зерна и табака. Когда главная масса скопившихся в Новороссийске была эвакуирована, П.Х. был назначен Донским Атаманом его представителем на Константинопольский район и на Балканы, где он должен был ознакомиться с размещением эвакуированных, их питанием и общим положением и т.д. Объехав Сербию, Болгарию и Румынию, П.Х. поселился в Константинополе, где сделал все, что мог, чтобы отправить в Новороссийск для общей эвакуации наибольшее количество судов. В Константинополе, с поездками на Балканы он находился до июня 1920 г., за это время добился от союзного командования улучшения питания, организации медицинской помощи и обеспечения

особым питанием детей, стариков и больных.

Находясь в Константинополе, он внимательно следил за событиями в Крыму и в особо важных случаях "подавал" свой голос. Когда англичане предложили свои "услуги" для заключения мира между казаками и большевиками и вели в этом направлении пропаганду, ген. Попов, как представитель Донского Атамана подал свой протест против "нечеловеческого" посредничества. Когда ген. Врангель предал суду ген. Сидорина, П.Х. послал ему письмо с указанием, что ген. Сидорин, как назначенный на должность командующего Донской Армией по представлению Донского Войскового Круга, подлежит его суду. Когда из Крыма стал готовиться "Назаровский десант" казаков на Дон, П.Х. писал в Крым, что это авантюра, которая погубит тысячи казаков. Так и вышло - погиб десант, свыше 1000 человек и из-за него на Дону до 3000 людей.

Как представитель Донского Войска он очень помог военному агенту ген. Врангеля при хлопотах о перевозке из Польши в Крым казачьих частей ген. Бредова и в частности 42-го Донского казачьего полка и донской батареи.

Когда в Крыму, в с. Астраханка, инспектор Донской Армии ген. Топилин был захвачен и расстрелян большевиками, П.Х. был вызван в Крым и получил предложение Атамана Богаевского принять пост, но он, зная положение Армии, и что инспектировать нечего - отказался. После этого был назначен генералом для поручений в распоряжении Донского Атамана.

За некоторое время до эвакуации Крыма, когда вопрос об этом был решен, ген. Попов был снова командирован Донским Атаманом в Константинополь, чтобы там, на месте, с союзным командованием наладить прием и размещение донских воинских частей и беженцев. 10 ноября, прибыв в Константинополь, он немедленно вошел в контакт с союзными властями, указав, что покинуть Крым могут до 50000 донцов, половина которых будут беженцами. Союзное командование не ожидало такого количества донцов и было принуждено пересмотреть свои планы расселения. В начале предполагалось разместить Донской Корпус на Лемносе, но П.Х. настоял на поселении его в Турции. Осмотрев предложенный Чаталжинский район и найдя его состояние довольно плачевным, он просил союзное командование и Международный Красный Крест хотя бы примитивно оборудовать будущие жилища казаков. Но сделано было очень мало: привезено некоторое количество соломы. Некоторое количество людей было намечено для отправки в Болгарию, Сербию, Грецию, Румынию и на острова Мраморного моря.

С прибытием из Крыма неожиданного количества людей, все планы союзного командования оказались нарушенными и П.Х. пришлось "отвоевывать" места для донцов, места уже ранее намеченные, что не всегда удавалось. Однако, удалось, как было намечено, отправить, в первую очередь в Югославию оставшихся в Крыму донских кадет с полк. Бабкиным и с педагогическим персоналом и группу донских беженцев с ген. Рудаковым в 400 человек на пароходе "Сиап". Всего в первый день в Югославию было направлено 1730 человек. 29 ноября в Болгарию, на пароходе "Трувор", им были отправлены значительная группа беженцев и членов Круга с заместителем председателя Круга Гнилорыбовым и в Румынию, на пароходе "Витим", группа беженцев, имевшая во главе члена Круга ген. Н.В.Черячукина, в Грецию группу казаков беженцев с ген. Алпатовым в 350 человек. На другой день туда же были отправлены значительная группа больных и раненых донцов с ген. П.К.Писаревым. Тогда же значительная группа беженцев, Атаманское Военное Училище, запасной пеший полк ген. Бородина были отправлены на Лемнос. Много беженцев было

расселено в Константинопольском районе, а Донской Корпус в районе Чаталжи. Для учета расселенных, организации их жизни на местах, П.Х. было поручено объехать страны расселения. Поездка его продолжалась около двух месяцев. Всюду он советовал не сидеть "на чемоданах", но устраиваться крепко и надолго, не рассчитывать на войсковые пособия, а проявлять настойчивость, энергию, инициативу для своего устройства. 26 января 1921 г. он выступил с большой речью на заседании членов Круга против большевизанствующих требований "демократической группы" Гнилорыбова. Большая часть членов Круга разделяла точку зрения ген. Попова и в результате группа Гнилорыбова демонстративно покинула зал заседания. Пришлось П.Х. столкнуться с пропагандой крайне правых казаков о необходимости перевыборов нового Бойскового Атамана, против чего П.Х. всегда боролся.

В апреле 1921 г., когда был создан Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, П.Х. назначается его представителем в Софию. Там ему сразу пришлось столкнуться с левыми элементами казачества, положение его осложнялось тем, что в Болгарии было левое земледельческое правительство, работал Украинский Красный Крест, призывавший к возвращению в С.С.С.Р., склоняли к этому казаков и болгарские коммунисты и большевицкие провокаторы. Не имея никаких средств бороться с этим злом, П.Х. первое время мог использовать лишь личные беседы с казаками и улучшение условий их существования. Он добился от болгарского правительства для казаков права свободного передвижения и бесплатного проезда на ж.д., поддержки неимущим из Русского Красного Креста и т.д. Многих казаков устраивал на работу. Позднее он организовал неперIODическое издание газеты "Казачье Слово".

Когда стал намечаться перевоз казаков в Болгарию с Лемноса, а в то время в Болгарии еще было неприязненное отношение к русским, как к врагам по войне 1914-18 г.г. П.Х. поместил ряд статей в болгарской прессе об освободительной войне 1877-78 г.г., о роли казаков в ней, об участии казаков-добровольцев в Болгарской армии в 1912 г. По его просьбе писали в газетах и видные болгарские общественные деятели, указывая на необходимость оказать прит русским беженцам вообще, и казакам в частности. Прочел он и ряд лекций в больших городах о войне 1877-78 г.г., подчеркивая при этом, что в этой войне приняли участие 53 донских полка и 24 батареи, что казаки этих частей вывезли из Болгарии сотни брошенных болгарских детей, которых выростили и воспитали, и что сейчас эти дети, или их дети, как донские казаки нуждаются в приюте. Все это дало известные результаты в перемене отношении болгар. В местах большого скопления казаков он организовывал детские школы, доставая учебные пособия через Всероссийский Земский Союз, организовал Казачью Вспомогательную Кассу, основой которой были 3000 турецких лир, отпущенных Донским Атаманом, доставал ссуды для обзаведения собственных хозяйством, устраивал студентов на стипендии В.З.С.

По его же инициативе в Болгарии был организован Союз Донских Инвалидов и первые средства на содержание которого поступили через него от Донской казны. Был устроен, вероятно первый на чужбине, инвалидный дом на Шипке. По поручению Атамана созывает в Пловдиве первый эмигрантский Донской Казачий Съезд, на котором он и председательствует.

Состоя представителем О.С.Д.К.Т. в Болгарии, одной из забот П.Х. было расселение казаков станицами, хуторами или артелями. Он считал это необходимым для достижения их организованности и для облегчения связи с ними в целях осведомления и борьбы против разлагающей пропаганды демагогов и большевиков.

Первая станица была организована им лично в Дольна-Ореховица, которая после его отъезда во Францию была названа станицей имени По-

ходного Атамана ген. П.Х.Попова.

С переездом Донского Атамана и правительства в Болгарию, представительство О.С.Д.К.Т. было упразднено и П.Х. выходит "в отставку". Одно время служит на сахарном заводе и, одновременно, как хорошо знающий Болгарию и имеющий связи среди болгарской администрации, по приглашению русских финансистов, занимается разработкой организации предприятия по эксплуатации недр Болгарии. Предприятие начало работать в Родопях, но через полгода в силу слишком больших эксплуататорских тенденций "общества", П.Х. с ним разошелся и переехал во Францию. В Париже он сразу получил предложение от бывшего Наказного Атамана гр. Граббе принять участие в организации "Обще-Казачьего Объединения" для оказания помощи казакам для переезда во Францию и их устройства на работу. Был там выбран секретарем, но как только Объединение перешло с гуманитарной на правую политическую деятельность и стало в оппозицию Донскому Атаману, ген. Попов оттуда вышел и уехал в г. Канн в Кальвадос. Там открыл школу шоферов, но вскоре по просьбе казаков переехал в Кнютанж (Мозель), где организовал кооперативный гараж, с ремонтной мастерской и школой для шоферов. После ликвидации "предприятия" в Кнютанже, П.Х. переехал в Париж, где научился поварскому делу, одно время работал поваром у Великого Князя Бориса Владимировича. В 1928 г. он уехал в Америку, где начал работать поваром в Филадельфии. Потом одно время занимался куроводством на компанейских началах, потом вновь взялся за поварское дело.

Так продолжалось до 1934 г., когда умер Атаман А.П.Богаевский, выбранный еще на Дону. Взоры многих казаков обратились к П.Х., как естественному заместителю умершего Атамана, но не все думали об интересах всего зарубежного донского казачества. Многие прежде всего имели ввиду свои политические интересы. Первой к нему обратилась умеренная самостоятельная организация "Лига Возрождения Казачества" с запросом - готов ли он выставить свою кандидатуру в Донские Атаманы, обещая ему свою поддержку, но при условии, что он в дальнейшем будет руководствоваться программой "Лиги" и из ее состава назначит "Донское Зарубежное Правительство". П.Х. ответил, что хотя он и не собирался выставлять своей кандидатуры, но если казаки ее выставят и его изберут Атаманом, то он почтет себя обязанным выполнить волю казаков, но в своей деятельности будет руководствоваться не программой какой либо политической партии, а той частью Основных Законов Войска, кои применимы зарубежом, и помощников будет выбирать по их полезности, а не по принадлежности к той или иной группировке. Тогда "Л.В.К.", "договорившись" с гр. Граббе и заключив ряд "союзов" с другими группировками, стали вместе проводить кандидатуру гр. Граббе, одновременно широко сообщая, что ген. Попов отказался баллотироваться в Атаманы. Многие этому поверили и при выставлении кандидатур, большинство заявило, что "за отказом" ген. Попова выставляют кандидатуру других лиц. Поэтому при выставлении кандидатур, П.Х. получил незначительное количество голосов, о чем Гл.Изб.Комиссия и довела до сведения избирателей и кандидатов, прося последних сообщить - выставляют ли они свою кандидатуру на баллотировку? Ген. Попов, видя, как будто незначительное число голосов выдвинувших его кандидатуру, заявил, что "чтобы не разбивать голосов, иначе будущий Атаман не получит нужного ему авторитета", снимает свою кандидатуру. Но когда донцы узнали все это, то большое их количество обратилось с просьбой к ген. Попову выставить свою кандидатуру. Он согласился. Сторонники других кандидатов вели большую пропаганду, как за своих кандидатов, так и против П.Х., его же сторонники воздерживались от такой пропаганды. Но в результате ген. По-

пов все же получил большинство голосов, хотя и небольшое. Но главная Изб. Комиссия и Контрольная Комиссия разными способами "нашли" незначительное большинство голосов за гр. Граббе и провозгласили его Атаманом. П.Х. во имя казачьего единства признал эти "выборы". Новый Атаман назначил его своим представителем на Америку.

По истечению своих полномочий, гр. Граббе не назначил пере выборы, а запросил своих сторонников - стоит ли ему оставаться Атаманом на новое трехлетие и, конечно, получил положительные ответы, что было бы не только ненормальным, но и не отвечало желаниям большинства казаков, которые и приступили к выборам нового Атамана и 75% принимавших участие в атаманских выборах в 1934-35 г.г. почти единогласно в 1938 г. избрали Атаманом ген. Попова. Это избрание было совершенно законным, но и гр. Граббе тоже продолжал себя считать Атаманом.

После избрания П.Х. переехал в Европу и объехал страны наибольшего расселения донцов: Францию, Чехию, Болгарию, Югославию. Эта поездка была его сплошным триумфом. При встречах с казаками он призывал к объединению, что должно явиться одним из главных факторов борьбы против большевиков. На эти призывы залы собраний дрожали от грома рукоплесканий. Все чувствовали, что Атаман не фантазер, что он говорит то, что и нужно говорить, что их избранник - тот вождь, который знает куда ведет казаков.

В Праге по случаю приезда П.Х. состоялся "Донской Окружной Съезд", о котором чешская пресса сообщила как большую сенсацию, а радио из Болгарии, Югославии, Венгрии и даже из Москвы взволновали мир известиями о "конгрессе донских казаков". Московское радио сообщило об этом в день Рождества Христова 7 января 1938 г., чем порадовало казаков проживавших на Дону, где не одно сердце радостно забилося при упоминании имени героя Степного Похода, как будто организующего зарубежное казачество на борьбу с советской властью. Так Пражский Съезд и объезд Атаманом казаков по Европе понял и советский посол в Чехии Александрович, заявивший протест чешскому правительству о разрешении Съезда и о приезде в Прагу Атамана Попова. Протест его не только остался без последствий, но чешские власти оказали П.Х. особое внимание. После торжественной церемонии возложения Атаманом и казаками венка на могилу "Неизвестного солдата" и подписи Атамана в "Золотой Книге", как дар Праги Атаману была поднесена роскошная книга о "Золотой Праге". Вечером на чествовании П.Х. казаками присутствовали "отцы города". На следующий день он был принят военным министром Чехословакии ген. Клесандро, с которым он был знаком еще на Дону, когда генерал, в ту пору капитан, служил в Добровольческой Армии.

В Болгарии было примерно то же. В Софии, на вокзале его встретил помощник городского головы, а на обеде устроенном казаками в честь П.Х. присутствовали представители города, начальника гарнизона и министерства внутренних дел. В Бургасе н-к Гарнизона прислал для встречи на вокзал военный оркестр, а городское самоуправление - своих представителей. На обедах на Шипке, в Старой Загоре, в Казанлыке и др. городах присутствовали местные военные и гражданские власти. В Софии П.Х. был очень любезно принят военным министром ген. Даскаловым и министром иностранных дел.

В Югославии у П.Х. был такой же триумф. Там его очень любезно приняли председатель Скупщины (парламента), военный министр и министр внутренних дел, которые вели с ним продолжительные беседы о казачьих делах и о возможности борьбы с большевиками.

Такие приемы не только казаками но и представителями местных властей показывали, что имя П.Х. стояло высоко и не только у казаков,

но и на высшем уровне у власть имевших, в разных странах казачьего рассеяния.

Однако 1939 год принес миру такие потрясения, что о казачьих делах временно нужно было забыть. П.Х. "застрял" в Праге. Когда немцы в своих интересах решили из всех народностей бывшей Российской Империи формировать особые части, то вызвали его в Берлин, где ему предложили приступить к формированию казачьих частей в составе немецкой армии, в немецкой форме, с немецким командным составом и под немецкими знаменами. П.Х. категорически отказался, за что был арестован и пробыл какое то время в тюрьме. Потом его "отпустили" в Прагу, где за ним была установлена слежка и ему было запрещено заниматься какой бы то ни было общественно-политической деятельностью. За все время войны П.Х. пережил немало "неприятных" минут.

После капитуляции Германии он немало потрудился над "переброской" казаков из Германии, Австрии в С.Ш.А., куда и сам переселился.

За время своего второго пребывания в С.Ш.А. он дважды выбирался Донским Атаманом. И в этот период он пытался объединить казаков по странам, но последняя война, внесшая большие изменения в их расселение, появление значительного количества новой казачьей эмиграции и продолжающееся двухатаманство внесли новые расслоения в казачью среду, что не позволяло ему добиться своей цели. Да и возраст, а с ним и болезни не позволяли П.Х. работать со свойственной ему энергией. Средств на работу по казачьим делам не было и он часто отрывал для нее от своей небольшой старческой пенсии, а сам голодал. В результате - госпиталь, а из него старческий дом. Там у него, при загадочных обстоятельствах, был забран и уничтожен его многолетний литературный труд. Это вновь привело его в госпиталь, где 6 октября 1960 г. он тихо скончался как истый христианин, заранее исповедовавшись и причастившись. Похоронили его скромно на казачьем участке русского кладбища. Был скромный салют из охотничьих ружей, сделанный казаками его почитателями. Позже на его могиле был поставлен скромный памятник на средства собранные среди казаков.

Если бы он скончался на родной Донской земле, были бы и воинские почести и настоящие салюты, гроб бы везли на артиллерийском лафете и было бы все, что полагается на похоронах скончавшемуся 95-тилетнему генералу, дожившему до своего 75-тилетия в офицерских чинах и заслужившего все военные почести своей долголетней военной и гражданской деятельностью на пользу Дона и России.

З а к л ю ч е н и е. - У каждого человека есть на земле самый дорогой его сердцу уголок. Крупнейший ли это город или крошечный поселок, приютившийся на прибрежном крутояре, село или станица затерянные меж степных холмов, богата ли здесь природа или скудна - неважно. Но если здесь впервые ты ощутил солнечный мир, познал первые радости и первые невзгоды, если здесь протекло твое безмятежное, а быть может, и трудное детство, отшумела юность - для тебя этот уголок самый родной и самый благославленный.

Таким уголком для почившего Петра Харитоновича была вся Донская земля. Он всю свою долгую жизнь прожил верным сыном любимого им Дона и матери России. Много лет своей службы отдал почетной работе воспитанию будущих русских и донских офицеров, среди которых он снискал себе славу строгого, но и справедливого преподавателя и начальника. Через его руки прошли их тысячи. Его воспитанники по Новочеркасскому Училищу всегда были рыцарями долга и чести и доблестно умирали как в Великую, так и в гражданскую войну.

П.Х. был природным донским демократом в лучшем значении этого слова. После падения монархии, он, одним из первых, начал борьбу с антидемократическими левыми течениями на Дону. Он никогда не верил в возможность эволюции советской власти, был по отношению к ней абсолютно непримирим и был твердо убежден, что ее свержение должно произойти без иностранной помощи. Эти принципы легли в основание всей его деятельности и руководили им во всех стадиях его борьбы с большевиками. Он всегда считал, что вопрос будущего устройства России должен быть разрешен только после падения советской власти всеми народами населяющими Россию.

П.Х. верил в Дон, которому, по его суждению, судьбою было предуказано в дни смутного времени быть базой всей борьбы с большевиками на юге России. К близкой возможности всероссийского ополчения он относился как к далекой мечте. И поэтому уходя в Степной Поход он не боялся опоздать к решительному часу перелома российских настроений, но отказываясь от похода на Кубань с Добровольческой Армией он не хотел опоздать к перелому настроений донских казаков.

Он был казаком душой и телом и всегда активно и прямо выступал на защиту как родного края, так и обще-казацких интересов. Никогда он не прерывал связи с Доном. Был символом зрелой, уравновешенной государственной мысли и лучших традиций донского казачества.

Это был редкий человек и слова об основных понятиях добра, совпадают с его духовным обликом. Ни разу, за все мои встречи с ним, он не сказал ничего злобного, ничего мелочного. Когда его "доброжелатели" пытались его очернить, он всегда говорил: "история все это опровергнет" и не вступал с ними в пререкания.

Чаадаев писал: "человек может быть полезен своей стране, только в том случае, если ясно видит ее", т.е. хорошо знает и понимает ее. П.Х. хорошо знал свой край и где бы он ни был, был всегда ему полезен.

На примере жизни П.Х. мы должны воспитывать будущие казачьи поколения. Он - наша гордость и донское казачество его не забудет во веки.

А.Падалкин.

: - : - : - : - : - : - : - : - : - :

"
" "

Как вспоню о степи, о ласковом Доне,
О том, что, быть может, ушло навсегда -
Смыкаются зубы, душа захолонет
И в памяти жадной всплывают года.

Года небывалой и лютой погони
По шири, где все ледянила пурга,
Когда на намете храпящие кони
Грудями сбивали лихого врага.

Когда из училищ, забросивши книжки,
На детские плечи врубая погоню,
В ряды партизан уходили мальчишки
С проклятыми биться за ласковый Дон.

Прошла, отшумела гроза боевая...
На родине смятой туга и грабеж;
Но мы не забыли родимого края,
Не пустим из рук коченеющих нож!

Н. Кузнецов.

:--:--:--:--:--:--:--:--:--:

ДОНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ УХОДЯТ В СТЕПИ...

Пусть это мое повествование послужит правдивой памяткой ко дню столетия рождения Ген. Штаба генерала от кавалерии Петра Харитоновича Попова (родился он 10 января 1867 г.).

Со дня ухода донских партизанских отрядов из Новочеркаска в степи, прошло более 50 лет. В эмиграционной казачьей печати есть много упоминаний об этом, но подробного, правдивого описания еще нет до сих пор. Много еще остается не выясненным, много есть и сведений не соответствующих истине. Есть даже и обвинения Походного Атамана ген. Попова в том, что "...Отряд уходил тайно, ... что многие военнообязанные остались в Новочеркасске и, после, были расстреляны большевиками..." Это - неправда.

В то время я был уже в Новочеркасске и опишу подробно и правдиво все то, чему я был свидетелем, относящееся к этому периоду.

Нужно указать на одну особенность жизни в Новочеркасске. Хотя он был столицей Войска Донского, но это был типичный провинциальный город России. Все его жители находились под влиянием различных слухов: всегда обсуждали случившиеся события, о которых они узнавали (в станицах, городах Войска и всей России)... Так было и в дни революции, так было и при наступлении красной гвардии на Дон в 1917 году. Каждое событие, случившееся даже и вне города, но ставшее известным только одному жителю в городе, немедленно по "беспроволочному телеграфу" - от соседа к соседу - становилось известным всему городу.

Есть люди, которые говорят и пишут, что они не знали, что Новочеркасск может быть оставлен его защитниками. Это заявление - неправдиво. О том, что придет время, когда город надо будет оставить, раньше всех предупреждал Атаман Каледин. Он говорил об этом офицерам гарнизона два раза: в Офицерском собрании; на первом собрании я не присутствовал, оно описано в "Донской Летописи", но я был на втором собрании. Это было примерно в половине января 1918 г. Присутствовал ген. Каледин и Чернецов. М. П. Богаевского не было. Ген. Каледин предупреждал офицеров, что необходима немедленная помощь донским партизанам, истекающим кровью. Если офицеры ее не окажут, красногвардейцы займут город и в первую очередь пострадают офицеры же. Атаман говорил коротко. Все комнаты второго этажа в Офицерском собрании были переполнены офицерами так, что "яблоку упасть негде было". После Атамана еще короче говорил Чернецов. Он призывал офицеров записываться в его отряд или другие...

О возможном уходе партизан знали офицеры, а от них и все жители города. Только никто не знал точно - когда наступит этот несчастный день.

В это время я занимал должность временного адъютанта у н-ка Донской Артиллерии ген. И.П.Астахова. Моя обязанность была записывать и принимать добровольцев в партизанскую Донскую Артиллерию. Канцелярия моя находилась в Новочеркасском Военном Училище. Нам было уже известно, что Добровольческая Армия 9 февраля оставила г. Ростов и через ст. Аксайскую ушла в ст. Ольгинскую. Ростовское направление осталось совершенно открытым. У Атамана Назарова не было войск послать туда.

На Персияновке партизаны едва-едва сдерживали сильный натиск красных. Положение становилось для защитников Новочеркасска безвыходным. И об этом знал каждый житель столицы Донского Войска.

Ген. И.Поляков писал в своей книге "Донские казаки в борьбе с большевиками": "После смерти Ат. Каледина все внимание и весь интерес большинства офицеров штаба сосредотачивалось, преимущественно, на изобретении планов наиболее безопасного бегства" (стр. 114). И это вполне понятно. Значит - уже с 30 января офицеры готовились к оставлению Новочеркасска.

Как же после этого можно уверять, что Степной отряд ушел тайно, и многие военно-обязанные остались в городе?

Утром 10 февраля штабом Походного Атамана в Епархиальном училище созвано было совещание начальников войсковых частей гарнизона. Они решили: завтра 11 февраля город будет оставлен. О чем все начальники должны предупредить своих подчиненных, чтобы те, кто не хотят оставаться в городе, могли своевременно подготовиться и вместе с партизанами уйти... Около 11 часов дня ген. Астахов запиской сообщил мне об этом в Военное Училище, при чем добавил: "о времени выступления будет сообщено дополнительно". Вскоре, другой запиской, он сообщил, что выступление отложено на 12 февраля и час будет сообщен своевременно. Вечером 10 февраля, ко мне на квартиру пришел мой сосед, есаул в отставке В.А.Калмыков, и спросил: "верно ли говорят соседи, что партизаны оставляют город?" Я ответил: "Да, верно, но выступление отложено на 12-ое". "Как же мне поступить - уходить из города или оставаться?" Я ответил, что остаюсь; остался и он.

В "Белой России" (стр. 125) ген. С.Денисов писал: "изменяя время отхода отряда из Новочеркасска, вместо 11 на 12-ое февраля, Атаман Назаров формулировал свое приказание так: "эту операцию совершить таким порядком, чтобы до подхода отряда Голубова в Новочеркасск, таковой не оставался без прикрытия." Эта выписка указывает, что был приказ Атамана Назарова об отходе партизан. Ген. Денисов делал это извлечение из приказа уже после 23 апреля, когда был Новочеркасск занят казаками. В феврале ген. Денисов не был в Новочеркасске, вероятно в делах Войскового Штаба он нашел это распоряжение Атамана.

Факт на лицо, тайны об уходе отряда не делал никто и приказ об этом был.

Ген. И.Поляков писал, что 11-го вечером, придя из Штаба, он от своих хозяев узнал, что завтра 12 февраля город будет оставлен партизанами. Он не поверил этому сообщению, полагая, что это очередная сплетня, пущенная друзьями большевиков с провокационной целью (стр. 119). До этого времени он почему то не знал, что партизаны готовятся к оставлению города. Странно! И возможно ли, чтобы в отделе второго ген.квартирмейстера об этом не знали?

Я сделаю некоторые пояснения о том, как проходила служба в Армии при отдаче письменных распоряжений и приказов, т.к. многие читатели не знают этого. Она во всех частях Русской Императорской Армии и после революции тоже, была строго регламентирована. В каждой части

была книга приказов и приказаний, отдельно. Особые книги были для секретных бумаг. В частях были адъютанты, делопроизводители в батареях, арт. дивизион-адъютант, которые получали от высших штабов и различных учреждений приказы, приказания и другие различные бумаги. Вся переписка, получаемая в части, вводилась во входящий журнал под номерами: указывалась дата получения бумаги, ее номер по входящему журналу и краткое содержание бумаги. Все секретное имело отдельный журнал. Все посылаемое, исходящее из частей, заносилось в журнал исходящих бумаг. При чем в обоих журналах обязательно указывалось откуда, из какого учреждения и в каком количестве экземпляров, получена или отправлена данная бумага. Специальные распоряжения отдавались отдельно. Если штабное учреждение было в одном городе, то обычно, еще все получающие бумаги, расписывались с указанием даты и часа полученной бумаги. В каждой части имелись книги очередных приказаний и каждый офицер обязан был читать и расписываться в книге. Специально срочные распоряжения, если час был не служебный, посыльный из части приносил офицеру на квартиру. Когда в свою часть приходил командир, утром или после обеда, то всегда ему давались все бумаги, вновь полученные и он по ним делал свои распоряжения по части: строевые, хозяйственные и пр.

Об уходе партизан было известно всем в городе, знали и жители уже 10 февраля, а ген. И. Поляков узнал об этом только 12-го утром (стр. 119). Могли ли забыть его часть в штабе и случайно не послать туда сообщение или распоряжение об уходе партизан? Нет. Его часть забыть не могли. Почему? Потому что количество печатных распоряжений, печатались точно, сколько надо было рассылать по всем частям и вне данного города, подчиненных штабу и составляющих гарнизон города.

Адъютант, офицер штаба, ведающий отправкой и рассылкой этих распоряжений, всегда проверял - по исходящему журналу - точно и всем ли послано данное распоряжение или приказ. Единственным объяснением разбираемого мною случая может быть только то, что ген. Поляков, почему либо, в эти дни не приходил на службу.

Рано утром 12 февраля я на службе получил записку от ген. Астахова, что сегодня партизаны уходят из Новочеркасска. Сборный пункт на плацу Кадетского корпуса. Час выступления точно указан не был, но нужно было собраться не позже 3 часов дня, чтобы уйти засветло.

По получении этой записки я ушел домой. Своему соседу ес. Калмыкову сказал, что партизаны уходят около трех часов. Он мне ответил, что уже знает об этом.

Хотя я решил остаться, но все же интересовался, как будут уходить партизаны, поэтому часов около 3 я пошел на корпусный плац.

На углу Баклановского проспекта и Татарской улицы, против корпусного здания, был кирпичный дом в углу большого двора, у стен его несколько маленьких домиков-клетушек. В них ютились семьи многих бедных "служителей" кадетского корпуса. За многочисленностью тамшнего населения особенно детей, этот двор кадеты называли "Порт-Артуром". Здесь я встретил корпусного ламповщика (тушил, чистил, зажигал лампы). Он спросил меня - куда я иду, знал он меня когда я учился в корпусе, после моего ответа сказал мне: "все уже ушли полчаса тому назад."

Я все же пошел на плац. Там был оставлен Походным Атаманом конный офицерский разъезд, с сотником во главе. Ген. Попов ему приказал остаться как "маяк" и всем опоздавшим давать направление, куда ушел отряд. Ему было приказано держаться "до темноты по возможности". Разъезд был в 12 коней, с сотником на плацу, два конных казака и на всех пяти улицах, окружающих плац по два конных наблюдателя, охрана разъезда. Все ворота в железной решетчатой ограде плаца были открыты:

в случае опасности разъезд мог сразу уйти в нужном направлении. Оставленный "маяк" офицерский разъезд, указывает, что ген. Попов ни только не забыл, что могут быть опоздавшие, но даже и позаботился о них, чтобы присоединиться к отряду. Уход партизан около трех часов дня можно объяснить тем, что ст. Кривянская уже была занята казаками-фронтовиками, а по приказу Атамана Назарова, Походный Атаман должен был избежать вооруженного столкновения с казаками Голубова.

В 5 часов дня Голубов со своей конницей занял Новочеркасск, а вскоре вошли и войска красных.

Часть партизанского отряда не ушла в донские степи с ген. Поповым, а ушла на Кубань с ген. Корниловым. Почему?

Это интересный вопрос и можно сказать, что до сих пор он еще не освещен достаточно полно; постараюсь дать беспристрастное объяснение на основании данных, которые у меня имеются.

Известно, что ген. Корнилов, оставляя г. Ростов, еще не решил куда идти: на Кубань или в донские степи. К вечеру 10 февраля вся Добровольческая Армия сосредоточилась в ст. Ольгинской. Ген. Корнилов 12 февраля сам один принял решение двигаться в донские степи. Узнав об этом, ген. Алексеев писал ген. Корнилову: "пребывание в степи, поставит нас в стороне от общего хода событий, мы не будем иметь возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения. Прошу Вас сегодня же созвать военное совещание из лиц, стоящих во главе организации и их помощниками." (Деникин, "Очерки", стр. 230). На военном совещании, в тот же вечер, было решено идти на Кубань.

Когда партизанские отряды узнали, что Добровольческая Армия идет в донские степи, т.е. с отрядом ген. Попова вместе, но в разных направлениях, часть из них присоединилась к Добрармии и ген. Попов не протестовал. Он мог бы отдать приказ о присоединении своих партизан к Степному отряду.

Ген. Попов был строг и характер имел суровый и решительный, почти не поддающийся влиянию других лиц. Хотя военный совет Добровольческой Армии принял решение двигаться на Кубань, но ген. Корнилов до последнего момента вел усиленную разведку района зимовников.

Из трех пеших партизанских донских отрядов составлен был Партизанский полк, около 800 человек, командиром которого был назначен ген.м. А.П.Богаевский. Из конных партизан было составлено два конных отряда - полк. Глазенапа и полк. Корнилова.

Ген. И.А.Поляков, об уходе партизан с Добровольческой Армией, пишет: "нераспорядительность Донского командования подорвала к нему доверие и многие партизанские отряды не пожелали влиться в Донской отряд предводительствуемый Походным Атаманом ген. Поповым, а присоединились к Добр. Армии." (стр. 122) и далее "где то вдали грохотали пушки, то забытые герои партизаны, не предупрежденные об оставлении Новочеркасска, боем пробивали себе дорогу на юг." "В числе ушедших с добровольцами находился и сподвижник Чернецова пор. Курочкин, а также Краснянский, Власов, Р.Лазарев, ушел с добровольцами и ген. Богаевский".

Я привел полностью эту фразу, потому что она построена так, чтобы создавалось впечатление, что и ген. Богаевский якобы был недоволен и...ушел с партизанами в Добрармию.

Ген. Богаевский объясняет свой уход с Добровольческой Армией так: "Получив известие о намерении добровольцев покинуть Ростов, я со своим штабом решил присоединиться к ним. Другого выхода не было. К этому времени у меня в распоряжении было только десяток офицеров шаба и несколько солдат. Остаться в Ростове значило сознательно и

совершенно бесполезно идти на верную смерть." ("Ледяной Поход", стр. 52). О своем решении, конечно, ген. Богаевский должен был донести Донскому Атаману и ген. Назаров его не вернул в Новочеркасск. Это было 9 февраля, а донские партизаны присоединились только 12-го.

Почему же ген. Поляков в своей книге не указал все точно, т.к. оно было? Странно. Где же правда?

В ст. Мечетинской ген. Корнилов объявил войскам, что Добровольческая Армия идет на Кубань. "Взор его (пишет Деникин, II - 233) испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан". Были собраны все н-ки отдельных отрядов. "Пойдут ли с Дона?" Вот подтверждение того, что причина ухода с Добровольческой Армией была совместное движение в зимовники. "Партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в душе выбор их уже сделан, - идут с Корниловым."

Ген. Корнилов послал извещение ген. Попову и звал его идти вместе. Ген. Попов отказался, но ... подчеркиваю вторично - партизан к своему отряду идущих с ген. Корниловым не потребовал.

Ген. Деникин писал: "Про ген. Попова говорили, что честолюбие удержало его от подчинения ген. Корнилову." (II-233).

Конечно, это не верно, ген. Попов должен был считаться не только с Российской Государственностью в лице ген. Корнилова и Добровольческой Армии, но и с донскими казаками и их будущем. Все старые, опытные казачьи начальники и старики-донцы знали, что восстание будет и ... скоро. Казакам нужна будет помощь. А что будет и что ждет Добровольческую Армию? Вернется ли она на Дон? И если вернется, то когда? Никто не мог знать.

Ген. Попов остался со своим отрядом на Дону. Правильно сделал, он должен был остаться. И как показала жизнь и последующие события, ген. Попов оказался прав в своем решении. А восстание на Дону облегчило Добровольческой Армии возвращение и ускорило ее приход на Дон.

О том, что ген. И.Поляков писал: "грохотали пушки ... забытые партизаны пробивали себе путь..." - ничего этого не было. С уходом партизан, до следующего утра, над Новочеркасском нависла какая то зловещая тишина. Улицы были пусты. Все жители сидели по домам и даже не было ружейной стрельбы.

И.А.Поляков пишет на стр. 122 - "в суматохе забыли снять и большинство городских караулов". Все эти обвинения относятся к ген. Попову. Но если даже это и было так, то ни к ген. Попову, ни к Степному Отряду это не имело никакого отношения и вот почему.

На стр. 136 И.А.Поляков пишет, что после нескольких дней прихода большевиков: "я встретил моего дядю ... 12 февраля он был в карауле у интендантских складов и его забыли снять..."

В Новочеркасске я был дежурным офицером по караулам гарнизона. Караулов было только два. Один на городской гауптвахте на Платовском проспекте, имеющий двух часовых; один наружный на площадке гауптвахты у колокола, другой внутренний в Государственном казначействе, на Соборной площади. Часовой стоял внутри казначейства у специальной комнаты, где хранились ценности. Около часового был электрический звонок, которым он вызывал разводящего или, в случае тревоги, сообщал в караул из казначейства в караульное помещение. Дверь в казначейство тоже была замкнута. При смене караулов, ежедневно, дежурный по караулам офицер, обязан был лично проверить исправность звонка.

Второй караул находился за городом в направлении Ботанического сада, в 3 верстах от него. Там были пороховые погреба, охраняемые двумя часовыми: один с наружной стороны к шоссе Новочеркасск-Ростов, другой с тыловой пороховых погребов, врытых в землю. Остальной ка-

"ЗНАЧЕНИЕ СТЕПНОГО ПОХОДА".

Б.Н.Уланов, бывший член правительства Атамана Каледина, говорил на эту тему на собрании казаков в Нью-Йорке 4 мая 1958 г. Тогда он отметил, что в 1918 г. "сохранить идею приемственности Донской казачьей власти выпало на долю Походного Атамана ген. П.Х.Попова и его отряда, получившего в истории имя Степного Отряда или Степняков."

Что в это время "Дону ни откуда и ни от к-го помощи не было, не было никакого просвета..."

На что же рассчитывал этот маленький отряд среди моря враждебных и предательских элементов?

Вера в Донское казачество - вот что давало моральную силу Степнякам. Вера, что казаки прозрят и поймут истинную природу большевиков не потерпят их беззакония, произвола, насилия и ... восстанут.

В этой вере Степняков и их руководителей не было ни малейшего сомнения и колебания. Казаки восстанут.

И как подлинная вера, она оправдалась. Ни голод, ни холод, ни бои во всякое время дня и ночи, в дождь, вьюгу и снег, ни многочисленность врагов не поколебали этой веры.

Степнякам грезился Дон - обетованная земля.

Казаки действительно восстали... Рвали оковы советской власти и поднимались на освобождение Дона. Но не даром давалась Степнякам чудодейственная вера: не один партизан-степняк сложил свои благородные кости на наших родных степях.

Их не смеют забывать донские казаки. Их благородной памяти - наш низкий поклон и наша глубокая и безмерная благодарность. Они вместе со своими оставшимися в живых соратниками спасли честь и славу Донского Войска...

Ген. П.Х.Попов со своими боевыми товарищами бережно пронес и сохранил на Дону в беспросветные дни 1918 г. веру в родное Войско Донское, в совесть, здравый смысл и доблесть донских казаков.

Пусть мы на чужбине, но этому будет конец. В это мы верим. Опять пробудится и воскреснет дух и доблесть донских казаков, высоко взвьется знамя В.В.Д. и возродится наша родная Земля, наш Тихий Дон..."

"Родимый Край" № 16.

:--:--:--:--:--:--:

В НОВОЧЕРКАССКЕ.

1918 год. Месяц - ма Отряд полк. Дроздовского встреченный под Ростовом большими силами красных после тяжелого боя должен был отойти... Настроение у всех было подавленное. Пройти походом 1200 верст из Румынии и казалось бы быть уже у цели - соединиться с ген. Корниловым, а вместо этого - полная неизвестность.

Но неожиданно, рано утром было приказано авангарду отряда немедленно двинуться к Новочеркасску, к которому подходит большая группа красных со стороны Каменноугольного района. Несмотря на страшное переутомление лошадей, авангарду удалось подойти к городу, когда разъезды красных были уже в его предместьях, а за ними по дамбе дви-

С того времени прошло уже 50 лет, но еще до сих пор, с легкой руки ген. А.И.Деникина, передававшего в своем труде "Очерки русской смуты" почти точно ответ ген. Попова по каким причинам он не может присоединиться к Добровольческой Армии, уходящей на Кубань, но добавившего фразу "про него говорили, что честолюбие удержало его от подчинения Корнилову". Эти его слова до сих пор некоторыми эмигрантскими историками не только повторяются, но и извращаются по их вкусу. Так в одном из трудов донского казака, генерала, напечатанного в сборнике "Возрождение", автор приводит эту фразу ген. Деникина, как его авторитетное свидетельство, но выбросив слова "про него говорили", чем искажает сказанное выше ген. Деникиным о причинах отказа ген. Попова идти на Кубань. Другие, не доходя до такой крайности, основываясь на тех же словах ген. Деникина, пишут о "самолюбии" ген. Попова. Другой генерал, занимавший ответственное положение в Донской Армии, в своих воспоминаниях в бочку меда подбросил ложку дегтя. Он пишет: "Если ген. Деникин любил, ценил и гордился Добровольческой Армией, совершившей Ледяной Поход, то он должен был знать, что и Войско Донское имело свою "Добровольческую Армию" - Степной Отряд ген. Попова... Оба отряда имели одну и ту же ближайшую цель выиграть время, выждать оздоровление масс от большевицкого угара, сохранить жизнь возможно большему числу участников и с этой целью всемерно уклоняться от боев с большевиками. Ген. Корнилов настаивал на совместном движении обоих отрядов. Ген. Попов не согласился с ним и пошел самостоятельно, поведя свой отряд в донские степи. И следует признать, что выбор направления, сделанный Поповым случайно оказался более удачным, ибо он достиг ту же цель с наименьшими потерями и на несколько дней раньше, чем вернулись Добровольцы..."

Выбор донских степей не "случайно оказался более удачным", а такой исход похода был предвиден Походным Атаманом еще 9 февраля, когда он предлагал "Степное направление".

Помимо свидетельства ген. Деникина и приведенных выше "доброжелателей" ген. Попова, есть свидетельства и других лиц, не менее авторитетных. А сам ген. Деникин в других местах своих "Очерков" опровергает сказанное им о самолюбии ген. Попова.

Известно, что Добровольческая Армия еще при жизни Атамана Каледина, по воле ее вождей собиралась уходить на Кубань, даже не предупредив об этом своевременно Атамана, предоставившего Дон как базу для формирования Добровольческой Армии и несмотря на то, что вожди ее в своей декларации от 27 декабря 1917 г. обещали "защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давшим им приют".

После смерти Атамана Каледина, ген. Корнилов в надежде на помощь Дона в количестве 2000 вооруженных казаков, обещанных Атаманом Назаровым примерно в течение 10 дней обещал ему задержаться в Ростове. Однако 5 февраля без предупреждения Атамана Назарова командованием Добровольческой Армии было принято решение об оставлении Ростова 9 февраля. Атаман Назаров узнал об этом случайно, когда поехал в Ростов к ген. Корнилову 7 февраля, чтобы предупредить его, что Дон кроме небольших партизанских отрядов ничего больше в настоящее время дать не может и сам нуждается в помощи, а потому не может больше задерживать Добровольческую Армию, если она решит оставить Ростов. Тогда 7 февраля Атаман Назаров с ген. Корниловым наметили общий план дальнейшей борьбы, по которому Добровольческая Армия оставляет Ростов 9 февраля, а донские партизанские отряды Новочеркасск II-го. Добровольческая Армия, оставив Ростов и задержавшись в станице Ольгинской, идет в астраханские степи, базируясь на станцию Торговая, а партизаны

оставив Новочеркасск, идут в Задонье, базируясь на станицу Константиновскую, предварительно разгромив красных у Новочеркаска. В дальнейшем обе армии поддерживают между собой связь и ждут пробуждения Дона, совершая иногда набеги в разных направлениях. Походный Атаман ген. Попов не совсем согласился с этим планом и предложил Атаману Назарову свой, почти аналогичный, но без боя с красными у Новочеркаска. План принятый ген. Назаровым и Корниловым вероятно был принят без ведома и согласия других старших начальников Добровольческой Армии и у них уже до оставления Ростова были разногласия в выборе направления движения после оставления города. По крайней мере ген. Деникин в своих "Очерках" пишет, что когда ген. Корнилов "отдал приказ отходить за Дон в станицу Ольгинскую, вопрос о дальнейшем направлении не был еще решен окончательно: на Кубань или в донские зимовники". В другом месте он пишет: "В Ольгинской разрешился наконец вопрос о дальнейшем плане нашего движения." Фактически же этот вопрос был решен окончательно не в Ольгинской, а в Мечетинской, где ген. Корнилов отдал приказ свернуть на Кубань.

Какого мнения в Ростове держался ген. Алексеев - неизвестно, но в своем письме близким из Ростова он писал: "Мы уходим в степи..!" тогда как в Ольгинской он прямо говорил о Кубани и кавказских горах. Видимо в Ростове большинство склонялось к походу в донские или астраханские степи.

Ростов был оставлен не 9 февраля, а в ночь на 9-ое. 9-го же Атаман Назаров созвал особое Донское совещание по вопросу оставления Новочеркаска и дальнейшего плана борьбы. На совещании было предложено два плана: план Атамана Назарова заключался в перенесении деятельности Круга в Константиновскую; вооруженным силам ставилась задача воссоздания Большого Круга для возрождения через него казачества. Для этого сосредоточивание всех сил для удара против красных подходящих к Новочеркасску с севера и дальнейшее движение на Константиновскую. Сам Атаман Назаров намеревался вести партизан против красных. По свидетельству ген. Попова: "план этот отличался необычной простотой, был полон рыцарского порыва, чрезвычайно смелый и картинный". Никто из н-ков партизанских отрядов против этого плана не возражал. Второй план предложил ген. Попов, рекомендовавший не рисковать последним ядром будущей армии, а увести партизан в такое место, где они оставались бы вне всякой зависимости от станиц, т.е. в задонские коннозаводческие степи, где пользуясь местными средствами держаться до пробуждения казачества, что будет вероятно весной. В итоге был принят этот последний план, против которого не возражал и Атаман Назаров.

В Новочеркасске, в это время, представителем штаба Добровольческой Армии был ген. Лукомский, который безусловно сообщил ген. Корнилову о принятом плане. По причинам того, что Круг колебался уходить или остаться на милость победителя, оставление города назначенное на 11 февраля было перенесено на 12-ое, Атаман Назаров дал слово быть с Кругом до конца и что "если суждено погибнуть так, как завещал покойный Атаман Каледин, сказавший, что выборный Атаман не смеет покидать свой пост", 12 февраля приказал Походному Атаману ген. П.Х. Попову вывести партизан из города, отвести в задонские степи, чтобы там, не прерывая борьбы с большевиками сохранить до весны здоровое и боеспособное ядро.

Все это как будто не имеет отношения к Ольгинскому спору, но свидетельствует о том, что по причинам морального характера, как Атаман Назаров не мог покинуть Новочеркасск, имея на то все возмож-

ности, так и Походный Атаман, помимо его глубокой веры в скорое пробуждение казачества, не мог покинуть Дона, ибо он Походный Атаман назначенный Войсковым Атаманом, утвержденный Кругом, получив приказ Войскового Атамана, одобренный тем же Кругом идти в донские степи, не мог "выбирать" нового направления. Его уход с Дона был бы бегством, дезертирством, которых история Дона ему никогда бы не простила. Оставаясь в пределах Дона, он спасал его честь, как ген. Алексеев и Корнилов создав Добровольческую Армию, спасли честь России. Но они могли находиться на любом месте русской земли, на Дону, на Кубани, на Волге, ген. же Попов должен был сохранить непрерывность борьбы Дона с большевиками на донской земле. Пока готовилось оставление Новочеркаска, Добровольческая Армия, начиная с 9 февраля, начала сосредотачиваться в ст. Ольгинской. Там ген. Корнилов, еще до оставления Новочеркаска, в силу принятого им с Атаманом Назаровым, отдал соответствующее распоряжение о выдвижении авангардов Добровольческой Армии в направлении донских степей. Оно вызвало протест со стороны ген. Алексеева, как Верховного руководителя Добровольческой Армии. Ген. Деникин по этому поводу пишет в "Очерках русской смуты": "Корнилов был склонен двинуться в Сальский Округ Донской Области, некоторые распоряжения уже были сделаны. Обеспокоенный этим ген. Алексеев 12 февраля писал Корнилову: "В настоящее время в связи с потерей главной базы армии - Ростова, в связи с последним решением Донского Войскового Круга и неопределенным положением на Кубани - встал вопрос о возможности выполнения тех обще-государственных задач, которые себе поставила наша организация. События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 ч. положение рисуется в таком виде: Атаман слагает свои полномочья; вся власть переходит к Военно-революционному Комитету; Круг вызвал в Новочеркасск революционные казачьи части, которым вверяет охрану порядка в городе; Круг начал переговоры о перемирии; ст. Константиновская и весь север Области в руках Военно-революционного Комитета; все части (главным образом партизаны) не пожелавшие подчиниться решению Круга, во главе с Походным Атаманом и штабом сегодня выступают в ст. Старочеркасскую для присоединения к Добровольческой Армии. Создавшаяся обстановка требует немедленного решения не только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера.

Из разговоров с ген. Эльснером и Романовским, я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от Великокняжеской. Считаю при таком решении невозможно ни только продолжение нашей работы, но даже при необходимости и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей.

В зимовниках отряд очень скоро будет стеснен, с одной стороны разлившейся р. Доном, а с другой ж.д. Царицын-Торговая-Тихорецкая-Батайск, причем все ж.д. узлы и выходы грунтовых дорог заняты большевиками, что лишает нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уж о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Т.к. подобное решение выходит из плоскости чисто военной операции; необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направления ее деятельности. Прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц стоящих во главе организации с их ближайшими помощниками."

Обращает на себя внимание недостаточная осведомленность ген. Алексеева о происходящем в Новочеркасске и преувеличенные страхи пе-

ред пребыванием в задонских степях. Атаман Назаров хотел, но не сложил своих полномочий, о переходе власти к В.-Р. Комитету не было и речи, партизаны не отказывались подчиняться Кругу, а Походный Атаман уведя их из Новочеркасска, выполнял директиву Войскового Атамана, одобренную Кругом, и они выступили не для присоединения к Добровольческой Армии, а для ухода в задонские степи. В своих расчетах ген. Алексеев не принял во внимание возможности восстания донских казаков, а пополнение Армии людьми предполагал только из центра России, что уже прекратилось в конце 1917 г.

Совещаний по вопросу дальнейшего движения Добровольческой Армии в Ольгинской состоялось несколько позже.

О совещании, созванном ген. Корниловым, согласно письму ген. Алексеева, ген. Деникин пишет: "На военном совете собранном в тот же день (12 февраля, А.П.) мнения разделились. Одни настаивали на движении к Екатеринодару, другие, в том числе Корнилов, склонялись к походу на зимовники." Далее ген. Деникин пишет: "Помимо условий стратегических и политических, это второе решение казалось весьма рискованным и по другим основаниям." "Степной район пригодный для мелких партизанских отрядов представлял большие затруднения для жизни Добровольческой Армии с ее 5000 ртов. Зимовники значительно отдаленные друг от друга не обладали ни достаточным числом помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелким частям разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район, кроме зерна (немолотого), сена и скота не давал ничего для удовлетворения потребностей Армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили бы нас в покое и не постарались бы уничтожить по частям распыленные отряды."

"На Кубани - на оборот; мы ожидали встретить не только богато обеспеченный край, но в противоположность Дону сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвой... Наконец, уцелевший от захвата большевиками центр Екатеринодар давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу..." и поэтому "... принято было решение идти на Кубань."

"Однако - пишет дальше ген. Деникин - на другой день вечером (13 февраля, А.П.) обстановка изменилась..."

Ген. Лукомский в своих "Воспоминаниях" пишет, что приехав в Ольгинскую из Новочеркасска 12 февраля, после разговора с ген. Алексеевым вынес впечатление, что последний "считает положение серьезным и начинает думать о том, что как бы спасти офицеров и дать им возможность "распылиться". "Наша задача - говорил он, прежде всего должна заключаться в том, чтобы вырваться из кольца, которое образуют большевики. Эти настроения были и среди других чинов командования Добровольческой Армии." О них знал Походный Атаман еще 11 февраля из доклада ездивших в этот день из Новочеркасска в Ольгинскую, по собственной инициативе редактора газеты "Вольный Дон" Виктора Севского и по поручению н-ка Штаба Походного Атамана полк. Сидорина и чиновника для особых поручений Особого Отделения А.Падалкина.

В.Севский беседовал с ген. Корниловым о дальнейших планах борьбы. Посетил он в Ольгинской и ген. Алексеева, Маркова, Эльснера, Романовского и других.

Падалкин ездил с поручением выяснить настроение чинов Добровольческой Армии после оставления Ростова и беседовал не только с рядовыми добровольцами но и рядом офицеров, занимающих ответственное положение: ген. А.П.Богаевским, ген. Кисляковым, членом Государствен-

ной Думы Половцевым и др.

По сосредоточению донских партизанских отрядов в Старочеркасске 13 февраля ген. П.А.Попов, приказав начать переправу через Дон, рано утром а сам в сопровождении своего адъютанта полк. Кучерова и взвода юнкеров уехал на свидание с ген. Корниловым в Ольгинскую, чтобы лично переговорить о дальнейшем направлении движения Добровольческой Армии и о дальнейших ее целях. На этом свидании, по свидетельству полк. Кучерова, ими было решено, что донской отряд наносит удар на Великокняжескую и занимает степной район фронтом на Царицын, а Добровольческая Армия, заняв Торговую, поворачивает фронт на Тихорецкую. В таком положении оба отряда остаются до весны, чтобы произвести необходимую реорганизацию, пройти с молодежью курс обучения, пополнить запасы и таким образом подготовиться к предстоящим весенним боевым операциям. Ген. Корнилов просил Атамана Попова снова приехать в 6 ч. вечера на совещание старших начальников Добровольческой Армии.

Ген. Попов, вернувшись в Старочеркасскую, лично проверив успешность переправы через Дон и дав дальнейшие указания, в 4 ч. снова уехал в Ольгинскую в сопровождении н-ка своего штаба полк. В.И.Сидорина, ес. Сутулова, состоявшего при штабе и чиновника для особых поручений Особого Отделения А.Падалкина и взвода юнкеров под командой ес. В.Крюкова. На совещании были ген. Попов и полк. Сидорин, остальные находились в соседней комнате и многое из того, что говорилось на совещании, слышали.

После утреннего свидания Походного Атамана с ген. Корниловым, видимо по настоянию сторонников Екатеринодарского направления, как пишет ген. Лукомский ("Воспоминания") "... в 12 ч. дня ген. Корнилов назначил совещание старших начальников Добровольческой Армии. На нем присутствовали: ген. Алексеев, Романовский, Лукомский, Марков, Богавский и несколько строевых офицеров. Ген. Деникин "по болезни" отсутствовал." О чем шла речь на этом совещании ген. Лукомский ничего не пишет. И вероятно по ошибке указывает, что к 2-м ч. на это совещание прибыл Атаман Попов и по просьбе ген. Корнилова информировал собравшихся об оставлении Новочеркасска, о судьбе Атамана Назарова и о силах партизан. Ген. Корнилов предложил ему "присоединить его отряд (партизан - А.П.) к Добровольческой Армии". Но ген. Попов просил "первоначально выяснить первоначальные намерения ген. Корнилова и направление движения Добровольческой Армии, но что он со своей стороны должен определенно заявить, что донской отряд не может покинуть территорию Дона" и что он считает, что обоим отрядам лучше всего, прикрываясь с севера Доном, который скоро станет трудно проходимым, переждать события в районе зимовников, где много хлеба, фуража, лошадей, скота и что из этого района можно развивать партизанские действия в любом направлении". Ген. Корнилов на это ответил, что он "по соглашению с ген. Алексеевым предлагает двинуться на Екатеринодар. Но что вследствие заявления ген. Попова, он предлагает еще раз обсудить этот вопрос и просит желающих высказаться... Ген. Алексеев на это заявил, что вряд ли встречается необходимость вновь обсуждать этот вопрос", но по свидетельству ген. Лукомского, первый стал защищать Екатеринодарское направление, закончив тем, что "Добровольческая Армия во всяком случае будет в силах дойти до кавказских гор и там, если обстановка потребует, можно будет ее распустить, дав добровольцам денег и предложив им самостоятельно, через кавказские горы, пробираться кто куда пожелает или будет в состоянии."

После ген. Алексеева, ген. Лукомский говорил в защиту "Степно-

го направления": "лучше всего поступить так, как предлагает Походный Атаман Войска Донского, т.е. пока перейти в район зимовников". Ген. Алексеев сделал попытку уговорить ген. Попова отказаться от "Степного направления", т.е. не выполнять приказ Войскового Атамана Назарова, и вместе задонских степей увести партизан на Кубань. По свидетельству ген. Лукомского, ген. Алексеев ставил вопрос - либо "поднять" Кубань, либо распустить Добровольческую Армию. А ген. Попов считал своим долгом "поднимать" Донское Войско, не думая о роспуске партизан.

После речей ген. Алексеева и Лукомского, находившиеся в коридоре офицеры штаба Походного Атамана слышали как ген. Попов, когда кто то еще хотел говорить по этому вопросу, сказал: "Вы, господа, можете обсуждать этот вопрос как хотите и сколько хотите - а я не могу. Я все сказал, выслушал ваши мнения, с Екатеринодарским направлением согласиться не могу. Мои партизаны в тяжелых условиях переправляются через Дон, я должен быть там, а потому разрешите откланяться". Ген. Корнилов, по свидетельству ген. Лукомского, на это сказал: "он не может не согласиться с правильностью замечаний ген. Лукомского, но не считает правильным идти в район тех зимовников у Дона, на которые указывает ген. Л." и "решает пока идти с Армией в район к западу от Великокняжеской (т.е. район станции Торговой - А. П.), который так же богат лошадьми, скотом, хлебом как и район северных зимовников (т.е. задонские степи - А.П.), и что там приведет Армию в порядок и затем, вероятно, пойдет на Екатеринодар."

Как видно, ген. Корнилов не совсем отказался от плана принятого как с Атаманом Назаровым в Ростове, так и с Походным Атаманом на утреннем совещании, но до какой то степени успокоил и ген. Алексева относительно Екатеринодарского направления.

Сам же ген. П.Х.Попов в своем очерке о Степном Походе ("Донская Волна", 1918 г., Ростов на Дону) пишет, что ранним утром он "поехал в Ольгинскую, чтобы лично переговорить с ген. Корниловым и Алексеевым о направлении и движении Добровольческой Армии и о дальнейших целях". По этим вопросам ген. Алексеев указал ему "вполне определенно, что Добровольческая Армия идет на Кубань для сближения с пополнениями, которых Дон не дал ей. Кроме того, на Кубани Армия рассчитывала получить некоторые денежные средства... Ген. Корнилов сообщил более подробные сведения. По его словам Армия идет на Екатеринодар, где ген. Эрдели собрал уже для Армии пополнения до 2000 человек" (при соединении Добровольческой Армии с Кубанской, выяснилось что у ген. Эрдели его не оказалось - А.П.)... В Екатеринодаре Армия должна сделать остановку, чтобы отдохнуть, реорганизоваться, одеться и, в зависимости от обстановки, взять то или иное направление... Добровольческая Армия достаточно сильна и если ощущает нужду, так это в коннице и частично в артиллерийских снарядах... Движение Армии уже началось, авангард ген. Маркова из Хомутовской 14 февраля выступает на Мечетинскую, а главные силы под командой ген. Деникина переходят в Хомутовскую..."

На вопрос ген. Попова: "идет ли Добровольческая Армия на Кубань по зову кубанских казаков или лишь по соглашению с кубанским правительством", Корнилов ответил, что "незадолго перед этим с Кубани прибыли два разведчика Добровольческой Армии и сообщили, что на Кубани можно рассчитывать на более сочувственный прием чем на Дону". Ген. Попов выразил сомнение по поводу уверенности ген. Корнилова по причине "большой пестроты населения на Кубани, с одной стороны, и потому что по достоверным сведениям его штаба зараза большевизма уже

сделала свое дело и на Кубани".

Ген. Попов предложил изменить принятый Добровольческой Армией план действия в таком смысле: Армия повернет в задонские степи и здесь, вдали от жизненных центров ижд., от которых красные в то время не рисковали далеко отрываться, отдохнет, организуется, пополнится людьми и конским составом и спокойно выждет, пока казачество переболеет и само обратится с просьбой о помощи. "Ждать этого долго не придется, т.к. весна и начало полевых работ произведут радикальный переворот в душе казака... за эти полтора-два месяца отдыха не только возможно наладить пополнение Армии, но и сама обстановка покажет - двигаться ли Добровольческой Армии на Кубань, работать ли на Дону или идти на Царицын, Волгу и т.д." Далее ген. Попов пишет, что он "рассеял сомнения ген. Корнилова относительно задонских степей, что там Армия найдет и достаточно места для расположения и хлеб и скот, а что касается боевых припасов, то добровольцам как и партизанам не привыкать добывать их у врага и в данном случае на Торговой, по сведениям его штаба в изобилии находятся большие склады обмундирования, белья, обуви... операцию на Торговую можно выполнить одновременно с его ударом партизанами на Великокняжескую... повидимому комбинация мною предложенная казалась Корнилову заманчивой и вполне приемлимой и он просил меня снова в 6 ч. вечера приехать на общее совещание с участием старших начальников Добровольческой Армии... На прощанье Корнилов задал мне вопрос о подчинении ему войск Походного Атамана", на что ген. Попов "откровенно посоветовал ему этого вопроса не поднимать и не обсуждать, чтобы неосторожным шагом не давать пищи выступлениям агитаторов и не смущать казаков, которых все время запугивали именем ген. Корнилова, обещая в то же время, при совместных действиях в пределах Донской Области всегда и полностью сочетать свои действия с командованием ген. Корнилова."

О втором совещании в тот же день ген. Попов пишет: "На обсуждение было поставлено мое предложение направить движение Добровольческой Армии не на Кубань а в задонские степи... Я снова повторил все соображения высказанные утром ген. Корнилову. Против моего предложения горячо возражал лишь один ген. Алексеев... В результате совещания было решено, что Добровольческая Армия из Мечетинской повернет на восток на зимовники Кутейниковых и далее для удара на Торговую, а мои войска через хутор Веселый по большому тракту на Казенный Мост, через р. Маныч для одновременного удара на Великокняжескую. При таком движении удаление колонн не превышало бы 20-30 верст и связь могла бы поддерживаться без затруднения... С таким решением Походный Атаман с полк. Сидориным, около 10 ч. вечера, выехали из Ольгинской прямо на хутор Арпачин. После "дипломатического" выступления ген. Корнилова, ген. Попов в силу высказываемых на совещании опасений о трудностях размещения, продовольствия и связи на зимовниках, прощаясь, обещал ген. Корнилову прислать "знатока", не только донских но и астраханских и ставропольских коневодств, который ознакомит его с тем, что представляют из себя эти зимовники. По дороге в хутор Арпачин, он как всегда не очень распространяясь, сказал: "Не понимают обстановки. Не знают куда им идти, и что то мудрят... Договорились, но могут и не пойти в степи, если их возьмет "в оборот" ген. Алексеев. Ну что ж - не пойдут, пойдём сами... жаль, но не страшно..."

"Не страшно" ему было потому, что он верил в скорое выздоровление донцов.

Ген. А.П. Богаевский, присутствовавший на совещаниях, в своих воспоминаниях о Кубанском походе пишет: "В Ольгинской был решен во-

прос о дальнейшем движении в задонские степи, на зимовники. Корнилов принял это решение без ведома ген. Алексеева. Последний узнав об этом настоял на том, чтобы был собран военный совет старших начальников для деятельного обсуждения этого вопроса.

Мнения на совете разделились. Большинство стояло за движение на Кубань... Лишь меньшинство (в том числе Корнилов и я) верило в то, что Дон скоро поднимется, испытав на себе всю прелесть советской власти, а потому не стоит идти так далеко, не зная еще точно - как нас встретят на Кубани. Опасения в том, что на богатых зимовниках мы не разместимся и будем голодать, казались нам не основательными и надежда на соединение с Походным Атаманом, который двигался туда с донцами, еще более укрепляло нас в мысли о целесообразности движения на зимовники. Однако победило первое мнение, решено было идти на Кубань." Видимо ген. Богаевский не разбирает всех заседаний, а дает общую сводку.

"Вечером 13 февраля, продолжает он дальше, в Ольгинскую прибыли Походный Атаман ген. Попов со своим н-ком штаба полк. В.И.Сидориним." "И тому и другому судьбой было суждено сыграть крупную роль в дальнейшем ходе борьбы донского казачества, но еще не настало подвести итоги их деятельности. Не мало нареканий, может быть не вполне справедливых, вызвала она и дело беспристрастной истории разобраться в этом и сделать свой приговор. Но в этот первоначальный период - историческая заслуга Походного Атамана и его н-ка штаба несомненна: ген. Попов хотя и не имел никакого боевого опыта, будучи во время Великой войны н-ком Новочеркасского Военного Уч-ща, но не отказался встать во главе тех офицеров и казаков, которые смело решились на открытую борьбу с большевизмом. В эти страшные дни растерянности и упадка духа "степняки" спасли честь донского казачества (как добровольцы - честь русской Армии), доказав, что не все донцы решили держать "нейтралитет". Стряд ген. Попова был невелик, боевые действия его были незначительны, но в лице его сохранилось ядро, около которого впоследствии выросла Донская Армия..."

"Приезд ген. Попова и его убеждения склонили ген. Корнилова двинуть добровольцев на зимовники. Наш конный авангард, стоявший в Кагальницкой, по его приказанию был уже готов двинуться на восток. Однако ввиду все же затруднительности размещения по квартирам обоих отрядов ген. Корнилова и ген. Попова и снабжения их продовольствием, было решено не соединяться, а идти параллельными дорогами, поддерживая между собой надежную связь..." "За это время были получены более подробные сведения о районе зимовников, выяснившие бедность его средствами и жилыми помещениями, разбросанными на большие расстояния, что для нас было опасно в отношении связи. Это заставило Корнилова окончательно решиться на движение на Кубань.

Походному Атаману было послано предложение присоединиться к нам и идти дальше вместе. Ген. Попов не согласился на это, мотивируя свой отказ желанием донцов не уходить с Дона и дожидаться на зимовниках его пробуждения..."

В вопросе жилья и продовольствия ген. Корнилов был введен в заблуждение, т.к. в действительности в зимовниках, как донских так и астраханских, было изобилие как продуктов питания для людей, так и фуража для животных. Кроме того были значительные конские табуны, большие отары овец и гурты рогатого скота. Почти все зимовники были относительно благоустроены и многие из них имели ветряные мельницы, а некоторые и паровые. Было не мало зимовников расположенных по 2-3 вместе с достаточным количеством построек, правда не всегда приспособленных для жилья. А дело шло к весне. Были зимовники далеко отстоя-

щие друг от друга, но между ними попадались поселки. Почти на всех зимовниках были не только значительные табуны лошадей, но были и лошади уже предназначенные для сдачи в Армию.

Советская литература, как правило, все то, что было до советской власти, старается все значительно преуменьшить и тем не менее в советском "Альбоме пород лошадей в С.С.С.Р." (изд. "Сов. Хозяйственная литература") сообщается, что "к 1910 г. в задонских степях насчитывалось 145 "конзавсдов", с поголовьем свыше 83000 лошадей" и что "количество лошадей сдаваемых в ремонт армии с каждым годом возрастало" и что "с каждым годом улучшалось оборудование зимовников и росло количество построек для рабочих". Эти данные вероятно никому в штабе Добровольческой Армии известны не были, но их хорошо знал Походный Атаман и поэтому не боялся задонских степей.

Заявление же ген. Корнилова на вечернем совещании 13 февраля о желании движения в задонские степи, хотя оно и не было совершенно определенным, но оно вызвало тревогу в среде сторонников Екатеринодарского направления и они стали в частном порядке уговаривать ген. Корнилова изменить свое решение и вести Армию на Кубань.

Ген. Деникин по этому вопросу пишет, что приехавшие Походный Атаман и его н-к штаба "Убедили Корнилова идти на зимовники. Наш конный авангард, стоявший у Кагальника, получил распоряжение свернуть на восток... Поднявшись с постели я пошел в штаб отвести душу. Безрезультатно. Некоторое колебание однако посеяно: решили собрать дополнительные сведения о районе..."

Жаль, что он не указывает каким путем собирались эти сведения.

После отъезда ген. Попова и полк. Сидорина совещание генералов как будто закончилось, однако по свидетельству ген. Лукомского, когда он, придя к ген. Корнилову, увидет, что "за столом сидели те же лица, кои были на совещании, не было только ген. Попова и полк. Сидорина" и "вновь не было ген. Деникина, который будучи болен, прилагать сказать, что придти не может", что при его входе ген. Корнилов сказал, что "ген. Алексеев просил нас собраться и вновь обсудить вопрос относительно наших дальнейших планов" и просил ген. Алексеева повторить то, что было сказано до прихода ген. Лукомского. Ген. Алексеев сказал: "Всего дня днем ген. Лукомский сделал несколько замечаний относительно решения идти на Екатеринодар. Они были приняты к сведению и командующий изменил свое первоначальное решение идти на Екатеринодар. Правильность нового решения мне кажется следует пересмотреть и я просил ген. Корнилова собрать нас снова." Потом ген. Алексеев вновь стал защищать необходимость идти на Екатеринодар и что "нового он ничего не сказал! На предложение ген. Корнилова ответить ген. Алексееву, ген. Лукомский тоже ответил, что он тоже не может "прибавить ни одного слова к тому, что им было уже сказано" в защиту донских степей. После этого "семейного спора" и непродолжительных прений ген. Корнилов, как пишет ген. Лукомский, сказал, что "решения принятого он не меняет, но что ко времени подхода Армии к Егорлыцкой выяснится - идти ли к Великокняжеской или повернуть на Екатеринодар". Как видно горячим противником задонского направления был ген. Алексеев, к нему примыкал ген. Деникин и вероятно другие. За "Степное направление" определенно были ген. Корнилов, ген. Лукомский, ген. Богаевский и вероятно другие.

Спор доходил даже до интриг, так например по свидетельству ген. Лукомского, как не занимавшего в это время никакой должности, на совещании, о котором только что шла речь, его не пригласили. Это обстоятельство н-к штаба Армии ген. Романовский объяснил ему "недоразумением", что настоящие обидчики Лукомского, что он под видом команди-

ровки в Екатеринодар ушел из Добровольческой Армии.

Спор о дальнейшем движении Добровольческой Армии несомненно продолжался среди командования и после ее выхода из Ольгинской и закончился лишь в Егорлыцкой.

По плану принятому ген. Поповым и Корниловым на утреннем свидании 13 февраля, они должны были подвести свои войска к определенному сроку так, чтобы одновременно атаковать Великокняжескую и Торговую. Поэтому Походный Атаман, дав дневку в хуторе Арпачине для реорганизации отрядов, т.е. потеряв день, и чтобы его наверстать ведет партизан из Арпачина форсированным маршем прямо на хутор Веселый в 65 верстах от Арпачина.

Но одновременно с этим, по каким то причинам, Добровольческая Армия к станции Торговая не спешит: ген Деникин в "Очерках" пишет: "Мы шли медленно, останавливаясь на дневки в каждой станице. От Ольгинской до Егорлыцкой 88 верст шли 6 дней... При условии направления в зимовники, такая медлительность была бы полне понятна..." Об этом ген. Попов узнает в хут. Веселом, да и то случайно от приехавшего в Степной отряд пор. Дроздовского, который был командирован ген. Корниловым к ген. Попову с просьбой отпустить для Добровольческой Армии тротильных капсулей для подрывной команды, которых у нее не оказалось. Атаман Попов, несмотря на то, что не очень был ими богат, распорядился их дать из тех запасов, которые были в распоряжении н-ка артиллерии ген. Астахова от Константиновской дружины и кроме того дает пор. Дроздовскому партизанский конный взвод под командой ес. Б.В.Кульгавова и не только для охраны посылаемого, но и поручает Кульгавову, как коннозаводчику, дать ген. Корнилову (как это было обещано ген. Поповым в Ольгинской) все справки о положении и состоянии донских и астраханских коннозаводствах, о путях движения в степи а также и по тем вопросам, кои могли бы быть полезны ген. Корнилову при движении на Торговую. "Попутно, как пишет ген. Попов в своем "Очерке о Степном Походе", ес. Кульгавов должен был выяснить ген. Корнилову о создавшемся твердом казачьем настроении в калмыцких станицах, выражающимся в полной готовности калмыков вступить в открытую борьбу против советской власти, лишь бы им дали оружие."

В силу медлительного движения Добровольческой Армии, Атаман Попов, чтобы подравнять движение своего отряда с добровольцами, дает партизанам трехдневный отдых в хуторе Веселом.

Ес. Кульгавов и пор. Дроздовский "нагнали" добровольцев в Мечетинской и Кульгавов успел вернуться на хутор Веселый, не привезя от ген. Корнилова никаких изменений в плане принятом в Ольгинской. Но сообщил, что в Добровольческой Армии сообщение о настроении калмыков приняли с недоверием и даже не обратили на него внимания и это тогда, когда у сторонников Екатеринодарского направления "кубанские надежды" были проблематичны, а калмыцкие у ген. Попова были реальны, что получило подтверждение через некоторое время.

Вместе с ес. Кульгавовым на хутор Веселый приехал и специальный посланный ген. Алексеева. Он привез письмо от него Походному Атаману, из которого, как писал ген. Попов в своем "Очерке", стало ясно, что в силу каких то обстоятельств, план движения Добровольческой Армии в район зимовников для удара на Торговую одновременно с ударом партизан на Великокняжескую, как это было окончательно решено 13 февраля в ст. Ольгинской, изменен и что Добровольческая Армия круто повернула на юго-запад - в Кубанскую Область.

"В своем письме ген. Алексеев убеждал Походного Атамана также изменить свое решение и повернуть к Добровольческой Армии."

"Вместе с письмом ген. Алексеева как к Походному Атаману, так и к целому ряду других лиц было письмо бывшего Донского Областного Предводителя Дворянства А.Н.Леонова, который в хуторе Арпачине пытался свергнуть Походного Атамана Попова и заменить его полк. Мамантовым, чтобы увести партизан в Добровольческую Армию, а после неудачи этой попытки, бежавшего в Добровольческую Армию." Это тот самый Леонов, который в Новочеркасске предлагал П.Х.Попову свергнуть силами юнкеров Атамана Каледина и самому занять его место, а в Старочеркасской вел пропаганду среди партизанских н-ков за присоединение партизан к добровольцам.

"В этих письмах Леонов также уговаривал партизан повернуть в Добровольческую Армию. За Походным Атаманом и его н-ком штаба А.П. Леонов "гарантировал" "сохранение официального положения и подобающее место в истории, а Степной поход называл авантюрой. Походный Атаман хорошо знал взгляды и настроения своих партизан, но "по стародавнему казачьему обычаю собрал всех н-ков отрядов для ознакомления с создавшейся обстановкой и предложением ген. Алексеева. На совещании картина была освещена со всеми подробностями и все начальники высказались за мысль, что нам, донским казакам, нужно продолжать свою задачу - спасение Родного края, у себя на Дону, а не на Кубани и только полк. Мамантов бывший в то время отрядным комендантом, высказываясь первым, высказался за присоединение к Добровольческой Армии.

"С этого момента заманчивая мысль о совместных наших действиях с Добровольческой Армией в задонских степях отпала сама собой и партизаны уверенно пошли к намеченной цели самостоятельно."

Как видим, первые официальные сведения о повороте добровольцев на Кубань были сообщены ген. Попову не командующим Армией ген. Корниловым, а ее "духовным вождем" - ген. Алексеевым.

Почему это сделано - неизвестно.

"В ответном письме ген. Алексееву, ген. Попов высказал свое сожаление, что пути донских партизан и добровольцев неожиданно разошлись и как раз в тот момент, когда партизаны согласно плану намеченному в Ольгинской уже втянулись в бой, когда сама цель так близка и сообщил вполне откровенно общее мнение всех н-ков отрядов о невозможности соединиться с Добровольческой Армией при наличии местной донской задачи." Казалось, что этим вопрос был исчерпан. Однако, на другой день в хут. Веселом в отряде Походного Атамана появился корнет Левин, назвав себя лицом, якобы командированным ген. Алексеевым "уговаривать" Походного Атамана повернуть к Добровольческой Армии. Он, не явившись к ген. Попову, уговаривал партизан "бросить Атамана" и уходить в Добровольческую Армию. Это вынудило офицеров Атаманского отряда полк. Кагальницкого и офицерской боевой дружины полк. Гнилорыбова обратиться к Походному Атаману во избежание больших неприятностей принять меры против разлагающей пропаганды Левина. Ген. Попов приказал ему покинуть Отряд. Однако, ему при отъезде удалось "увлечь некоторые сердца в свой конвой на обратный путь". Это была небольшая группа полк. Биркина.

"Охота" за партизанами ген. Попова со стороны руководителей добровольцев некоторое время продолжалась и дальше. 23 февраля на зимовник Янова приехал разъезд Ген. Штаба кап. Ряснянского, до оставления Новочеркасска служившего в штабе Походного Атамана. Он привез письмо ген. Корнилова, в котором сообщалось, что "непредвиденные обстоятельства заставили его изменить направление" и предлагал соединиться к добровольцам. До 26 февраля кап. Ряснянский вел пропаганду среди партизан "рекомендуя бросить Атамана" и уходить в Добровольческую Армию.

Вечером 25 февраля ген. Попов, вероятно для того, чтобы проде-

монстрировать настроение партизан, созвал н-ков отрядов на совещание, на котором Яснрянский изложил предложение ген. Корнилова. Н-ки отрядов, все без исключения, ответили, что считают "более целесообразным оставаться в пределах Дона."

После совещания в тот же день ген. Попов дал кап. Яснрянскому общую ориентировку о его дальнейших планах и написал письмо ген. Корнилову в котором, как и ген. Алексееву, ясно и определенно писал, что он с донскими партизанами в силу приказа Атамана Назарова и настроения н-ков и партизан не может покинуть пределов Дона и должен оставаться в среде донского казачества, выжидать его пробуждения, в которое он глубоко верил.

При отъезде Яснрянского в Добровольческую Армию, Походный Атаман приказал Семилетову назначить в распоряжение Яснрянского в качестве конвоя конный взвод, который и был назначен из Мартыновской сотни под командой сотн. Нефедова, которому Походный Атаман приказал по выполнению задачи оставаться в Добровольческой Армии для связи.

При занятии Великокняжеской в одном из степных колодцев были найдены трупы брошенные туда большевиками ген. Складовского и кап. Роженко. Первый, при оставлении Новочеркасска был представителем Добровольческой Армии при Круге, а второй служил в штабе Походного Атамана. Оба были особенно доверенными лицами ген. Корнилова. По свидетельству ген. Деникина они покинули Добровольческую Армию в порядке распыления. Однако комиссия, которая была назначена Походным Атаманом для расследования их гибели, установила свидетельскими показаниями, что причиной их гибели было письмо ген. Корнилова Атаману Попову, посланное после оставления Ольгинской.

Последней связью ген. Попова с добровольцами был отряд полк. Лебедева, которого ген. Корнилов командировал на Волгу и в Сибирь, прося Атамана Попова оказать ему содействие. Отряд Лебедева ушел от партизан 16 марта, причем ген. Попов специально организовал его "прорыв" в расположении красных, окружавших донцов.

По свидетельству ген. Деникина, ген. Корнилов отдавая приказ о движении добровольцев на Кубань "в Мечетинской вызвал всех командиров частей, чтобы объявить им о принятом решении. Собралось много офицеров, каждый партизан имевший под командой 30-40 человек (в составе Партизанского полка) искал самостоятельности. Корнилов сухо, резко как всегда, изложил мотивы и императивно указал новое направление. Но взор его испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан: "Пойдут ли с Дона?"

Это показывает, что ген. Корнилов хорошо знал, что не "самолюбие" Атамана Попова заставило его остаться в пределах Дона и не только приказ Атамана Назарова, но и настроение донских партизан. Дальше ген. Деникин пишет, что "партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в душе их выбор уже сделан: идут с Корниловым."

Вопрос - почему донские партизаны, оказавшиеся в Добровольческой Армии, сделали этот "выбор" требует специального освещения. Ген. Деникин так его характеризует ("Очерки"): "Для нас (не-казачков - А. П.) Дон был только частью русской территории, для них (казачков - А. П.) понятие Родины раздваивалось на составные элементы - один более близкий, осязаемый, другой отдаленный, умоглядный..." Объяснялось это конечно тем, что Добровольческая Армия, грубо выражаясь "собранная с бору по сосенке", "всюду лезущая", состояла из людей значительное время оторванные от дома и родных. Поэтому ей было безразлично в какой точке защищать Родину, тогда как донские партизанские отряды на 90% состояли из казаков, 60% из коих совсем недавно вышли из

под опеки матери, сформировавшихся на Дону, где они родились, выросли и воспитывались, где каждая пядь земли была им родной, где была семья и дом. Они были у себя дома. Русская пословица говорит: "дома и стены помогают". Оставаясь на Дону, для защиты Дона, они рассчитывали не без основания на помощь всего казачества и не без основания считали, что здесь они защищают не только свою хату, свой курень, но и общее с Добровольческой Армией Отечество, которого они еще не успели познать, но чувствовали сердцем.

"Ольгинского спора" как и значения "Степного Похода" касались многие историки-мемуаристы не только в эмиграции, но и в С.С.С.Р. В. ст. П.Аврамов в своем дневнике, печатавшемся в "Донской Волне" в 1919 г. пишет: "Степной Поход очень мало освещен в печати, хотя значение его в истории Дона велико. В это время на Дону его немногочисленный отряд был единственным носителем казачьей идеи в степях, как Походный Атаман - хранителем Атаманской власти на Дону.

Поход не имел своих описателей, не привлек к себе внимание художников и после, не потому что в нем не было красок о нарядности подвига, как в Армии ген. Корнилова и блестящих побед, как теперь принято говорить. Но это неверно. В Степном Походе была одна блестящая и грандиозная победа - это сохранение ядра казачьей армии к моменту пробуждения казачества, когда понадобятся ему и опытные руководители офицеры и лихие герои-партизаны.

Заслуга вождей Степного Похода в искусстве маневрирования. Они отходя победили."

Ген. Оприц в своем труде "Лейб-Казачи 1917-1920" пишет: "как бы то ни было, но в споре, где на одной стороне были бывший Верховный Главнокомандующий всеми армиями Российского фронта ген. Алексеев и б. командующий Юго-Западным фронтом ген. Деникин, правым оказался как будто скромный начальник Новочеркасского Училища, обладавший весьма небольшим строевым цензом, при этом лишенный малейшего боевого опыта - ген. П.Х.Попов..."

"Ген. Попов верил в Дон, коему судьбой было предуказано быть базой всей борьбы с большевиками на юге России."

К близкой возможности всероссийского ополчения, когда вся Россия встанет как 300 лет тому назад, он относился, повидимому, скептически, как к далекой мечте, не забывая, что и в ополчении Смутного времени казачество играло одну из главенствующих и решающих ролей и не только как воинской силы, но и как основоположника начала великой Державной Российской Государственности."

"Поэтому ген. Попов не баялся опоздать к решительному часу перелома российских настроений, а задался лишь ограниченной целью сохранения жизни людей ему доверившихся для ожидающей их в отдаленном будущем работы."

Ген. Головин ("История Русской Контр-Революции") пишет: "Ген. Лукомский, предупреждая (об ошибочности расчетов) на немедленное восстание кубанских казаков был совершенно прав. Поэтому единственным правильным стратегическим решением было уйти в степи подальше от ж.д. и там ждать перемены настроения казаков..." "Прав был донской Походный Атаман Попов, приняв такое решение. Он сохранил кадры для будущего восстания... Кубань являлась типичным выявлением стратегии "прямого действия": по игре судьбы за подобное решение стоял стратегически мудрый и опытный ген. Алексеев. За стратегию "не прямого действия" стоял ген. Корнилов. Но важно не то, что Алексеев мог сделать ошибку, а Корнилов, несмотря на свой весьма импульсивный характер, мог принять осторожное решение. Важно то, что, вопреки тому, что решения

ген. Корнилова имели для Армии несравненно большее моральное значение чем решение ген. Алексеева, в жизнь все таки проводилось решение ген. Алексеева. Невольно возникает вопрос: почему же много мудрых решений ген. Алексеева отбрасывались и не исполнялись, а его редкая стратегическая ошибка проводится в жизнь и при этом, в редком случае Корнилов уступает будучи правым..."

Полк. Зайцев ("1918 год") пишет: "Будущее показало, что надежды Походного Атамана донцов оказались много реальнее..."

Ген. Н.Д.Невадовский в газете "Доброволец", в статье "Первые Походы" писал: "...психологически трудно было партизанам ген. Попова покинуть свой родной край. Они верили, что наводнение скоро пройдет. Присутствие на Дону Степного отряда способствовало подъему казаков и повстанческому движению в Области. Степной отряд стал носителем идеи свободы, хранителем "Атаманского пернача", призывал к борьбе и организовывал ее."

К.П.Каплюгин в "Донской Летописи" в статье "Степной Поход в За-донье 1918 г. и его значение", которая полностью печатается в настоящем номере, пишет: "Ген. Попов делал попытки задержать в пределах Области Добровольческую Армию, предлагая ей направиться в степи Сальского Округа..." "В жизни повстанческого казачьего движения одним из важнейших факторов является Степной Поход ген. Попова..."

М.Б.Нарбеков в своей статье в журнале "Вольное Казачество" пишет: "Ген. Попов старался сохранить идею родного казачества во имя лучшего будущего...", "... не будь где то в степях партизан ген. Попова, не было бы у населения надежды на поддержку и кто знает - какой оборот приняли бы события..."

Ген. Стариков в труде "Трагедия Казачества" пишет: "Если бы вместо поисков Добровольческой Армии ген. Корнилова, Кубанская Армия по оставлению Екатеринодара двинулась бы на Дон в поисках донского отряда Атамана Попова, возможно, что и ген. Корнилов, узнав об этом, повернул бы Добровольческую Армию, чтобы уйти с ней в астраханские степи, как того ему хотелось в Ольгинской. Степняки, кубанцы и добровольцы составили бы значительный ударный кулак и результаты всей гражданской войны были бы совершенно иными..."

Полк. С.Болдырев в журнале "Часовой" пишет, что "...план Походного Атамана был простой, основанный исключительно на знании психологии казачества. Он хотел сохранить ядро будущей армии до пробуждения Дона...", "... Степной Поход в самом его начале имевший чисто краевое значение в конечном результате вылился в большой масштаб белой борьбы, охватившей весь юг России..."

Ген. А.П.Богаевский в своей речи по случаю 15-тилетия первых Походов говорил: "Казачи гордятся тем, что первые защитники России пришли к ним, к казакам, и что часть казаков "ушла в поход под водительством Атамана Попова в степи, но и там они делали одно дело с добровольцами."

Л.В.Половцев в книге "Рыцари Тернового Венца" пишет: "Казачий нейтралитет был неожиданностью для создания Добровольческой Армии...; "этот нейтралитет был ненадежен и для большевиков...", что ген. Попов знал, что он не может продолжаться долго. Знал об этом и Корнилов. Было ясно, что казаки обмана большевиков не потерпят и не простят и следствием этого будет восстание казаков против них. Значит - нужно переждать. Но где ждать? Чтобы быть под рукой в случае необходимости - поэтому решено было вести армии Добровольческую и Казачью в южные безлюдные степи на границах Донской Области, Астраханской и Ставропольской губерний... Армии должны были следовать параллельно..." Но

"дошел слух... слух верный: на Кубани, как везде в России, ждут не дождутся какихнибудь чужих избавителей... Корнилов собрал совет. Долго спорили и обсуждали. Одна сторона требовала соблюдения соглашения с ген. Поповым, другая настаивала на необходимости немедленно повернуть на Кубань. Второе мнение одержало верх.

Ген. Денисов в своем альбоме "Белая Россия" пишет, что "Бытие Степного отряда сохранило приемственность Донской власти и дало право утверждать, что донское казачество не прекращало борьбы с советами, каковая была начата 26 октября 1918 г. ...", "Задача и смысл Степного Похода заключались в том, чтобы не порывая борьбы Дона с большевиками, сохранить до весны здоровое и боеспособное ядро, вокруг которого донские казаки (пробуждение которых с наступлением весны было вне сомнений) могли сплотиться, поднять оружие и выбросить насильников из родных станиц.

Руководители и организаторы Степного Похода, хорошо знавшие психологию и бытовые особенности казака, точно определяли время восстания Дона (через полтора-два месяца)."

Когда на Дону начались восстания, то для всех восставших являлось настоятельной потребностью отыскать Походного Атамана, в лице коего была единственная и законная власть на Дону до избрания нового Войскового Атамана.

Посланные гонцы к Походному Атаману доложили обстановку на берегах нижнего Дона и Степной отряд направился в район ст. Нижне-Курмоярской.

Эти выводы определяют смысл и значение Степного Похода..."

Такого рода свидетельств по поводу Ольгинского спора из эмигрантской, как мемуарной и исторической литературы, так и из периодической печати, можно было бы еще привести много, но ограничимся уже приведенными.

А вот, что говорят советские историки гражданской войны на Дону и ее участники:

Н. Какурин ("Стратегические очерки гражданской войны") пишет: "наибольшую опасность для советской власти на Дону в то время представляли донские партизанские отряды, которые Походный Атаман Донского Войска ген. Попов увел в задонские степи, откуда подготавливал и организовывал восстания донских казаков. С началом восстания он был первым главным руководителем этих восстаний..."

Н. Я. Иванов ("Корниловщина и ее разгром") пишет "Корниловщина" была придушена, но не разгромлена и с новой силой возродилась на Дону при Атамане Каледине. После его самоубийства и поражения ее на Дону, донскую "корниловщину" увел в степи ген. Попов, чтобы там собраться с силами и поднять казаков на борьбу с советской властью."

К. А. Жмелевский ("Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону"), нарисовав картину сопротивления казаков советской власти, начиная с половины марта 1918 г., пишет, что "... взоры казаков обращались в Задонье, где бродил сл. своими партизанами Атаман Попов", и что "в начале апреля 1918 г. на правобережье Дона появляются остатки банд Походного Атамана Попова." Дальше он рисует картину организации ген. Поповым "казачьего антибольшевизского движения на Дону".

С. Буденный ("Пройденный путь") пишет, что "... в станице Ольгинской белогвардейцы разделились на две группы. Генералы Алексеев и Корнилов направились на Кубань, а ген. Попов ... двинулся в Сальские степи. Он хотел показать, что Войско Донское есть и оно идет, чтобы ... истребить большевиков и прочих организаторов советской власти..."

О. Городовиков ("Воспоминания") пишет: "Ген. Попов не хотел ос-

тавлять Донскую Область, не хотел отступать с ген. Деникиным на Кубань, он надеялся организовать кавалерийские полки из казаков и калмыков и двинуть их против большевиков. Генерал говорил: тысячи лихих всадников, сотни тысяч лошадей у коннозаводчиков. Не надо много ума, чтобы понять, что это такая сила, против которой никому не устоять."

"Сальский Округ представлял для контр-революционеров хороший плацдарм для развертывания борьбы против советской власти: калмыцкое население грозило мужикам, говоря - погодите, скоро придет ген. Попов. Гелюны убеждали калмыков поступать в его отряды. Абуша Сарсинов предложивший свои услуги ген. Попову на хут. Веселом для борьбы с большевиками, вел агитационную работу среди калмыков."

Городовиков также пишет, что ген. Попов на станичном сборе в ст. Великокняжеской говорил: "Сейчас казак не хочет воевать ни против большевиков, ни за большевиков... В худшем случае если до весны большевики начнут теснить наши отряды, тогда наш путь не на Кубань, а в Астраханские степи..." Хлеба там мало, зато много конского мяса. К апрелю мы вернемся в Сальские степи. Начнется весна. Казак выйдет пахать и тут неизбежные раздоры казаков с иногородними: "где ты был, когда мой дед кровью завоевывал казачий земельный паек?" Используя этот раздор, мы пойдем казакам на помощь, да они и сами нас позовут. Так и случилось..."

Степной Поход, как возбудитель казачьих восстаний на Дону и положительную роль, с точки зрения успешной борьбы казаков с советской властью, Походного Атамана, как в казачьих восстаниях, так и правильность его решения остаться в пределах Дона, отмечают в своих литературных трудах М.Шолохов, Д.Петров (Бирюк) и ряд других советских писателей.

Дабы закончить историю Ольгинского спора, необходимо отметить, что донские партизанские отряды, оказавшиеся в Добровольческой Армии, в силу дисциплины, как отмечает ген. Деникин, известие о кубанском направлении в Мечетинской встретили спокойно, но с грустью, и полностью проделали весь Кубанский Поход, проявляя чудеса храбрости, что неоднократно отмечал ген. Корнилов, и что отметил ген. Деникин в своих "Очерках". Однако, по рассказам вернувшихся из Похода, они всегда помнили о покинутом ими Родном Крае. А после гибели ген. Корнилова, под впечатлением общего падения духа в Армии и двоекратного оставления на растерзание красным раненых, среди которых было немало донских партизан, в партизанских отрядах поднимался вопрос об уходе их на Дон на соединение с отрядом ген. Попова. Говорили, что вопрос этот был поставлен почти открыто в конных отрядах. Эти факты отмечает ген. Деникин и ес. Родионов. Последний пишет, что после оставления Гначбау в Армии больше всего занимались вопросом: куда их ведут вожди? "Но взоры и сердца всех старых добровольцев и особенно донских партизан устремлялись к северу, к светлым берегам негостеприимно проводившего их Дона."

А когда 16 апреля Добровольческая Армия окончательно взяла направление на Дон, добровольцы ожили, дух Армии поднялся. Слышались сожаления о том, что в свое время не послушались ген. Попова и не пошли в донские степи.

Ген. Деникин пишет в своих "Очерках", что после Екатеринодара Армия пошла на стык "трех республик", т.е. в район своего исходного положения, где начались восстания донских казаков, которые предсказывались Походным Атаманом. У ген. Деникина, как у одного из главных сторонников движения на Кубань, возможно из-за задетого самолюбия, в

отношении ген. Попова породилось неформальное чувство, которое сохранилось и за рубежом. Вспоминается случай проявления этого чувства на одном обеде участников первых Походов, на котором произносилось много речей, как "вместе рубились они..." Когда ген. Тарарин, через ген. Писарева попросил ген. Деникина дать ему слово, то последний ответил: "Дайте слово, но чтобы он не говорил о ген. Попове. Если будет говорить, я уйду с обеда." Ген. Тарарин от слова отказался.

Несмотря на то, что в эмиграции существует большое количество литературы, посвященной "Ольгинскому спору", иногда, однако, еще можно слышать от людей близко стоявших к ген. Деникину, что ген. Попов был таким "маленьким, что на это совещание его бы и не допустили". Что это не так говорит уже то, что он был Походным Атаманом Войска Донского, а это положение не маленькое. Полк. Зайцев в книге "1918 год" дает данные о возрасте в то время главных руководителей антибольшевицкой борьбы на Дону, как и данные об окончании Академии Ген. Штаба: ген. Алексеев - 60 лет, ген. Каледин - 55 лет, ген. Попов - 51 год, ген. Лукомский - 49 лет, ген. Корнилов - 47 лет, ген. Назаров - 46 лет, ген. Деникин - 45 лет. Ген. Каледин окончил Академию в 1889 г., ген. Алексеев в 1890 г., потом шли последовательно ген. Попов, ген. Лукомский, ген. Корнилов, ген. Назаров и ген. Деникин. Из этого следует, что после смерти ген. Каледина, старшим как по возрасту, так и по выпуску из Академии Ген. Штаба оставались ген. Алексеев и ген. Попов.

Вина за разделение двух армий, преследовавших одну и ту же цель, лежит не на ген. Попове. Он всегда сожалел о том, что ему не удалось убедить главных противников Степного направления. Тогда по его предположению и Кубанская Армия, оставив Екатеринодар, могла бы двинуться на север на соединение с донцами и добровольцами. Это могло позволить объединенным силам занять Царицын и оттуда угрожать большевикам в любом направлении. Об этом он писал в одном из своих писем из С.Ш.А., в котором он говорил, что "не имея связи с Екатеринодаром мы могли из степей, договорившись между собой, послать на Кубань одновременно от нас и от добровольцев несколько "гонцов", установить связь с Кубанской Армией и предложить ей идти на соединение с нами."

Может быть он был прав, но это уже дело историков и военных специалистов, когда у них будут все необходимые документы и будет писаться история гражданской войны на юге России.

А.Падалкин.

:--:--:--:--:--:--:

СТЕПНОЙ ПОХОД В ЗАДОНЬЕ В 1918 ГОДУ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Ворвавшийся 1 февраля 1918 г. в Новочеркасск во главе красных есаул Голубов прекратил существование на Дону казачьей власти и разогнал Войсковой Круг. Арестовав Председателя Войскового Круга Волошинова и Войскового Атамана А.М.Назарова, он подошел к осуществлению своей заветной давнейшей мечты к атаманству. Но мечта не осуществилась. Высшие руководители советской власти, использовав предательств-

во Голубова, устранили его от всякого участия в местной жизни.

Во главе управления Области стал Областной Совет Донской Республики, под председательством бывшего председателя Каменского военно-революционного комитета, вахмистра Подтелкова, Новочеркасском правил сподвижник Голубова, вахмистр Смирнов.

Вся Область покрылась сетью советских учреждений, а казачьи станичные и хуторские правления со станичными атаманами были упразднены. Для казачества наступило время для предметного изучения советского режима и большевизма. Борознившиеся против большевиков силы на юге: отряд добровольцев полк. Кутепова с участием донских партизан Семилетова и Назарова и несколько сотен казаков Гниловской станицы, на севере партизанский отряд полк. Чернецова, погибшего 22 января близ хутора Гусева, отходили под напором советских войск за Дон.

Там сосредоточились штабы Добровольческой Армии и Походного Атамана ген. П.Х.Попова. Ген. Корнилов намечал путь на Кубань: туда привлекало многочисленное казачье население, для которого советская власть была органически неприемлива, в силу уклада его жизни и исторических традиций, богатство населения хлебными запасами и борющийся за свою независимость Екатеринодар.

Ген. Попов со своим отрядом в 1500 человек направлялся в Задонье. Он решил остаться в пределах Области, на Донской территории и сохранить идею преемственности казачьей власти, среди казачьего населения, уверенный в поддержке и помощи этого населения и пополнения своего отряда, уверенный в скорое пробуждение казачества от большевистского наводнения. Ген. Попов делал попытки задержать в пределах Области Добровольческую Армию, предлагая ей направиться в степи Сальского Округа, изобилующие хлебными запасами, кормом для скота и лошадьми. В результате было решено произвести разведку этого края, а Армия двинулась в южные пределы Донской Области, в направлении станиц Хомутовской, Мечетинской, Егорлыцкой.

В Мечетинской станице были получены неудовлетворительные сведения о зимовниках и Корнилов дал приказ двигаться на Кубань. Перед тем, как уйти из Донской Области, ген. Корнилов предложил Походному Атаману ген. Попову присоединиться к нему.

Ген. Попов ответил отказом, мотивируя свое решение настроением отряда, нежелающего покидать пределы родного Дона и уверенного, что казачество не перенесет советской власти, восстанет против нее и сбросит ее в непродолжительном времени. Отряд будет ждать пробуждения казачества, оставаясь в его среде. Пути двух армий разошлись.

Для Добровольческой Армии между Доном и Кубанью не было никакой принципиальной разницы. Ген. Деникин в своих воспоминаниях отмечает, что Дон и Кубань для добровольцев были лишь частями русской территории. Для донских партизан ген. Попова - Дон был "Родным им краем", который им трудно было покинуть. Присутствие Степного отряда в Области должно ускорить и облегчить повстанческое движение.

Степной отряд нес идею казачьей самостоятельности, казачьей вольности, он шел с призывом к восстанию казаков против большевистской тирании. Ген. Деникин говорит, что Походного Атамана ген. Попова "честолюбие" удержало от подчинения Корнилову. Это показывает, что с точки зрения военной дробление военных сил, получившееся в результате принятого ген. Поповым решения, было неправильно, возможно, что разумность решения Добровольческой Армии, основанного на учете и расчете, стоит выше решения, основанного на вере и психологии отряда партизан но для казачества решение ген. Попова является таким понятным и жизненно правдивым.

Ген. Корнилов настаивал на присоединении отряда к Добровольческой Армии, полторы тысячи человек представляли в то время внушительную силу. После принятого решения в станице Мечетинской идти на Кубань, ген. Попову послано предложение о присоединении.

Для отряда ген. Попова уход добровольцев из пределов Области был делом не безразличным; ослаблялись антибольшевицкие силы в Области, подрывалась идея и значение присутствия значительной военной силы для поднятия и развития восстания казаков. Но кроме того с добровольцами уходили донские партизаны, образовавшие Партизанский пеший полк под начальством ген. А.П.Богаевского и конный партизанский отряд полк. Глазенапа. С донскими партизанами уходили донцы с известным именем в казачьих кругах. Кроме ген. Богаевского - полк. Краснянский, в.ст. И.П.Карташев, Боков, Власов, сподвижник Чернецова Курочкин, Р. Лазарев и другие.

Завоевавши Дон, советская власть сбросила с себя маску, отказалась от своего учения о "трудовом казачестве", которое уже сыграло свою предательскую и провокационную роль, открыто заявила о своих задачах и целях в казачьих землях.

Юрий Саблин, с циничной откровенностью, заявил депутатам Войскового Круга: "Казачество как таковое, должно быть уничтожено с его сословностью и привилегиями." Это было исходное положение советской казачьей программы (подробная программа разработана была позднее Центральным Комитетом Российской Компартии). Она рекомендовала:

1 - Самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромисы, никакая половинчатость путей не допустимы.

2 - Истребить поголовно богатых казаков и крестьян, провести беспощадный массовый террор по отношению вообще к казакам, принимавшим какое либо прямое или косвенное участие в борьбе против советской власти.

3 - Конфисковать хлеб и другие сельско-хозяйственные продукты.

4 - Переселить на Дон "крестьянскую бедноту".

5 - Уравнить пришлых иногородних с казаками.

6 - Провести полное разоружение казаков и расстреливать каждого, у которого будет найдено оружие после срока сдачи.

7 - В казачьих станицах оставлять вооруженные отряды.

8 - Комиссарам предлагается проявлять максимальную твердость и неуклонно проводить настоящее указание.

Эта коммунистическая программа и проводилась в жизнь советской властью с первого дня ее организации на Дону.

Истреблены: Волошинов, Назаров, М.П.Богаевский и другие видные вожди казачества, истреблено офицерство, казачья интеллигенция. Полились на Дону реки крови лучших сынов его. Задача "расказачить, истребить, терроризовать и населить крестьянскую бедноту, уравнить с иногородними" проводилась "твердо и неуклонно". Советский режим и его идеология оказались для казаков непереносимыми. Надежды Походного Атамана и его отряда сбылись раньше, чем предполагалось. По всей Области без предварительного сговора начались в разных местах восстания казаков, сначала в станицах и хуторах Черкасского Округа, затем в станице Суворовской, в казачьих поселениях по течению Дона вниз от Н. Чирской, во 2-м Донском Округе. Походный Атаман переходит у Н.-Курмоярской на правый берег Дона к повстанцам, присоединяется окружная Константиновская станица, поднимаются станицы по Дону, 1-го Донского Округа, наконец поднимаются северные Округа: Верхне-Донской, Усть-Медведицкий.

И всюду одна картина: появляется небольшая группа, дружины, связываются, объединяются, растут численно, дело переносится на хуторские и станичные сборы, там оно расширяется, крепнет. Объединяются хутора и станицы, организуют "Советы вольных хуторов и станиц", "Советы обороны Дона", назначаются руководители военной борьбы, создается власть, ведущая разными органами управления. Это движение, возникшее в самой гуще казачьего населения с аналогичными методами действия, по порыву, воодушевлению массы - является стихийным народным движением. Нет вождей с громким именем, нет предварительно разработанного плана, нет штабов вызвавших бы своей организационной предварительной работой.

К 28 апреля восставшие казаки овладели уже Новочеркасском, освободили большую часть Черкасского Округа, части I Донского, 2-го и Верхне-Донского Округов. Донецкий Округ очищен совместно с прибывшими в это время немцами, которые очистили от большевиков Ростовский и Таганрогский Округа.

Все повстанческое движение, все отряды и дружины находились под высшим командованием Походного Атамана ген. Попова, по распоряжению которого созывается в Новочеркасске Круг Спасения Дона, который организует казачью власть, выбирает Донского Атамана, устанавливает порядок в освобожденных местах и дает директивы на ближайшее будущее. В истории повстанческого казачьего движения, одним из важнейших факторов является Степной отряд ген. Попова. Он сохранил идею казачьей борьбы с советской властью. Он спас честь и знамя вольного казачества. Он служит связующим звеном между временем Каледина-Назарова и временем Краснова-Богоевского, он дает право утверждать: казачество не прерывало своей вооруженной борьбы с большевиками.

Предметный урок советского режима доказал органическую неприемлимость для казачества большевизма, вызвал взрыв стихийного, народного казачьего революционного движения. Великая вера в казачество жила в сердцах донских партизан Степного отряда, переносившего мужественно и терпеливо в безбрежных донских степях все физические и моральные страдания своего скитания, без крова и приюта, в холоде и голоде, под страхом быть раздавленными сильным и жестоким врагом, но и велика была радость дожидаться осуществления своей веры, такого яркого воплощения своей идеи, являвшейся единственной опорой и оправданием Степного Похода. Самый факт существования Степного отряда говорил о том, что казачество не умерло, не задушено, оно борется за свое существование. Эта мысль вселила бодрость, устранила апатию, упадок духа, рабскую подчиненность, звала к борьбе, к подвигу. Этим объясняется та быстрота, с которой началось восстание. Не прошло и месяца после установления по станицам и хуторам советов, как казаки уже изгнали представителей советской власти и приступили к восстановлению станичных и хуторских правлений и Атаманов. Больше того, когда начались восстания, они начались именно там, где бродил Степной отряд. Походный Атаман становится центром движения, центральной властью, он помогает и содействует восстанию.

К восстанию примыкают станицы и хутора, где появляется отряд, так поднялся правый берег Дона. Ген. Попов посылает полк. Мамонтова для организации повстанческого движения во 2-м Донском Округе. Он объединяет под своим командованием две вооруженные казачьи группы на Дону. Две группы против Александровск-Грушевска и Новочеркасска. Он ведет планомерную борьбу с красными войсками, всюду отступающими, под организованном воодушевленным напором повстанцев.

Все сделанное Степным отрядом ген. Попова ярко живет в благо-

них и черных - шароварах с лампасами, все, как один, в белых рубашках, туго стянутых в поясе узенькими наборчатыми ремнями, все в ярко начищенных сапогах и в новых, с альми околышами, фуражках... Винтовки на плечах, ничего лишнего из прочей амуниции - никаких сумок, одни поясные и нагрудные патронташи... Впереди офицер с обнаженной головой, идет, о чем-то глубоко задумавшись... А на правом фланге передней шеренги, на полголовы выше всех, хмуро шагает бородатый старик. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы заметить, что и одет и вооружен он был иначе, чем другие. Рубаха на нем была не белая, а цвета хаки, обычного военного образца, с новенькими синими, обшитыми красным шнурком по краям, погонами в отличие от всех своих соратников, погон не имевших. Поперек этих погон лежали две свеженьких, узкой белой тесьмы, лычки, обозначавших, что старик был в звании младшего урядника. Черный поясной ремень его был широк, толстой кожи с большой квадратной, желтой меди, начищенной до яркого блеска, бляшкой-застежкой, украшенной двуглавым орлом, как у пожарных. Пояс был гладкий, безо всякого набора из разрезанных вдоль пулек, плоских звездочек, полумесяцев и подковок, сверкавших серебром на узеньких поясках-пряжках молодых казаков, шагавших рядом... Широленные, по старой моде, шаровары темно-синего сукна, с кумачевыми полосами лампас, ниспадали из голенищ сапог, наполовину укрывая их... Кроме винтовки у старика была еще и пашка. Это обстоятельство вынудило его несколько нарушить общий порядок - винтовку он нес на правом, а не на левом плече. Иначе он поступить и не мог - пашку при ходьбе необходимо было придерживать левой рукой, чтоб не "тюлюпалась". Имея обе руки занятыми, старик, разумеется, не мог, идя, размахивать одной из них, как это делали все и этим он очень выделялся - шел, как связанный... И вот тут, даже не вглядываясь, можно было догадаться, что старик был никто иной, как Герман Минаич. И это был, конечно, он. А раз это был Герман Минаич - все остальное становилось ясным: хоронят сейчас Ефима Рассказова, молодого красивого казачка, живот свой положившего при защите родной станицы... И станица, тронутая такой великой жертвенностью одного из своих детей, благодарная и потрясенная - в первый раз умирал за нее казак в бою не где-то там, на краю света, за тридевять земель, а вот тут, рядом, в шести-семи верстах от нее! - вся вышла проводить убиенного на место вечного упокоения. Войско представлено было конной полусотней, специально собранной к этому дню и снятым позицией у Дона полувзводом "сосунков", в рядах которых сражался Ефим. Станицу представлял атаман со всем правлением и двенадцатью членами военного совета, во главе с его председателем - отставным майором Иваном Александровичем Каргиным - вот они все, толпясь, идут впереди пехоты... Сзади же конных, запрудив неширокую улицу, пла сама станица - старые казаки-домоседы - на обнаженных головах многих из них танцующими звездочками отражались солнечные блики, старухи в черных, траурных платках, молодые казачки, подростки, девушки, дети...

Перед гробом, поддерживая друг друга, идут родители убитого - Тихон Васильевич и Устинья Яковлевна. Мать беспрестанно покачивает головой из стороны в сторону, не отрывая большой, мокрой от слез, утирки от подбородка. И в этом молчаливом и страшном покачивании головы, в этой манере держать платок, было такое отчаяние, определить степень коего не представляется возможным... А выражение воспаленных все время слезящихся глаз! Нет, лучше не пытаться заглянуть в них, чтобы не отшатнуться в ужасе от отражающихся в них страданий и неопикуемых душевных мук...

Старик-отец не плачет. Низко опустив седую голову, с покрасневшими, но сухими глазами, сурово сдвинув брови, с бледным, измученным лицом, он пытается, время от времени, успокоить жену: "Ну, ну, Устюша!" - вполголоса говорит он. - "Будя, будя! Все одно, ничево не поделаешь... война-вить. Нонче Ефимушка, завтра - другой кто"... И взглядывая против воли на восковое лицо сына, лежащего перед ним в простом сосновом гробу, обитом внутри белым, а снаружи черным коленкором, он замолкает и еще ниже опускает голову...

Рядом с родителями - родственники Рассказовых: две тетки Ефима, всхлипывающие, не отнимающие утирок от глаз, черыре дочки их, двоюродные Ефимовы сестры, с недоуменными заплаканными лицами, дядя по матери, приехавший с далекого хутора и привезший племяннику последний поклон от степи...

Тяжелые носилки с гробом легко несут четверо дюжих стариков - все дружки Тихона Васильевича. Рядом два подростка с крышкой гроба. На черной наружной ее стороне, во всю длину, нашит восьмиконечный крест из белых лент... В головах положена Ефимова фуражка с ярким алым околышем и кокардой... На шаг от подростков, несших крышку, девятилетний брат Ефима - Васятка, в полном казацком наряде - только вместо сапог на нем праздничные чирички, серьезный от возложенной на него задачи, бледный, но не плачущий - настоящий казак - держит в руках, прижимая ее к груди, дедовскую шашку. Не успел сам Ефим заслужить ни наград, ни обзавестись собственным оружием. Порешили: Васятка понесет до могилки не отцовскую шашку, по редкой случайности не бывавшей ни в одной кампании, а дедовскую, бывавшую на турецкой войне и сразившую не мало басурман...

Сейчас же впереди гроба - хор. Два-три баса, столько же теноров, с десятком учеников приходской школы - дискантов и альтов. Александр Михайлович - учитель, поминутно встряхивая головой, волнообразными, плавными движениями обеих рук, с зажатым в одной из них камертоном, дирижирует, лицом к хору, спиной к идущему впереди клиру. Отец Симеон, недавно вернувшийся в станицу, в черной траурной рясе, с виднеющимся из-под нее черным же подрясником, с крестом в руках, полный, добродушный, но с грустным выражением лица, идет медленно, точно желает, чтобы Ефим как можно дольше побыл в станице, от которой уходил навсегда... Рядом с отцом Симеоном суетился, семеня ногами, престарелый диакон из псаломщиков. В противоположность отцу Симеоноу, он радостно настроен и весь вид его выражает необычайное довольство. То и дело, окидывая взглядом толпу, он еле приметно улыбается. Так и читается в его глазах потаенная, с профессиональным душком, мысль:

- Ну и похороны послал нам Господь - одно благолепие!

Казалось бы - вот и вся похоронная процессия. Но нет! Впереди клира еще один гроб, несомый как и гроб Ефима, четверымя станичниками. Рядом, пятым казак несет крышку. Гроб и крышка из нетесанных, наскоро сколоченных, сосновых досок. Вблизи, спереди и сзади, ни души. В гробу лежит умерший позавчера в лазарете красногвардеец, один из раненых в бою у берега Дона.

На вчерашнем заседании военного совета решено было похоронить его одновременно с Ефимом. Заседание прошло бурно. Многие члены совета ни за что не соглашались хоронить вместе с защитником Дона одного из тех, кто пришел этот Дон завоевывать. Особенно непримиримым был хорунжий Машкин. Однако, после разъяснений, что красногвардеец перед смертью попросил священника, исповедался и получив прощение грехов, пособоровавшись, умер как настоящий православный христианин,

весь совет, за исключением хорунжего Машкина, постановил похоронить его вместе с Ефимом.

- Покаялся человек - к чему зло помнить?

Красногвардеец ни в ком сожаления не вызывал, ни одной слезинки не было уронено у его гроба. Только отец Симеон перед выносом сказал, обращаясь к дьякону:

- И у этого осталась, наверное, семья... Узнайте-ка после похорон его адресок - может он говорил в лазарете. Ох-хо-хо, жизнь наша тяжелая, отец дьякон...

Похороны Ефима были очень торжественными. Ивана Афингенч - майора, умершего в августе прошлого года, человека известного и всеми уважаемого - можно сказать, почитаемого - не хоронили так, как хоронили сейчас молодого станичника. И его все знали в станице, знали и любили - нельзя было не любить этого веселого, приветливого, красивого парнишку. Не у одной из девчат болезненно сжималось сердце и глаза увлажнялись слезой при взгляде на восковое и теперь еще не потерявшее обаяния, лицо своего случайного "кавалера" на посиденках или на ежевечерних, год всего тому назад, "улицах" летними вечерами. Но главное, почему так много собралось народу почтить память Ефима, заключалось не в его известности и молодости, что, конечно, тоже имело значение. Это, прежде всего, необычайная, немыслимая и страшная сама по себе создавшаяся обстановка - начавшаяся война в далекой Японии или на более близкой, но тоже отдаленной российской границе, а на самом Дону, в нескольких верстах от станицы. И первой жертвой этой немыслимой, нежданной, навязанной войны оказался Ефим. Понятно желание граждан станицы выразить свое отношение к событиям присутствием на похоронах. И еще... Много постарался подъесаул - Иван Федорович Колесов, чтобы придать похоронам особо торжественный характер. Это он распорядился о высылке на похороны молодого полувзвода и конной полусотни для отдания воинских почестей убитому, при исполнении долга, молодому казаку. Отсюда легко объяснить и вполне законное любопытство всех - станице впервые приходилось видеть похороны с участием войск. Но кроме самого войска на похоронах была и ... музыка. На левом фланге первой восьмерки всадников, на рослом рыжем коне, с блестящим на солнце корнет-а-пистоном в правой руке, ехал трубач-баклановец, не спускавший глаз с подъесаула в ожидании от него знака... Но подъесаул не выходил из своей задумчивости и попрежнему, с опущенной головой, шел впереди пешего полувзвода, прислушиваясь к пению и горестным вздохам родных Ефима.

Остановились на перекрестке, всего в нескольких десятках шагов от родительского куреня Ефима. Вон он налево в боковой улице, что пересекает ту, по которой идет к могилкам процессия. Виден фасад в четыре окна со ставнями желто-белого цвета, окна смотрят на улицу через узенький палисадник, весь в зелени низкорослых кустов шиповника с поднимающимися среди них двумя пирамидальными топольками, недавно посаженными - они едва дотянулись до соломенной крыши куреня. Может быть, эти топольки сажал Ефим...

Задребезжал старческий тенорок дьякона, возглавляющего краткую зауспокойную литию. Ему отвечает хор грустным троекратным "Господи помилуй"... Закрестился народ, громче заплакали-запричитали приглушенно тетки Ефима, сильнее закачала головой в безмолвной горе мать, послышались вздохи, шорох... И вот все стихло.

- ... Еще молимся, - внятно доносился тенорок дьякона, - о упокоении рабов Божиих ... Ефимия... и Василия... - с ударением и отдельно произнес дьякон, - и о еже простится им всякому прегрешению вольному и невольному.

- Господи помилуй, Господи помилуй, Господи поми-и-луй...

В первый раз за дорогу от церкви молчаливое горе Устиньи Яковлевны прорвалось громким вскриком-стоном. Закрыв лицо руками, содрагаясь вся, зарыдала она, услышав имя ненаглядного сыночка...

- Устя, Устя! Ради Христа, скрепись! зашептал, наклоняясь к ней Тихон Васильевич.

- Яко да Господь Бог учинит души их идеже праведнии упокоются.

- Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй, - тихо вторил возгласам хор.

- Милости Божия, царства небесного и оставление грехов их, у Христа бессмертного Царя и Бога нашего просим.

- Подай Господи.

Конец литии... Отец Симеон, с печальным выражением, не покидавшим его добродушного, заросшего бородой лица, поднял крест и медленно как всегда, произнес заключительные слова моления под открытым небом:

- Яко Ты еси воскресение, и живот и покой усопших раб твоих ...

- тут отец Симеон приостановился и от себя прибавил несколько слов: - на поле брани, за други своя, живот свой положивших... - Ефимия и Василия: Христе Боже наш: и Тебе славу воссылаем, со безначальным Твоим Отцом и животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков.

Носильщики дружно подняли гробы, шумно задвигалась крестящаяся толпа, лязгнули под фырканье коней стремяна тронувшейся конной полусотни..., пошли к могилкам...

Хор собирался запеть "Святой Боже". Учитель-регент уже повернулся, поднимая руки. Но в этот момент подъесаул кивнул трубачу. Тот приставил корнет к губам, надул щеки и ... полились нежные звуки трогательной "кавалерийской молитвы". Не то надо было играть. Но музыкант-то был один и на одном корнете никак невозможно было сыграть похоронного марша. Важно было то, что игрался военный сигнал, специально написанный для корнет-а-пистона и это как нельзя лучше подходило к обстановке. Хорошо играл трубач. Конь его, улавливая знакомые звуки, поднял уши и не опускал их до тех пор, пока мелодия не прервалась. Сам же трубач, вспомнив, очевидно, полк, так увлекся, что незаметно для самого себя повторил сигнал.

Скоро дошли до кладбища. Конница осталась за оградой, а пеший полувзвод вошел вовнутрь и меж покосившихся крестов, построился около двух свежескопанных могил.

Когда началось отпевание, подъесаул громко скомандовал полувзводу, державшему винтовки у ноги:

- На молитву - шапки - долой!

- Во время спуска гробов, когда хор пел "Вечную память", раздалась новая команда:

- На-а-кройсь!

- Взвод кру-гом! Пальба ... шеренгой!

- Взво-о-од ... пли!

- Трах-тах!

- Вынь патрон! К но-о-ге! Взвод кру-у-гом!

Все было кончено. Гулко падали комья земли на крышки гробов. Рыдал старый казак Тихон Васильевич... Наклонившись, бросал он в могилу щепотки земли - последнее, что мог он дать сейчас сыну...

Отрадным надрывным стоном вырвалась наружу материнская мука у Устиньи Яковлевны. Заголосила она, заприговаривала над свежей могилой ненаглядного сыночка... Ее не успокаивали, не просили сдержаться. Знали - бесполезно это, горе-то оно такое - неутешное...

Плакали все женщины, смахнул слезинку кое-кто и из казаков...

Давно уж это было,
Прошло уж много лет,
Бы многими осмеян,
И многими воспет.

Ты не был сладкопевцем,
Речей ты не держал,
Но в жуткую минуту,
Ты путь нам показал.

Пройдут еще десятки,
Быть может сотни лет,
В снегу, багряном кровью
Не сгладится твой след.

С.Ш.А.

Г.Гордеев.

: - : - : - : - : - :

ПАМЯТИ ДРУГА

Мне никогда не приходила в голову мысль, что я буду писать воспоминание о Донском Атамане Петре Харитоновиче Попове, о человеке мощного здоровья и выносливости.

Меня соединяла с ним долговечная дружба, хотя я и не принадлежал ни к одному из казачьих Войск. Мое знакомство с ним и дружба начались со времени поступления в Академию Ген. Штаба в 1896 г. и продолжались до последних дней его жизни.

По окончании Академии в 1899 г., которую он кончил по I-му разряду с причислением к Ген. Штабу, он взял вакансии в Московский военный округ и в Москве был прикомандирован к штабу 3-й Гренадерской дивизии, расположенному там же. С осени, в свободное время, читал лекции по топографии в 3-м военном Александровском училище, был требователен к юнкерам, но всегда давал возможность получившим неудовлетворительный балл на предыдущей репетиции, повысить оценку на следующей репетиции, что очень нравилось юнкерам.

Мы жили в Москве с Петром Харитоновичем в одной и той же гостинице на Тверской улице и часто посещали Оперу, драматический театр и особенно Художественный театр, который в то время только что получил свою известность и между прочим тогда же появились на его сцене драматические произведения Чехова, которыми мы особенно увлекались. Летом штаб Московского военного округа (в то время П.Х. служил еще в штабе округа) перебирался на Ходынку, лагерь войск Москвы, где и находился до конца лагерного сбора.

П.Х. иногда с офицерами Ген. Штаба играл в теннис, но он был новичек в игре и отбивал с такой силой мяч, что однажды с размаху ракетой сломал молодое деревцо. После тенниса, обычно приглашались обедать к одному из офицеров штаба, там разбирались разного рода военные вопросы или события политического характера.

Живя в Москве, мы с П.Х. для усовершенствования во французском языке, брали уроки, но к сожалению это продолжалось недолго, т. к. этому помешала начавшаяся русско-японская война и мы возбудили ходатайство о желании быть отправленными на театр военных действий, но нам в этом отказали.

Целозарное и добродушное отношение П.Х. отбивал в одном из полков I-й кавалерийской дивизии, обращал особое внимание на моральную сторону, часто ведя в эскадроне беседы, беря примеры из жизни и из нашей военной литературы и при том таким простым языком говорил, чтобы было понятно слушателям.

Во время русско-японской войны, куда мы с ним неудачно пытались попасть, писал военные статьи в очень распространенной газете "Русское Слово", часто пользуясь материалом, который присылали его товарищи офицеры Ген. Штаба с театра войны.

Интересно отметить, что П.Х. не верил в удачный выбор Главкомандующим ген. Куропаткина, основываясь на том, что еще во время Боксерского восстания ген. Куропаткин руководил из Петербурга действиями русских войск, отдавая одно распоряжение противоположное первому, когда первое начало уже проводиться в исполнение. Действительность оправдала предсказание П.Х. Период, когда П.Х. был н-ком Новочеркасского военного уч-ща и гражданской войны на юге не буду касаться, т. к. об этом существует большая литература, из которой можно узнать деятельность П.Х. и это не входит в мою задачу.

Во время пребывания П.Х. в Москве, он часто бывал в Румянцевском музее и в других хранилищах архивов, в которых он черпал материал касающийся истории Дона, но судьбу его работы я не знаю. После эвакуации из России мы с П.Х. встретились в Париже, но будучи офицером Ген. Штаба, эта профессия в чужом государстве была совершенно непригодной, пришлось подыскать подходящее занятие, которое давало бы возможность существовать. Неудачно подумав заарендовать участок земли и разводить на нем "шампиньоны", нас разочаровал знаток сельского хозяйства, убедив нас в том, что разводить грибы - это подсобное занятие и мы будем не в состоянии выплачивать необходимую сумму за аренду только участка, а об обеспечении жизни не придется и думать.

Явилась другая мысль, оказавшаяся более удачной, я поступил в поварскую школу "Кордон Бле", окончил ее, поступил на место, где я мог поучить кулинарному искусству П.Х. (вместе в школу мы не могли поступить, т.к. не было денег на обучение). Позже П.Х. поступил поваром к Великой Княгине Марии Павловне. Кухня у них была простая, однако П.Х. удалось приготовить очень вкусное блюдо из сардинок, которое так понравилось, что часто подавалось к столу.

Когда началась большая тяга в Америку, П.Х. этим заразился, начав хлопотать о получении необходимых бумаг для переезда в С.Ш.А. и вскоре я проводил своего друга в далекий путь. У П.Х. была мысль обзавестись в Америке фермой, но т.к. денег не было, то он думал по приезду поступить поваром в русский ресторан и скопив нужную сумму денег приступить к выполнению своей заветной мысли, купить или заарендовать ферму.

В действительности вышло иначе. П.Х. написал мне по приезде в Нью-Йорк, что встретился с бывшим своим сослуживцем, который уже имел ферму и занимался куроводством (около 2700 кур), уговорил его остаться на этой ферме и продолжать куроводство, т.к. сам он служил в Нью-Йорке.

П.Х. согласился на это предложение. Он довел число кур до 5000, оборудовал ферму, построив для кур соответствующие помещения, но скоро разразился экономический кризис в Америке, владелец фермы вернулся к себе, начались недоразумения и в результате П.Х. пришлось уйти. Поступил в русский ресторан, т.е. с чего и надлежало ему начать, как он предполагал в Париже.

В последний раз я его видел в Париже, когда он уже Атаманом приехал на короткий срок. Тогда он еще с некоторой надеждой рисовал свои планы объединения казаков, на благо России и Дона.

В личной жизни П.Х. был всегда очень скромен, благожелателен ко всем, бессеребрянником и всегда довольствовался малым.

нас "нужно ответить" всегда говорил "ответать не к чему". "Все это клевета, а опровергать ее будет будущий историк. Я же считаю ниже своего достоинства вступать в пререкания с клеветниками." В этом был весь П.Х.

П.Х. очень интересовался историческим прошлым Дона. Им было много написано на эту тему, много было собрано материалов. Свои записки он всегда хранил при себе, даже когда попадал в госпиталь или в дом для выздоравливающих. Но однажды, когда он, живя в доме для престарелых, вышел на свою краткую обычную утреннюю прогулку, слушающие дома, по распоряжению заведующего домом, забрали в его комнате всю собиравшуюся им литературу (журналы, газеты, брошюры, книги и т.д.) и выбросили в ящик для отбросов, увезли и уничтожили. Вместе со всем этим были выброшены и все рукописные труды П.Х. и даже его карманные серебряные часы, которые П.Х. получил будучи юнкером как приз "за стрельбу". Близкое окружение П.Х., как будто приняло какие то меры против заведующего домом, но до самой смерти П.Х. загадка по этому делу так и осталась неразгаданной. Вопрос - кому нужно было уничтожение записок П.Х. так и остался открытым.

Еще за некоторое время до своей смерти П.Х. был бодр, сам выходил покупать себе газету. Когда к нему приходили друзья, он смеясь говорил, что переживает своего отца (более 100 лет). И вдруг паралич всей правой стороны. Смерть наступила не сразу. Долгое время он поддерживался кислородом, но ничего уже сделать было нельзя.

Похоронами распоряжался его ближайший сотрудник П.И.Медведев. Чин отпевания совершал митрополит Ириней, в сослужении с протоиереями П.Поповым и Ладинским - оба донские казаки. Пел архиерейский хор под управлением Афонского. Около гроба - американский и донской флаги, которые держали ес. Третьяков и сотн. Болдырев. После отпевания протоиереем Ладинским было сказано прочувственное слово, обрисовавшего деятельность почившего и его руководство донцами с 1 февраля по 5 мая 1918 г. в борьбе с большевизмом. П.Х. всегда был примером мужества и бескорыстного служения родному казачеству, которому он посвятил всю свою жизнь до последнего вздоха. Погребение состоялось на казачьем участке русского кладбища в Нью-Джерси. Последняя воинская почесть - салют из охотничьих ружей. "Если бы мы хоронили Донского Атамана генерала от кавалерии П.Х.Попова у себя на Дону, это были бы национальные похороны - сказал в последнем слове отец Ладинский - которые он заслужил, с участием артиллерии, кавалерии, пехоты и с положенным салютом, но здесь, на чужбине, мы принуждены ограничиться охотничьими ружьями". Дубовый гроб был опущен в другой - цементный, заранее опущенный в могилу. Цементный гроб был закрыт такой же крышкой и после уже был засыпан землей. У могилы были сказаны прощальные слова протоиереем Ладинским, Б.Н.Улановым, В.Г. Глазковым.

После обряда погребения, все присутствующие собрались в ближайшем ресторане на поминальную трапезу по казачьему обычаю, во время которой было сказано много речей посвященных памяти покойного. В частности теплое и прочувственное слово сказал ген. Ф.Ф.Абрамов, отметив его честное и нелицемерное служение России и Дону.

На панихидной трапезе был заложен и первый камень памятника П.Х. - было собрано 143 дол. Дальнейшая жертвенность казаков позволила избранной специальной комиссии создать этот памятник по проекту донского казака художника-скульптора Королькова.

Вечная память достойному казаку Войска Донского - Атаману

генералу от кавалерии Петру Харитоновичу Попову.

С.Ш.А.

А.И.Третьяков.

: - : - : - : - : - : - : - : - : - :

Отчет Строительного Комитета памятника на могиле ген. Попова:

Собрано на трапезе в день погребения - 147 долларов.

Собрано по подписным листам: (в долларах)

Д.Е.Свинаревым - 17,50, И.Терсковым - 8, Г.И.Ноговым - 15, хором Н.Ф.Кострюкова - 24, М.Я.Дьяконовым - 16, Т.Н.Козловым - 26,50, А.И.Никитиным - 5, Д.Ф.Фалимоновым - 6, Г.Ф.Чеботаревым - 14, неизвестным - 10, В.П.Поповым-Вайт - 3, хором С.А.Жарова - 15, В.В.Черешневым - 5, И.С.Ореховым - 21, А.М.Дмитровым - 23, Монреальской станицей - 84,90, П.И.Медведевым - 26,52, М.Долговым - 7, Н.П.Лобовым - 5, А.Д.Николенковым - 25, М.М.Афанасьевым - 3, Ф.И.Быковым - 20, С.И.Донсковым в Аргентине - 24,04.

Получено от А.Е.Афанасьева, от Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке - 135 долларов, от В.А.Балахнина, от Донской станицы в Калифорнии - 100 долларов, от Ф.И.Сулина, от Павловской станицы в Нью-Йорке - 56 долларов, от Ф.Наумова, от Обще-Казачьей станицы в Патерсоне - 18,75 долларов.

Выручено Д.Е.Свинаревым от продажи картин выдачи казаков в Лиенце - 7,50 долларов.

Получено от разных лиц - 144,80 долларов.

Всего поступило - 1018,51 доллар.

Израсходовано : на постановку памятника и газетные объявления - 962,51 доллар.

Остаток в 56 долларов переведено в Объединение Партизан-Степняков в Париже на усиление средств на издание № журнала "Родимый край", посвященного памяти ген. Попова.

: - : - : - : - : - : - : - : - : - :

Денежный отчет Комиссии по увековечению памяти ген. П.Х.Попова:

Приход:

Н.И.Тарарин, А.П.Падалкин и партизан Снесарев - по 50 Ф; В.Н.Романов, Б.А.Богаевский, М.П.Сергеев, г-н Медведицков, Союз Донских Артиллеристов и Казачий Союз Востока Франции (Сосо) - по 30 Ф; Ольга Галицына, г-н Литвинов, С.П.Кондрашев - по 20 Ф; ес. Еронин - 15 Ф; Н.П.Казинцев - 12 Ф; ген. П.К.Писарев, С.Ш.Балданов, Н.П.Чижов, П.В.Колтышев, Н.Штейнбекер, В.С. и М.Н.Левитовы, кап. Шилов, М.Кацман, А.Борисов, И.А.Евстратов, полк. Золотов, полк. Скандилов, г-н Мукошеев, г-н Ковалев, Секция Казаков-Комбатантов в г. Монтаржи, Н.Ф.Пузанов, Е.Е.Ковалев, г-н Аристов, партизан Процыков, г-н Голенов - по 10 Ф; кап. Воевода и сотн. Орлов - по 5 Ф; ес. Сердинов - 2 Ф; ес. Третьяков - 5 долларов; г-н Семенов - 2 доллара; В.Припольцев - 5 немецких марок.

Всего поступило: 668,95 франков.

по 20 долл., от проф. В.Г.Улитина - 13 долл., проф. М.М.Афанасьева, В.М. Петруся, г-жи Е.Д.Богаевской - по 10 долл., от дроздовца Ю.В. Зауера и г-жи Е.М.Даниловой в память мичмана Императорского Флота, участника борьбы на юге России - по 10 канадских долл., от Ф.И.Быкова, А.И.Третьякова, г-жи Кучеровой и г-жи О.Кривецкой совместно, В.А.Балахнина, С.И.Донскова, А.И.Скрылова - по 5 долл., проф. Н.Н. Воробьева - 6 долл., от неизвестного из Монреаля, И.И.Какурина - по 3 долл., Б.Н.Шарапова - 3 канадских долл., ген. Хрипунова и П.Г. Талалаева - по 2 долл., В.Л. - 1 долл., собрано В.В.Тевяшовым среди казаков в Бельгии - 61,08 Ф, от А.М.Голубова - 100 бельг. Ф, Б.Ракова - 20 герм. мар., М.Я.Борисова - 15 герм. мар.

Редакция "Родимого Края" приносит всем помогшим ей в издании этого № свою большую искреннюю благодарность.

:--:--:--:--:

ОТ ПАРТИЗАН - СТЕПНЯКОВ :

В начале 1968 г. парижская группа участников Степного Похода выразила пожелание издать материалы посвященные 100-летию со дня рождения организатора и вождя Степного Похода - генерала от кавалерии П.Х.Пова, и 50-тилетие Степного Похода и начала казачьих восстаний на Дону весной 1918 г.

Средств для этой цели не было почти никаких. Была только надежда на то, что зарубежное донское казачество рассеянное по всему миру, поможет этому доброму и нужному для Донской истории делу.

Надежды их оправдались. На обращение председателя Объединения Партизан-Степняков о сборе средств на указанную цель отозвались не только казаки доцы, но и вообще русские люди.

Список жертвователей приведен выше.

Благодаря этому собралась сумма достаточная для издания настоящего № "Родимого Края"; это свидетельствует о том, что жертвовавшие, как и мы Степняки, считали необходимым издать материалы, посвященные вышеуказанным юбилеям.

Объединение Партизан-Степняков и я лично, как его председатель, шлем всем жертвователям сердечное спасибо и низкий поклон.

Особая благодарность донскому казаку пожертвовавшему тысячу франков и, по скромности своей, не пожелавшему указать своего имени в списке жертвователей.

28 января 1969 г.
П а р и ж .

Есаул А.Падалкин.

:--:--:--:--:

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ , ФОТОКОПИЙ И СХЕМ .

От Редакции: Фотографии печатались по мере как их поступления, так и поступления материальных средств для их печатания. В силу этого, распределение их получилось, в некотором разбросе, без распределения по положению, чинам, ролям и т.д., за что Редакция приносит извинения.

Количество фотографий могло бы быть еще более значительным, если бы наличие средств позволило их напечатать.

Все даты указаны по старому стилю.

На обложке:

- 1 - Сверху посередине - генм. П.Х.Попов, начальник Новочеркасского Военного Училища.
- 2 - Сверху слева - Степной крест, лицевая сторона.
- 3 - Сверху справа - Степной крест, обратная сторона.
- 4 - Внизу - рисунок художника, донского казака В.А.Иванова, символизирующий Степной Поход и начало казачьих восстаний на Дону.

В конце журнала, в порядке расположения:

Страница 1.

- 1 - Донской Атаман ген. А.М.Каледин - застрелился 29.1.1918 г. в Атаманском Дворце, в Новочеркасске.
- 2 - Полк. В.М.Чернецов - зарублен Подтелковым у хут. Гусева 22.1.1918 г.
- 3 - Донской Атаман ген. А.М.Назаров - расстрелян большевиками в Новочеркасске 17.2.1918 г.
- 4 - Помощник Атамана Каледина, М.П.Богаевский - расстрелян большевиками в Ростове 1.4.1918 г.

Страница 2.

- 5 - Ген. от кавалерии П.Х.Попов - председатель Правительства Всеволодского Войска Донского
- 6 - П.Х.Попов - представитель Донского Атамана на Ближнем Востоке.
- 7 - П.Х.Попов - Атаман В.В.Д. зарубежом. Умер в С.Ш.А. 6.10.1960 г.
- 8 - Последний салют при погребении ген. П.Х.Попова.
- 9 - Памятник на могиле ген. П.Х.Попова.

Страница 3.

- 10 - Ген. А.П.Богаевский - командир Партизанского полка Добровольческой Армии, состоявшего главным образом из донских партизан, (в Первом Кубанском Походе), позже председатель Правительства В.В.Д. в дни Атамана Краснова, затем Атаман В.В.Д. с февраля 1919 г. Умер в Париже в октябре 1934 г.
- 11 - Ген. Л.Г.Корнилов - командующий Добровольческой Армией, убит под Екатеринодаром 29 марта 1918 г.
- 12 - Ген. В.И.Сидорин - н-к штаба Походного Атамана в 1917-18 г.г., командующий Донской Армией в 1919-20 г.г. Умер в Чехословакии в 1940 г.
- 13 - Ген. И.П.Астахов - н-к Донской Артиллерии, участник Степного Похода, умер в Риме (Италия) 26.11.1935 г.

Страница 4.

- 14 - Ген. К.К.Мамантов, н-к Партизанского отряда в Степном Походе, отравлен в госпитале в Екатеринодаре в январе 1920 г.
- 15 - Ген. П.К.Писарев, один из старейших партизан, командир Партизанского полка после ген. А.П.Богаевского во 2-м Кубанском Походе, умер в Париже в 1964 г.
- 16 - Есаул Ф.Д.Назаров, н-к Партизанского отряда в Степном Походе, убит в стычке с большевиками на Дальнем Востоке в 1928 г.
- 17 - Ген. Е.Ф.Семилетов - н-к Партизанского отряда в Степном Походе умер в Новочеркасске в 1919 г.

Страница 5.

- 18 - Полк. В.В.Мартынов - н-к партизанского отряда в Степном Походе убит в бою с большевиками в августе 1918 г.

- 19 - Полк. Б.Л.Мангатов, организатор калмыцких восстаний, убит 1.3.1918 г. в стычке с красными у ст. Великокняжеской.
- 20 - Сотник Э.Л.Яманов, командир 4-й калмыцкой сотни в Степном Походе, умер в эмиграции в 1923 г.
- 21 - Есаул М.Т.Попов, помощник полк. Чернецова по организации партизанского отряда, последний командир чернецовцев в I-м Кубанском Походе, умер в Париже 25.7.1935 г.

Страница 6.

- 22 - Виктор Севский, казак Константиновской станицы В.А.Краснушкин, певец славы и героизма донских партизан, в дни Каледина был редактором газеты "Вольный Дон", в 1918-19 г.г. редактором журнала "Донская Волна". Расстрелян большевиками в 1921 г.
- 23 - В.ст. Е.А.Волошинов, председатель "Назаровского" Малого Войскового Круга. Расстрелян большевиками 17.2.1918 г.
- 24 - Юнкер Н.П.Казинцев (участник Степного Похода), для спасения которого из рук большевиков на станции Ремонтная восстала Баклановская станица. Здравствует в Париже.
- 25 - Полк. М.В.Кузнецов, организатор казачьих восстаний в Черкасском Округе весной 1918 г. Умер в Париже в 1965 г.

Страница 7.

- 26 - Полк. А.Н.Евсеев, атаман Новониколаевской станицы, старейший партизан в Степном Походе, в штаб-офицерской дружине ген. Базавова. Умер в Румынии в 1930 г.
- 27 - Подъес. Н.Н.Туроверов, чернецовец, партизан Атаманского отряда в Степном Походе. Известный донской поэт. Здравствует во Франции.
- 28 - Набросок-шарж Л.Кудина - партизана-степняка, на А.Ф.Аладьина, члена I-й Государственной Думы, участника Степного Похода, умершего в эмиграции.
- 29 - Парижская группа партизан-степняков в 1934 г. на обеде участников Первых Походов. Стоят справа налево: партизан Т.Ф.Баранов, полк. С.В.Болдырев (умер в С.Ш.А. в 1957 г.), ес. А.П.Падалкин, ген. Н.И.Тарарин (умер в Париже в 1966 г.), полк. М.С.Пономарев, следующих двоих фамилии неизвестны, полк. М.С.Зеленков (умер), сзади него и рядом фамилии неизвестны. Сидят справа налево: г-жа З.П.Падалкина, зубной врач З.Матвеева, г-жа М.Н.Болдырева, партизан В.Черничкин, А.С.Артемов (умер), сестра милосердия Семилетовского отряда К.Г.Балашевич, позади нее полк. И.В.Балабин (умер), ес. Д.А.Артемов (умер), ес. С.А.Артемов, сотн. Б.А.Раков, партизан П.Попов (священствует в С.Ш.А.), г-жа Зеленкова.
- 30 - Есаул А.П.Падалкин - последний председатель Объединения Партизан-Степняков в эмиграции.

Страница 8.

- 31 - Группа партизан-степняков на паперти Новочеркасского Собора во главе с Походным Атаманом ген. П.Х.Поповым после парада 26 апреля 1918 г.

Страница 9.

- 32 - Партизаны и их начальники:
I-й ряд ^{слева} направо: ген. Г.Каргацкий, командир Атаманского отряда в Степном Походе, умер в эмиграции; ген. М.Г.Хрипунов,

помощник н-ка Атаманского отряда, здравствует в эмиграции; в.ст. П. М.Аврамов, организатор отряда ес. Боброва, в Степном Походе временно командовавший 2-й калмыцкой сотней, со 2 апреля командир конвойной сотни штаба Походного Атамана, умер во Франции; сотн. Греков, командир партизанского отряда "Белый Дьявол".

2-й ряд: донская казачка Константиновской станицы, студентка, сестра милосердия Ростовского госпиталя, Шура Гайдукова, 9 февраля 1918 г. пыталась вывезти из Ростова в Новочеркасск раненых добровольцев. В ночь на 19 апреля приняла участие в Ростовском восстании против большевиков, а с подавлением его ушла в Добровольческую Армию в ст. Егорлыцкую и в первом бою в составе Корниловского полка была убита; студентка сестра партизанского питательного пункта в Персияновке - Лимарева, 13 февраля расстреляна большевиками на полустанке Александровка с 4 другими партизанскими сестрами.

3-й ряд: Н.Н.Евсеев, воспитанник Константиновского Реального Училища, убит в Походе у ст. Еркетиной; партизан гимназист Семилетовского отряда И.В.Филимонов, убит 18 апреля 1918 г. у А.-Грушевска.

4-й ряд: донской казак, юнкер Михайловского Артиллерийского Училища, В.Кашеев, убит у А.-Грушевска; хор. Янковский, участник ростовского "похода" Атамана Каледина, участник Степного Похода, убит 13 августа 1918 г.

5-й ряд: партизан студенческой боевой дружины, студент Л.А.Чакалов, 12 февраля 1918 г. остался раненым в госпитале Новочеркаска а 13-го расстрелян матросами Мокроусова на улице, против госпиталя; ген. С.А.Бородин, с 24 марта по 2 апреля 1918 г. командовал отрядом восставших казаков у ст. Котельниково, умер в эмиграции.

Посредине сверху: группа партизан-степняков со своими сестрами милосердия. С раненой рукой ес. Д.А.Артемов.

Внизу: известный донской историк старший советник Х.И.Попов, отец Походного Атамана, создатель и многолетний директор Донского Войскового Музея. Расстрелян большевиками в 1920 г. Портрет этот, больших размеров, по рассказам казаков побывавших на Дону в последние годы, в угоду "казачьим патриотам", украшает стену вестибюля Областного Музея в Новочеркасске.

Страница 10.

33 - Казацки жертвы большевизма на Дону и донские партизаны:

1-й ряд слева направо: ген. П.Н.Краснов, Атаман В.В.Д. с 4 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г., повешен в Москве в 1947 г.; ген. Ф.Ф.Абрамов, командовавший северным фронтом партизан до 9 февраля 1918 г., умер в С.Ш.А.; ген. А.В.Черячукин, командовавший северо-западным фронтом партизан до 12 февраля, умер во Франции; ген. Л.Л.Сидорин, бывший к-р Сибирского Корпуса до войны 1914 г., расстрелян большевиками в ст. Аксайской 15 февраля 1918 г. за то, что был родным дядей н-ка штаба Походного Атамана.

2-й ряд: ген. Туроверов, до революции был помощником наказного Атамана, расстрелян большевиками в Новочеркасске в феврале 1918 г., ген. Исаев, расстрелян с Атаманом Назаровым. В.ст. Тарарин, расстрелян большевиками с ген. Назаровым; священник В.Проскураков, популярный общественный деятель ст. Великокняжеской, расстрелян в станице большевиками 28 февраля с двумя сыновьями студентами за сочувствие "кадетам".

3-й ряд: д-р. В.Н.Крупский, чернецовец, при погребении Атамана Каледина "последний его ординарец", ротмистр Н.И.Иноземцев - к-р 3-й

сотни Чернецовцев, убитый при оставлении Ростова, в последней контратаке в ночь на 9 февраля 1918 г.; офицер Л.-Гв. Казачьего ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка ес. Я.Ф.Рыковский, донской партизан в Корниловском Походе; убит под Екатеринодаром; В.Лисин, сотник 7-го Донского Казачьего полка, партизан Назаровского отряда, убит в Степном Походе.

4-й ряд: хор. Сазонов, донской партизан, убит в Корниловском Походе под ст. Медведовской; юнкер Новочеркасского уч-ща И.Н.Греков, убит в Корниловском Походе в отряде Краснянского у ст. Выселки, хор. Г.С.Попов, Семилетовского отряда, убит в Степном Походе; семинарист Н.Г.Попов, партизан чернецовец, убит в Степном Походе.

5-й ряд: кадет 7 класса Донского кадетского корпуса А.Данилов, партизан чернецовец, убит в Походе; воспитанник Усть-Медведицкой гимназии Подольский, застрелен в станице комиссаром Рожковым по обвинению в покушении на его жизнь; студент Ф.Ф.Пухляков, казак Раздорской станицы, партизан Студенческой дружины, 30 марта 1918 г. убил в ст. Заплавской казачьего Иуду, предателя Н.М.Голубова, что положило начало казачьему восстанию в Черкасском Округе против большевиков, Атаман Новогрушевского хут. Грушевской ст. Е.А.Лактионов, приговоренный большевиками к расстрелу 12 февраля 1918 г. за мобилизацию казаков хутора, по приказу Атамана Назарова, своими смелыми ответами н-ку отряда матросов Мокроусову, что он как хуторской атаман выполнял приказ законной власти на Дону, был им помилован.

Страница 11.

34 - Партизаны, их начальники и жертвы большевизма на Дону:

1-й ряд слева направо: кап. В.Курочкин, убит в 1-м Кубанском Походе; ес. Р.Лазарев, расстрелян в 1920 г. в Крыму; полк. Г.Н.Лысенков, убит в Степном Походе; кап. Е.А.Балихин, убит в бою у А.-Грушевска.

2-й ряд слева направо: ес. Тацин, убит в бою в июле 1918 г.; ес. Жданов, убит в августе 1918 г.; сотн. С.И.Кутырев, убит в Степном Походе; хор. И.И.Михин, убит в Степном Походе.

3-й ряд: хор. Сидоренков, убит в Степном Походе; партизан студент В.Стефанов, расстрелян большевиками в Кривянской 13 февраля 1918 г.; партизан студент С.Ершов, расстрелян вместе с Стефановым; семинарист Кожин, убит в Степном Походе.

4-й ряд: кадет В.Полковников, первая жертва из отряда Чернецова, убит 29 декабря 1917 г. у станции Дебальцево; сотн. Медведев, убит в Походе у ст. Андреевской; студент И.Павлов, атаман донской студенческой станицы в Ростове, убит в Семилетовском отряде, полк. В.К.Монакин, участник Степного Похода, умер от ран в 1919 г.

5-й ряд: ген. Усачев и ген. Груднев, расстреляны большевиками в Новочеркасске 17 февраля 1918 г.; полк. М.И.Бояринов, расстрелян большевиками в Батайске, в феврале 1918 г.; полк. С.И.Бояринов - тоже.

Страница 12.

35 - Организаторы и вожди казачьих восстаний:

1-й ряд, слева направо: ген. И.Ф.Быкадоров, умер в Париже в 1956 г., ген. З.А.Алферов, умер в эмиграции; ген. Т.М.Стариков, умер в Париже 11 декабря 1934 г.

2-й ряд: ген. А.К.Гусельщиков, умер во Франции, в г. Виши 21 февраля 1966 г.; ген. С.Д.Позднышев, здравствует в эмиграции; сотн. В.Л.Веденин, убит в 1919 г.

3-й ряд: кап. А.Сычев, убит в 1918 г.; сотн. Леонтьев, убит в

стычке с большевиками у ст. Каменской 13 марта 1918 г.; ес. П. Дудakov, вернулся в 1923 г. в С.С.С.Р. и пропал без вести.

4-й ряд: ген. Г. Янов, умер в эмиграции; урядник Мугутов, участник восстания Суворовской станицы, умер в эмиграции; есаул Неживов командир партизанской батареи, убит в Степном Походе.

36 - Участники совещания представителей Донского, Кубанского, Терского и Астраханского Войск, бывшего 6-7 июня 1919 г. в Екатеринодаре. Стоят слева направо: ген. П.Х. Попов, председатель Донского Правительства, Н.С. Рябовол, председатель Кубанской Краевой Рады, Абрамов, председатель Терского Правительства, П.И. Курганский, председатель Кубанского Правительства; сидят: В.А. Харламов, председатель донского Войскового Круга, ген. Н. В. Ляхов, Астраханский Войсковой Атаман, ген. Г.А. Вдовенко, Терский Войсковой Атаман, ген. А.П. Богаевский, Донской Войсковой Атаман, Ген. А.П. Филимонов, Кубанский Войсковой Атаман, Султан Зелим Гирей, товарищ председателя Кубанской Краевой Рады.

Страница 13.

37 - Сверху: расправа большевиков с ранеными и оставшимися в городе партизанами и добровольцами у "Палас-Отеля" в Ростове 9 февраля 1918 г.

38 - Снизу: опознание трупов - жертв большевицкого террора в Новочеркасске, после оставления его партизанами в феврале 1918 г.

Страница 14.

39 - Сверху: юнкерский отряд ес. Н.П. Слюсарева на походе в задонских степях, в марте 1918 г.

40 - Снизу: партизанский участок на городском кладбище в г. Новочеркасске в 1918 г.

Страница 15.

41 - Казачья контр-атака под Новочеркасском 18 апреля 1918 г. с картины художника Е.П. Рытченкова, участника казачьего восстания.

42 - Атака партизан под Персияновкой 25 апреля 1918 г. с картины художника Е.П. Рытченкова (умер в Новочеркасске 13 ноября 1918 г.. Незадолго до смерти он начал писать картину "Смерть Митрофана Богаевского").

Страница 16.

43 - Донской писатель Ф.Д. Крюков. В конце 1919 г. в дни великого исхода казаков с Дона, объезжая беженские казачьи "станы", заразился сыпным тифом и умер на Кубани.

44 - "Ванька Ключник", рисунок из альбома Е.П. Рытченкова, сделанный с казака 6-го Донского пластунского батальона, добровольца Аксайской станицы Ивана Ключникова, участника восстания казаков Черкасского Округа.

45 - Донской писатель Р.П. Кумов. Умер в 1919 г. в Новочеркасске.

46 - Семья казака Ершова, Ермаковской станицы, в дни восстания.

Страница 17.

47 - Фотокопия удостоверения о награждении "знаком отличия Степного креста".

48 - Фотокопия выписки из приказа № 696 о статуте "Степного креста"

бу, участие в Первой Мировой войне, знаменитый Луцкий прорыв и его деятельность как Донского Атамана.

Все книги с большим количеством редких фотографий. Вместе с этим номером 80-81 "Родимого Края", эти книги дают яркую картину того, что происходило на Дону в ту бурную эпоху.

Из Редакции же можно выписать и листы фотографий и схем напечатанных в этом № по цене 5 Ф за лист для Франции или 1 долл. для заграницы (пересылка за счет покупателя).

Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание "Родимого Края" основано исключительно на самокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. Т.е. журнал издается на деньги за него полученные и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых зависит дальнейшее существование "Родимого Края".

Репродукция фотографий, схем и документов сделана в "Studio Dubent, Photographie Industrielle" (Mr Dubent). 2, rue Jobbé-Duval. 75 - Paris 15. France.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Ст Редакции "Родимого Края"	1
Ф.Крюков. "Родимый Край"	2
П.Скачков. "Историческая справка к произведению Ф.Крюкова "Родимый Край"	3
Р.Кумар. "Памяти погибшим героям"	7
Е.Ковалев. "Ген. П.Х.Попов и его роль в организации и разви- тии белой борьбы"	8
Степняк. "Атаман Петр Харитонович Попов"	12
А.Падалкин. "К столетию со дня рождения генерала от кавалерии Петра Харитоновича Попова, к пятидесятилетию Степного По- хода и начала антибольшевицких восстаний на Дону весной 1918 г."	15
А.Падалкин. "Деятельности ген. П.Х.Попова с начала революции до Степного Похода"	22
Н.Туровеков. "и" (стихотворение)	40
П.Поляков. "Донским партизанам" (стихотворение)	40
Н.Евсеев. "Первопоходникам" (стихотворение)	41
А.Падалкин. "Степной Поход и начало казачьих восстаний на До- ну"	41
XXX . "Степной Поход"	86
Н.Евсеев. "Земной поклон" (стихотворение)	88
А.Падалкин. "Характеристика начальников донских партизан" ...	88
Из стихотворения М.Барецкого "Ковыльный Сказ"	90
А.Падалкин. "После Степного Похода. В эмиграции"	90
Н.Кузнецов. "и" (стихотворение)	100
М.Бугураев. "Донские партизаны уходят в степи"	101
"Значение Степного Похода"	107
А.Зауэр. "В Новочеркасске"	107
А.Падалкин. "Ольгинский взрыв"	108
К.Каплюгин. "Степной Поход в Залонье в 1918 г. и его значение"	125

	Стр.
П.Аврамов. "На родные могилки"	129
Г.Гордеев. "На освящение памятника П.Х.Попову"	134
Ген. Покровский. "Памяти друга"	135
А.И.Третьяков. "Памяти Походного Атамана ген. П.Х.Попова" ..	137
Отчет Строительного Комитета памятника на могиле ген. Попова	139
А.Падалкин. "Денежный отчет Комиссии по увековечению памяти ген. П.Х.Попова"	139
Денежные поступления в Редакцию на издание номера	140
А.Падалкин. "От Партизан-Степняков"	141
Список фотографий, фотокопий и схем	141
От Редакционной Коллегии "Родимого Края"	147

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

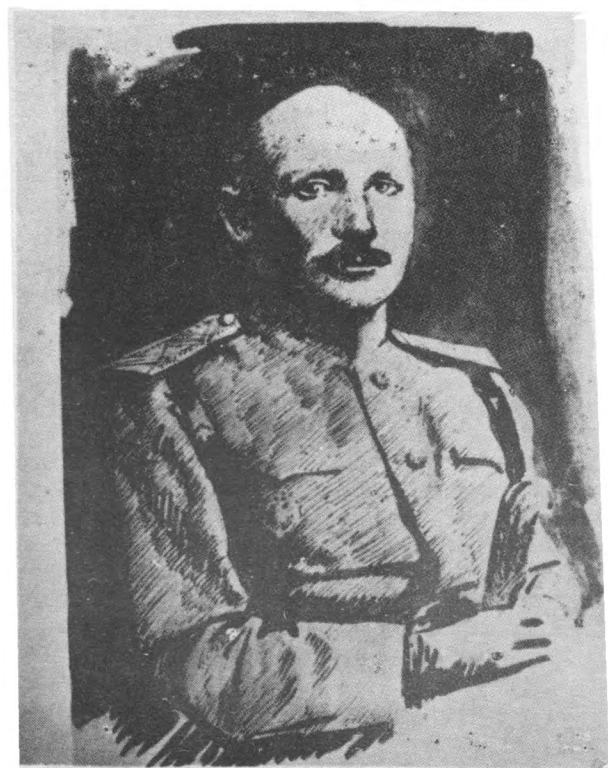
Стр.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
15	14	Гогаевского	Богаевского
19	39	приверением	приведением
20	32	земледения	земледелия
24	35	Каков	Казаков
26	15	Этоу	Этому
27	27	советы	совета
30	31	сташих	старших
37	23	итти к Аксаю	итти к реке Аксай
38	6	длругие	другие
38	51	К к ч. 30	К 4 ч. 30
42	2	разбоя счастья	разбое счастья
43	50	Попова и передачу	присоединить к добровольцам и передачу
45	39	к 20 марта	к 28 марта
48	7	хутор Момутец	хутор Хомутец
49	8	натибольшевиками	антибольшевиками
50	21	Гнилорыбовскому	Гнилорыбовского
53	2	разгнали	разогнали
53	28	большевики мань-ролькова	большевики в мань-Королькова
56	6		
56	33	вечером вернулись	вечером партизаны вернулись
60	19	празником не только	праздником только
63	40	пехота с Гемонтной	пехота с Ремонтной
64	41	мобилизация 20 годов	мобилизуйте 20 годов
65	9	отогнан онем	отогнан огнем
70	3	25 рублей	25000 рублей
		станции	станции
73	37	Богаевской	Богоявленской
76	10	право крыло	правое крыло
77	12	казацьи группировки	казацьи группировки в городе
77	13 и 17	"Фиофанич"	"Фиофания"
77	21	Шура Гонду-	Шура Гайду-
77	48	вылезку	вылазку
79	47	послѣ упорного	после упорного
80	34	у двумя	и двумя
85	9	н-ка своего штаба	начальника его штаба
87		После 6-го куплета - припев "Алла-Верды".	
88		Под первой характеристикой Чернецова	Каклюгин
88		В характеристике Грекова (1-я строка)	
		папахе, се-	папахе, белый
89		Под характеристикой Курочкина	
		Двухтемов	Двухженов
89		В характеристике Лазарева	
		народный	нарядный
89		В характеристике Сидорина	
		Ирмана	Ирмана

Стр.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
97	51	снимат свою	снял свою
I00	I6	но отказываясь	и отказываясь
I07	33	месяц - ма	месяц апрель
II2	II	состоялось несколько	состоялось
		позже	несколько
II6	I8	не настало подвес-	не настало время
		ти	подвести
II7	28	увидеть, что	увидел, что
I23	I6	точло	точно
I23	45	сл своими	со своими
I24	23	на Дону и	на Дону сыграл
I25	42	ворвавшийся I фев.	ворвавшийся I2 фев
I29	подпись	К. Каплюгин	К. Каклюгин
I29	37	чубатые головы	чубатые головы
I41	25	казаки доцы	казаки донцы
I42	50	в августе I9I8	в августе I9I9
I48	49	К. Каплюгин	К. Каклюгин

Караеван

Зоркев

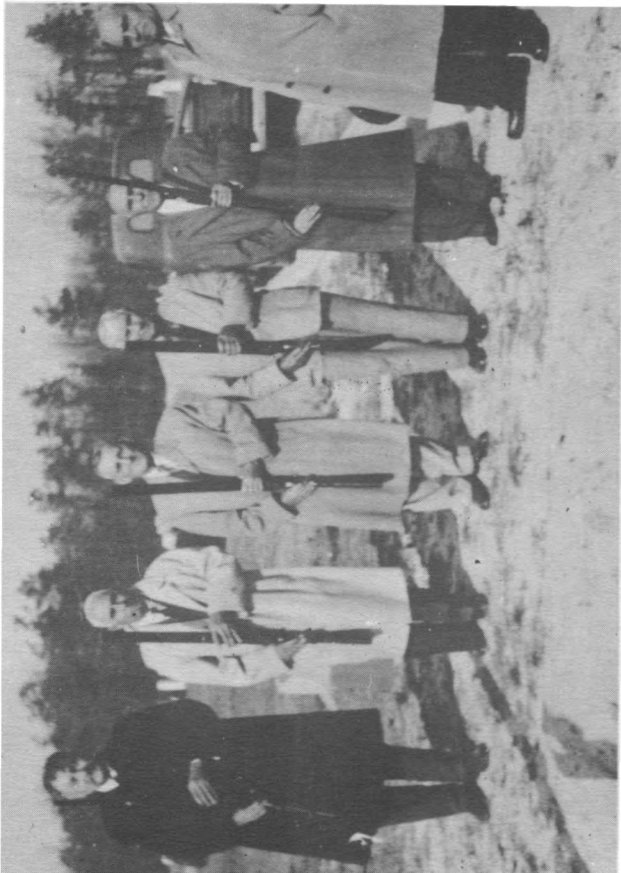

Назаров

Боравенк

Попов

Борис

Копсуна

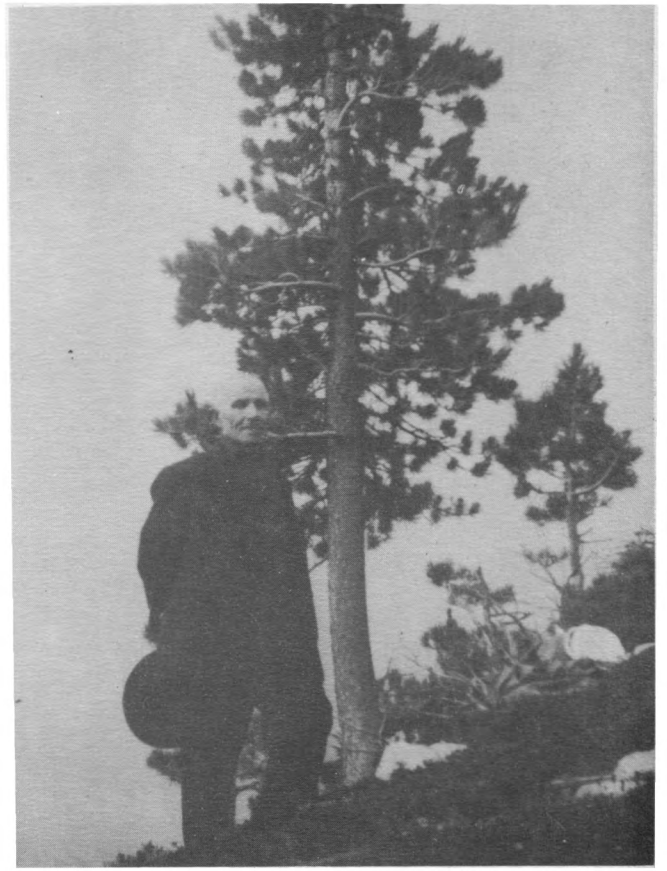
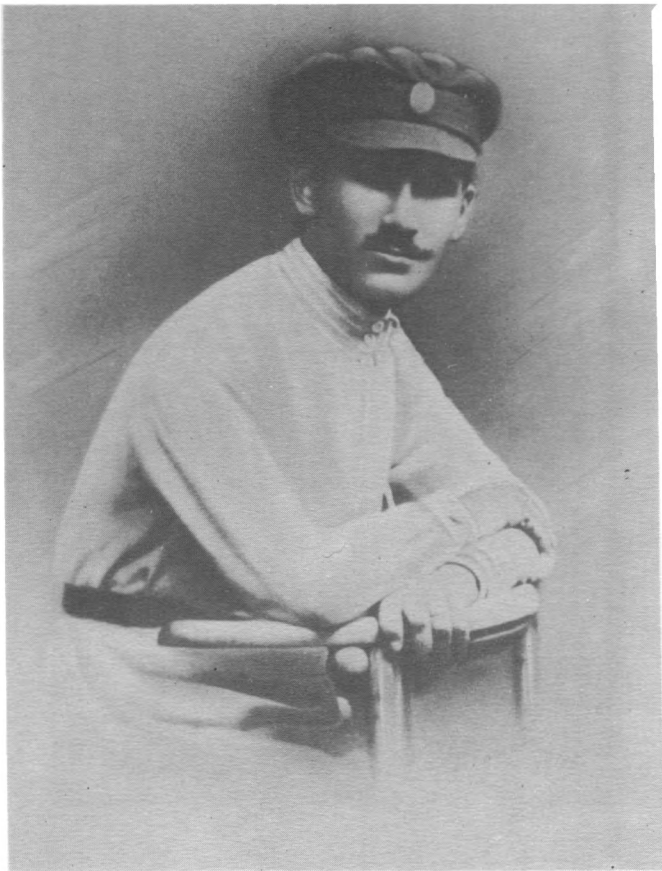
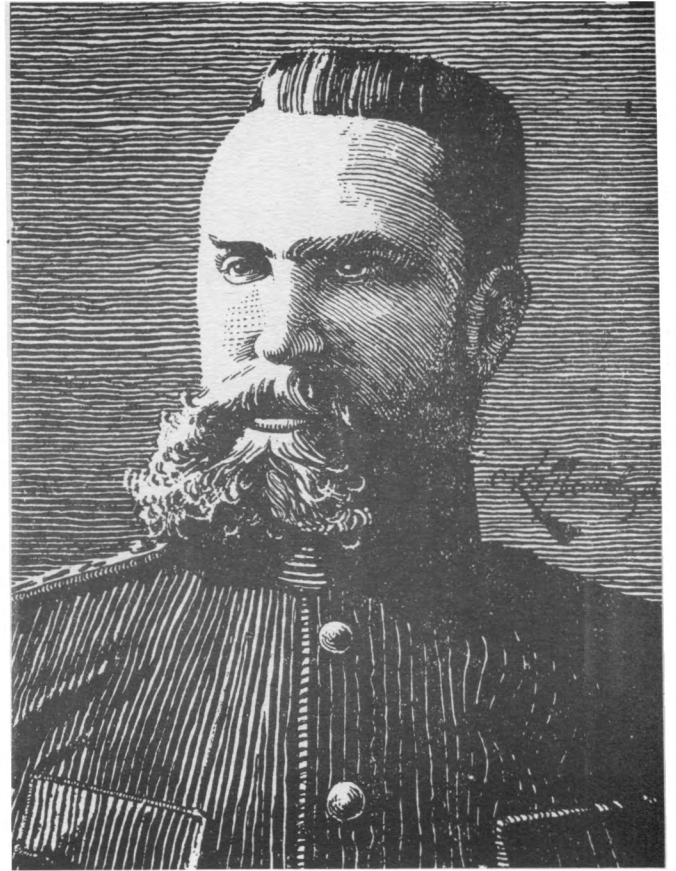

Масаніо

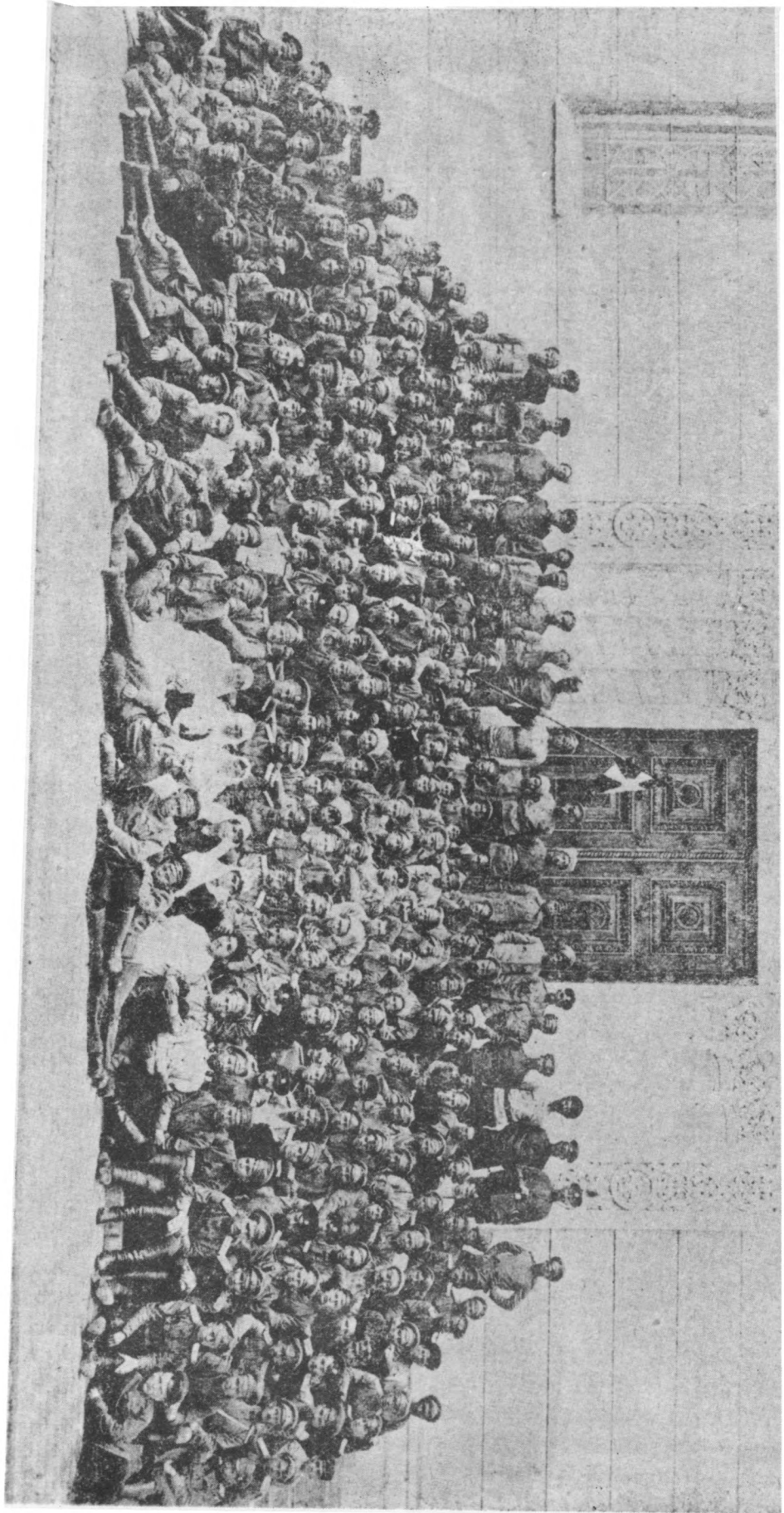

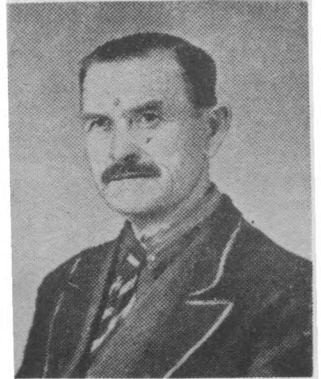
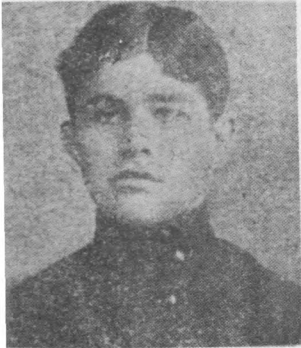
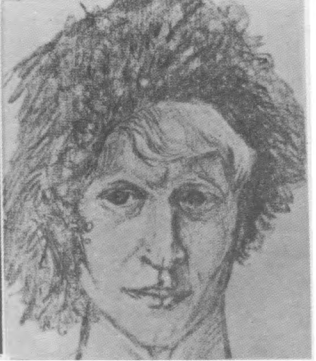

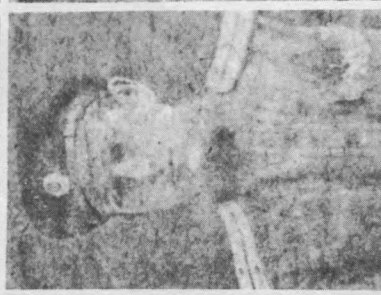
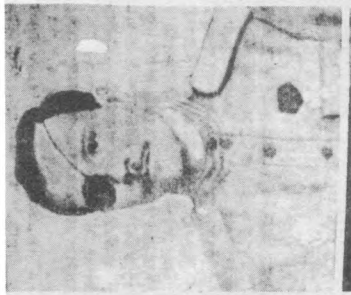
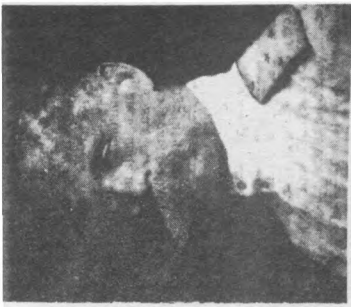

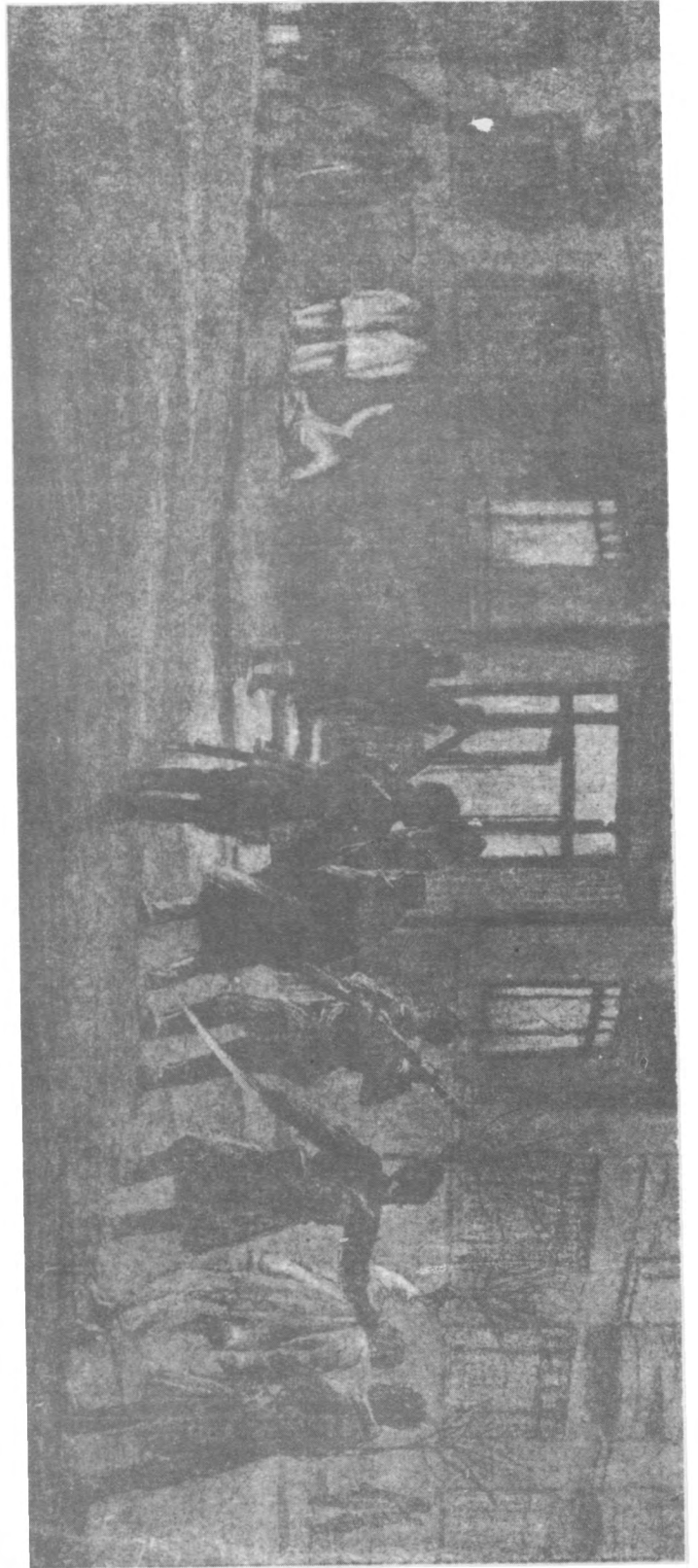
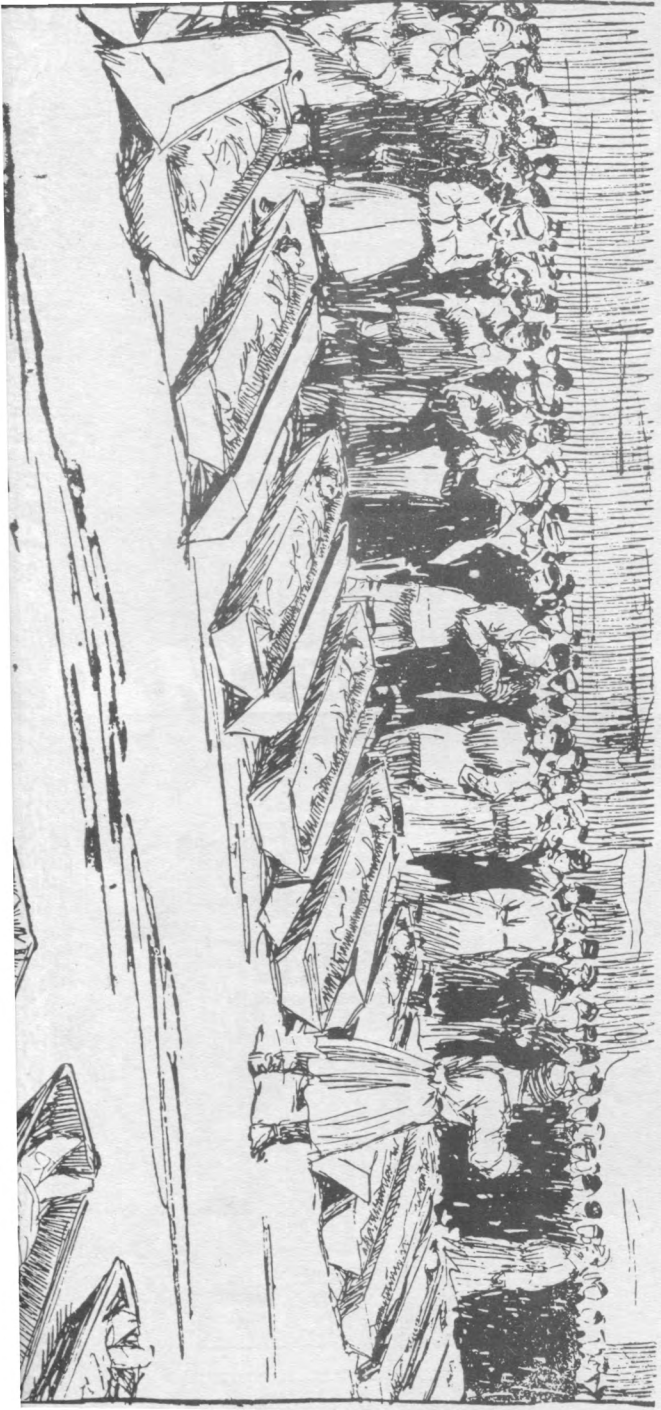

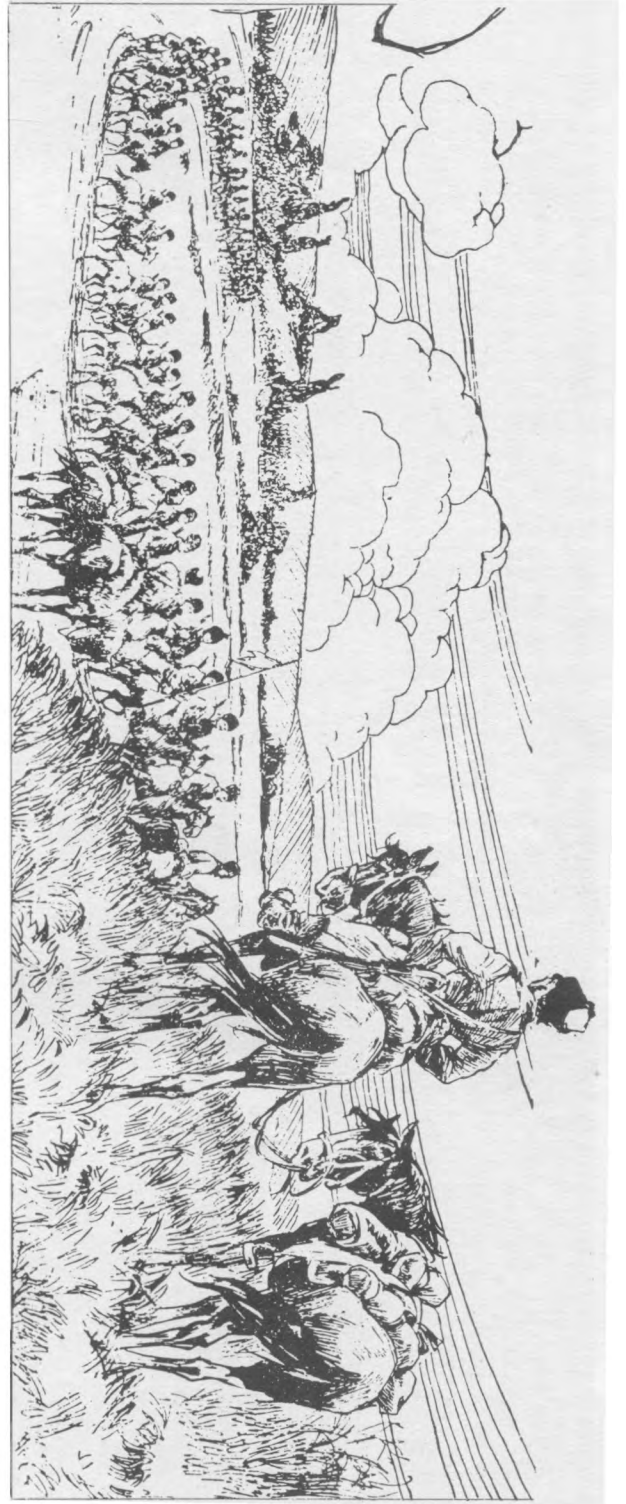
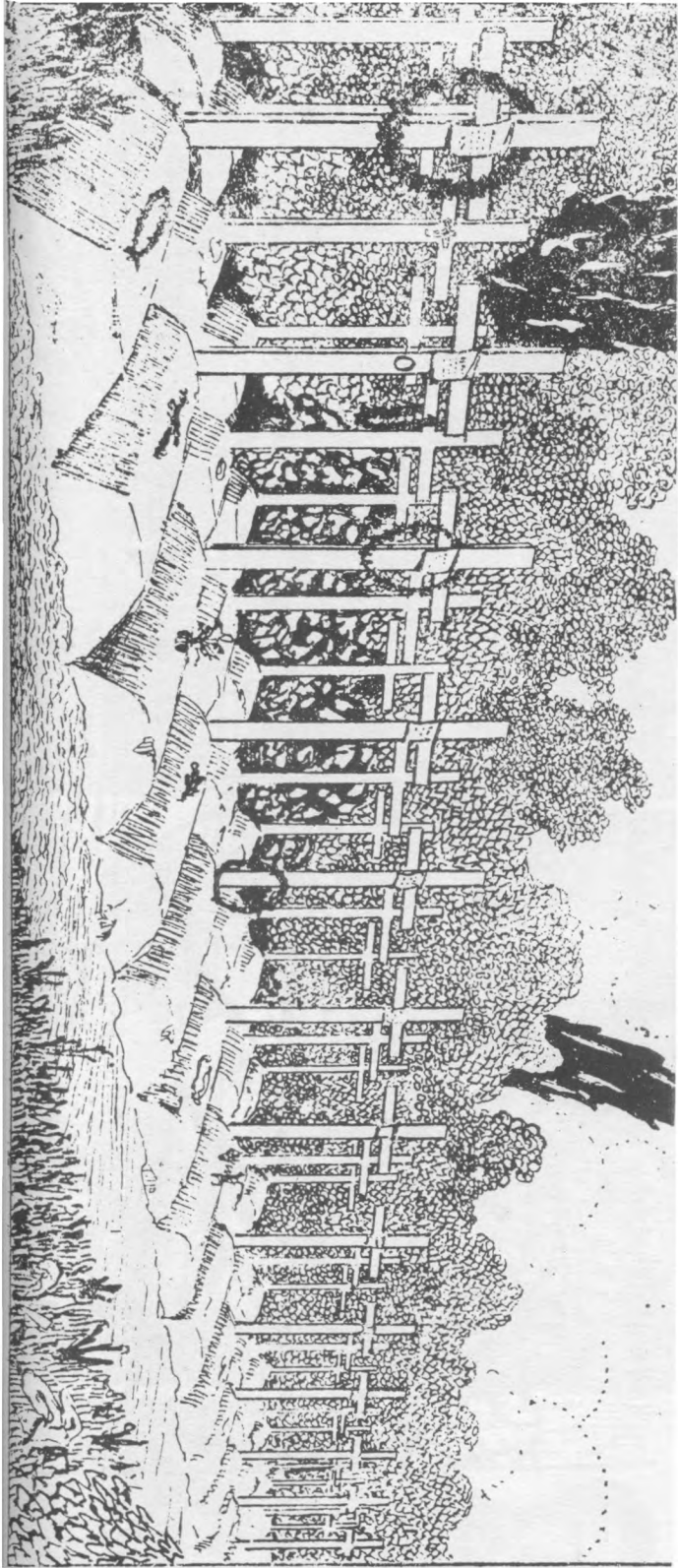

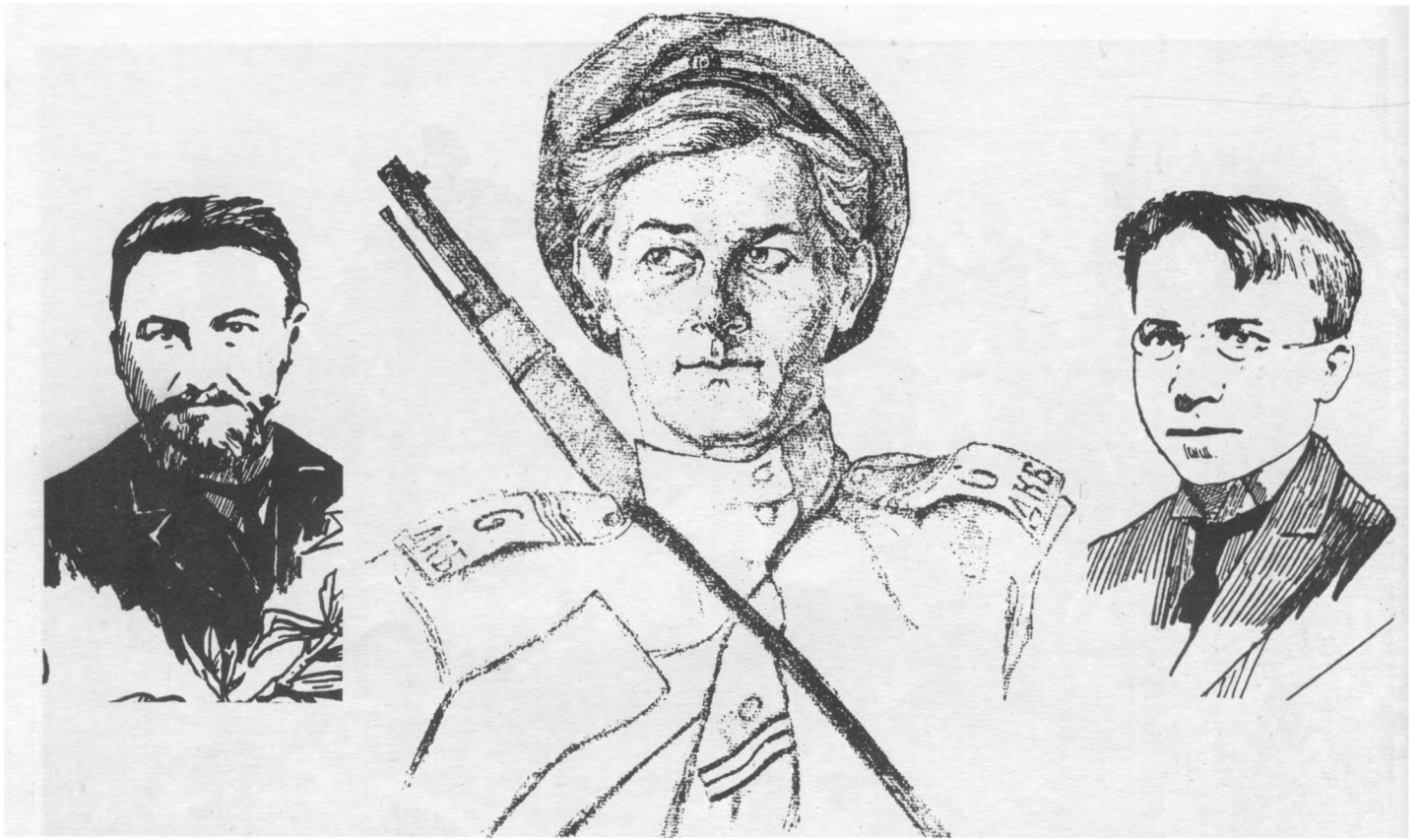

СОЮЗЪ
ПАРТИЗАНЪ
СТЕПНЯКОВЪ.

23 Мая 1919 г.
№ 445

Г. Новочеркасскъ.

Удостовереніе.

Въ воздаяніе воинской доблести и отмыннаго мужества въ бояхъ и похвальныхъ безпримѣрныхъ трудахъ и лишенияхъ во время „СТЕПНОГО ПОХОДА“ предъявителю сего

Сотнику *Атаману*
Александръ Петровичу

выдано настоящее удостоверение на право ношенія „Знака Отличія степного похода“ — „СТЕПНОГО КРЕСТА“ № 1340, что подписью и приложеніемъ печати Союза удостоверяется.

Основаніе: Приказъ Всевеликому войску Донскому 23 апрѣля 1919 г. № 696.

Бывшій *Атаманъ* Войска Донского,

ГЕНЕРАЛЪ *Поповъ*

Предсѣдатель Союза Партизанъ Степняковъ

Секретарь Союза Партизанъ Степняковъ *М. Сидоренко*

Выписки изъ прик. Всевеликому войску Донскому 23 апрѣля 1919 г. № 696.

Награжденные „СТЕПНЫМЪ КРЕСТОМЪ“ получаютъ нижеслѣдующія преимущества въ казакъ Донского войска; 2) имѣютъ право на производство въ слѣдующій чинъ до чина полковника безъ выслуги, при чемъ определеніе времени использования сего преимущества представляется самому награжденному; 3) время, проведенное въ походѣ (съ 12. II по 5. V — 1918 г.), считается на выслугу лѣтъ, день за два и) сами награжденные и ихъ дѣти принимаются въ учебный заведенія на казенной счетъ и 5) вдовы и сироты и неспособные къ труду за раненіемъ или контузией имѣютъ право на пенсію.

Лица, виновные въ самовольномъ присвоеніи или ношеніи „Знака Отличія СТЕПНОГО ПОХОДА“ „СТЕПНОГО КРЕСТА“, подлежатъ ответственности по ст. 1416 Улож. о нак. угол. и испр. съ усиленіемъ наказанія, примѣнительно къ приказу ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ отъ 25 сентября 1918 года № 500.

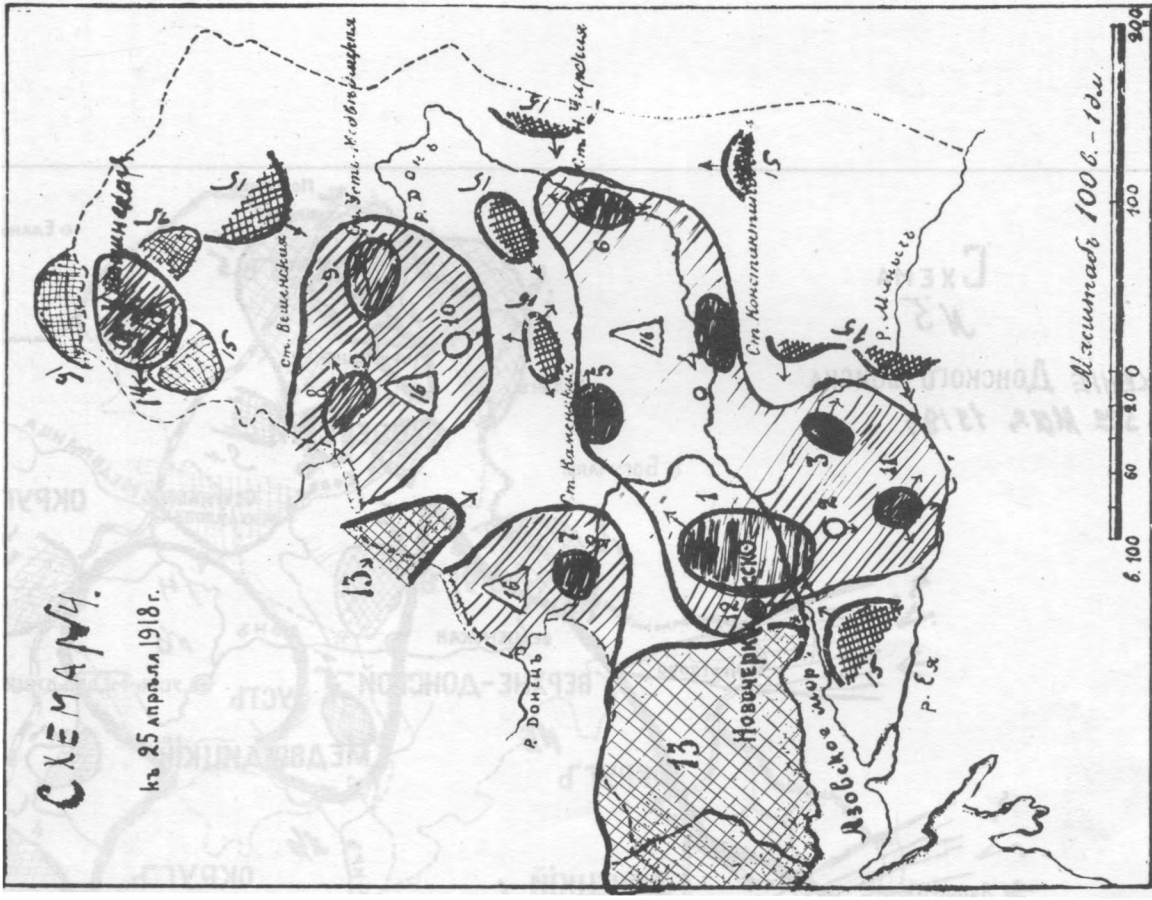
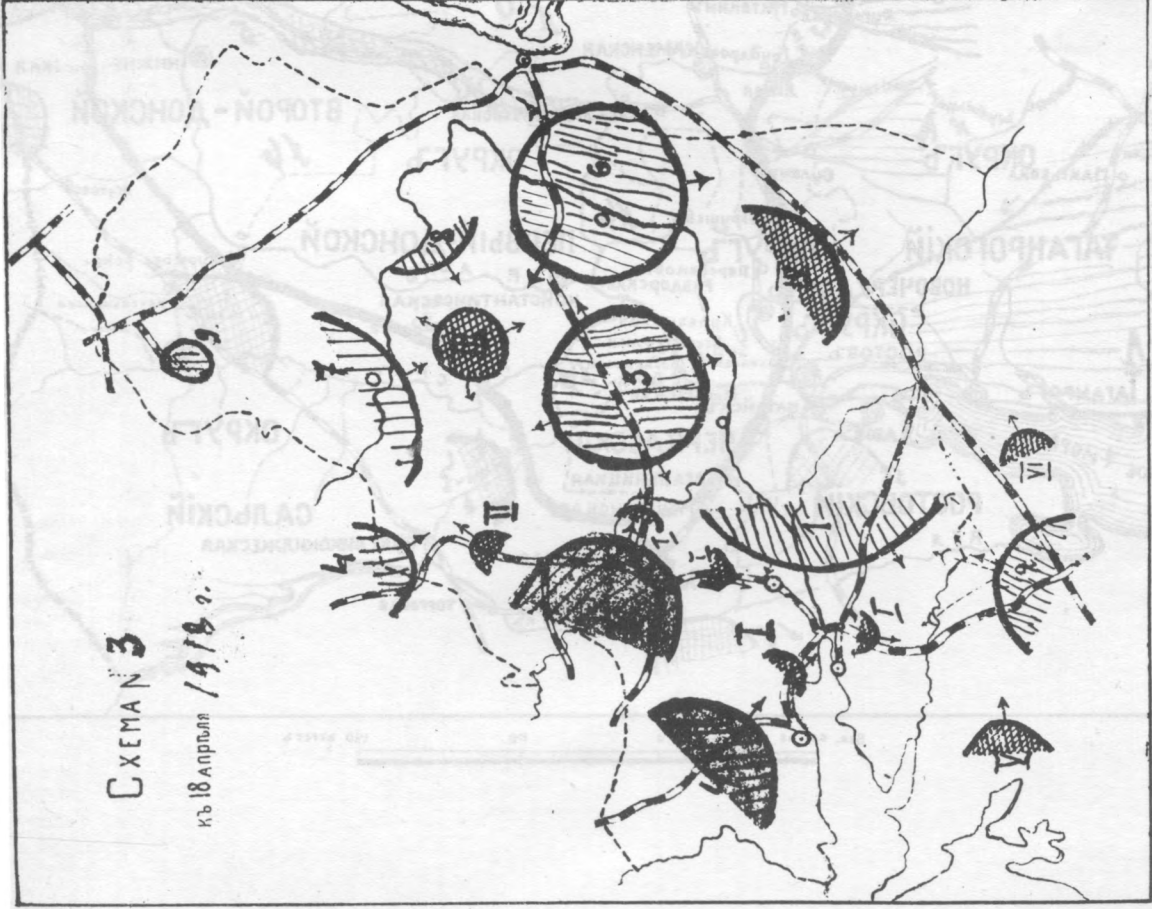
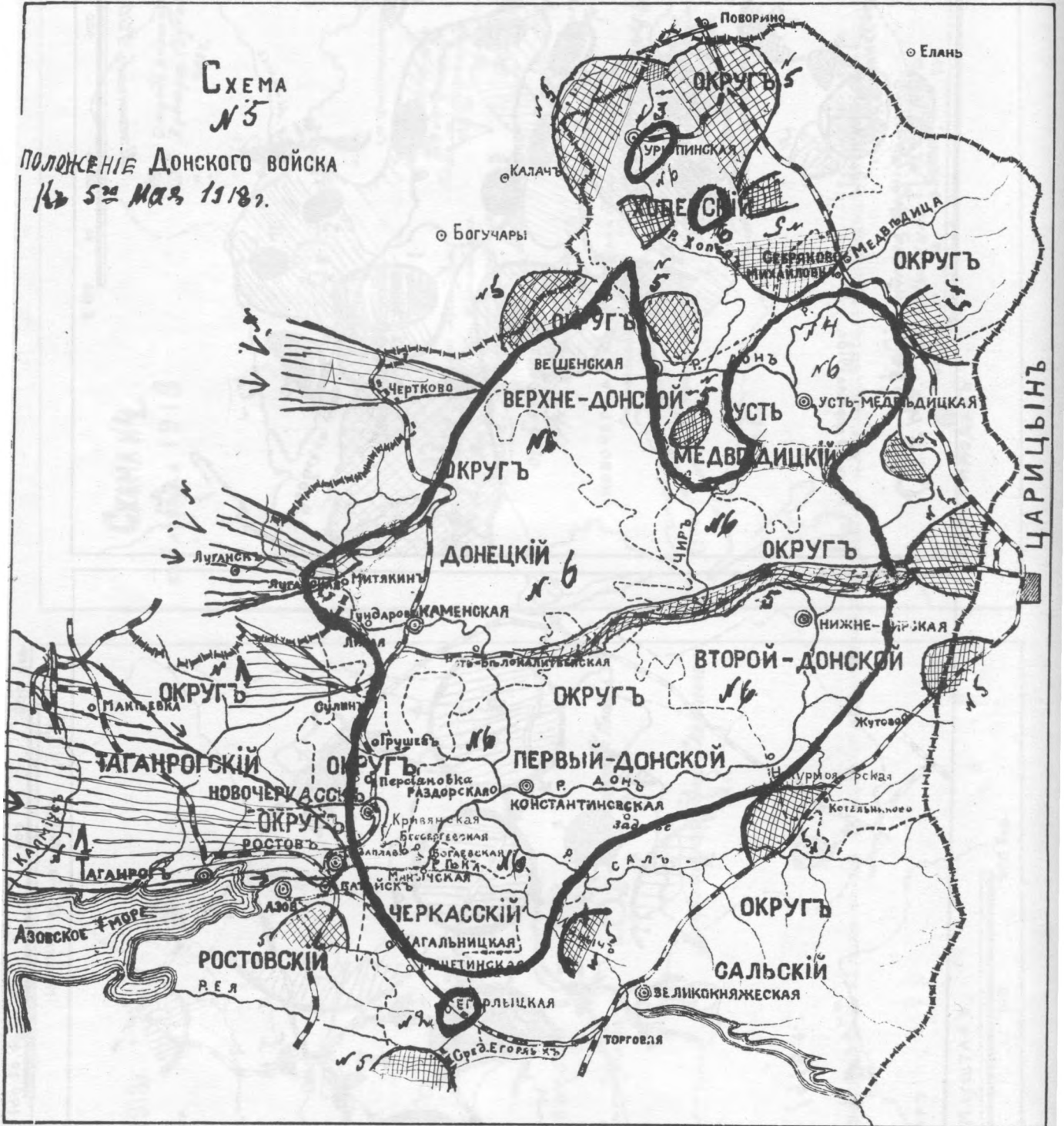

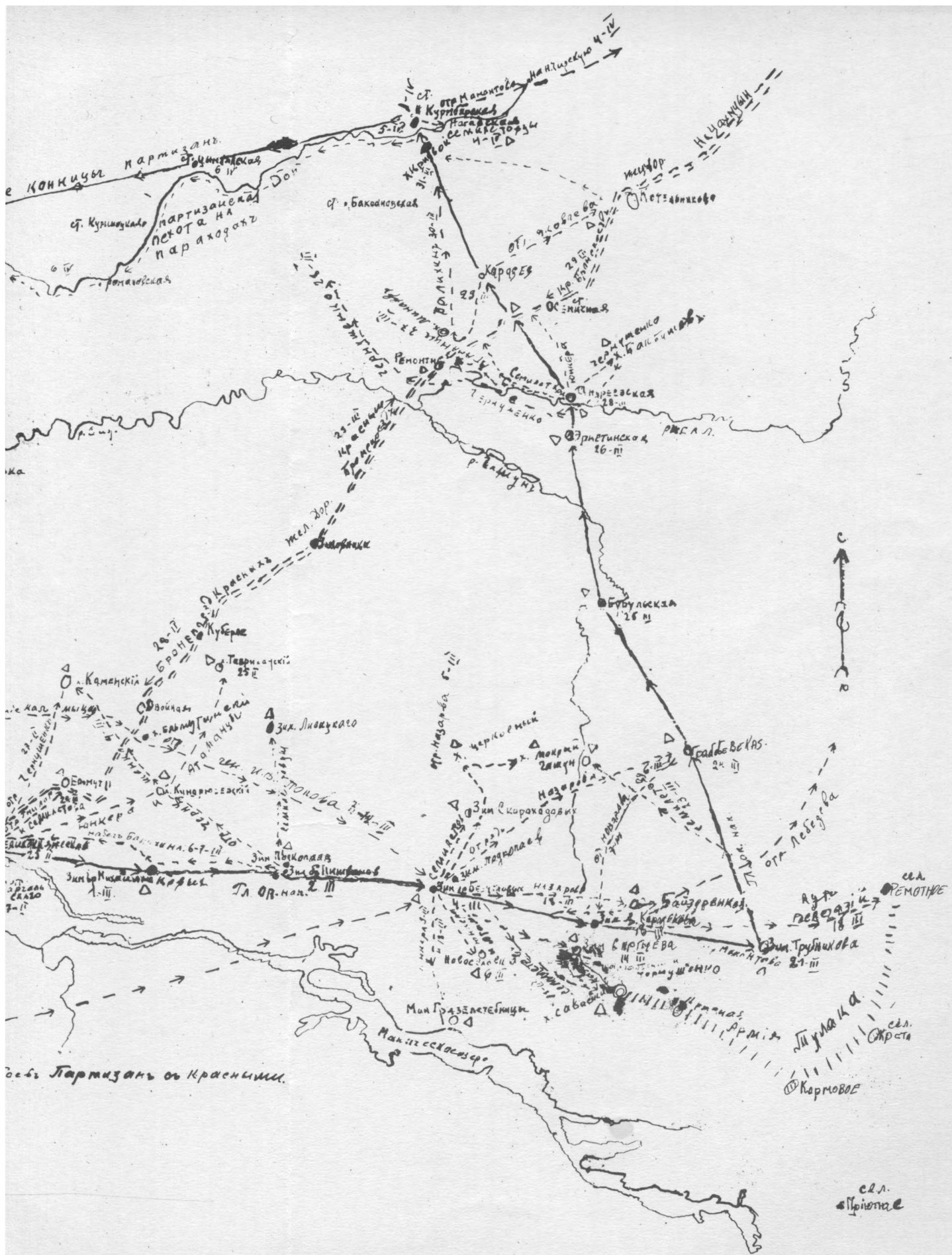

СХЕМА
№ 5

ПОЛОЖЕНІЕ Донского войска
№ 5го мая 1918г.

Вер. 60 48 36 24 12 0 60 120 ВЕРСТЪ

Партизань от Красных.

с.л.
Кривоше

